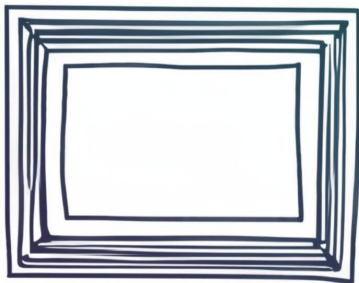

Долгое прощание с близким незнакомцем

Алексей
Уманский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Николаевич Уманский

Долгое прощание с близким незнакомцем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69303829

SelfPub; 2023

Аннотация

На сороковицах известного и внезапно скончавшегося писателя Глеба Кураева, прославившегося произведениями о жизни геологов и о природе Сибири, Михаил Горский узнает о неосуществленном замысле своего любимого атора – его романе «Тактика исчезновения», наброски которого хранит подруга Кураева Вика. Не получив доступ к архиву покойного, Горский решает реконструировать историю возникновения кураевского замысла, а затем отваживается написать этот роман за своего, как он убежден, единомышленника и брата по духу. То, с чего началась вся эта история и что получилось в результате разворачивается в двухчастном повествовании: Михаил Горский из первой части романа во второй части «перевоплощается» в якобы здравствующего Глеба Кураева, который ищет освобождения от городской суеты в девственных северных краях и пишет роман «Стратегия исчезновения».

Содержание

Часть I. Михаил	5
Глава 1. Среди незнакомцев на сороковинах	5
I	5
II	14
III	19
IV	27
V	31
VI	47
VII	56
Глава 2. Откровения, которых нельзя было ожидать	61
I	61
II	78
III	91
IV	94
Часть II. Глеб	97
Глава 1. Тактика и стратегия исчезновения.	97
Неосуществленный замысел	
I	97
II	134
III	144
IV	149
V	176

Глава 2. «Стратегия исчезновения». Роман	189
I	189
II	223
III	240
IV	280
V	292
VI	305
VII	320
VIII	351
IX	371
X	378
XI	395

Алексей Уманский

Долгое прощание с близким незнакомцем

Часть I. Михаил

Глава 1. Среди незнакомцев на сороковинах

I

Дома над рабочим столом за стеклами книжной полки стояли две фотографии. На одной он был снят в фас крупным планом, видимо, сидящим в лодке, с полуавтоматическим дробовиком Браунинга на груди. Глаза прищурены от яркого света, светлые волосы взъерошены. Твердая воля проявляется и во взгляде, и в плотно сжатых губах. Первопроходец, постоянно живущий в дальнем краю и, разумеется, в атмосфере риска, не позволяющей расслабляться. На другой фотографии улыбающееся лицо, фигура, свободно изогнувшаяся с опорой вбок на одну руку в проеме

двери таежной избушки – в состоянии той расслабленности, которая вроде бы начисто исключалась в нем при взгляде на первую фотографию. Даже браунинг висит не на шее, готовый к мгновенной вскидке, а на колышке, вбитом в стену, где-то сбоку. Человек с фотографий не был Михаилу Горскому ни родственником, ни другом, ни даже знакомым. Их связывало другое – почти мистическая общность восприятия и стремление к достижению одного и того же состояния души в условиях, которые были равно притягательными для обоих. Человека, запечатленного на фотографиях в столь непохожих настроениях, звали Глеб Кураев. Сначала областью проявления его талантов была геология и геофизика, затем художественная литература. Первая профессия привела его в те края, в которые он стремился попасть по склонности души, вторая профессия раскрыла его способность необыкновенно выразительно представить в слове увиденное и пережитое в дальних краях.

Глеба Кураева уже не было в живых. До его смерти в распоряжении Михаила имелись только три возможности, три пути проникнуть в мир и пристрастия Глеба. Первый и главный – книги, написанные Кураевым. Второй – собственный походный опыт и походное мироощущение самого Горского, во многом сходное с кураевскими. И третий – несколько писем Глеба Кураева, присланные им в ответ на письма Горского, – совсем небольшая по объему переписка.

После смерти Глеба появился еще один, прежде не до-

ступный, источник знаний об этом человеке – люди, по разным случаям и причинам знавшие и любившие Кураева или дружившие с ним.

Сначала о времени и месте похорон Глеба Кураева Михаилу уведомила телеграммой неизвестная ему Люда. Телеграмма не застала Горского дома. Когда он прочел ее, стало ясно, что он безнадежно опоздал. Потом он неверно вычислил девять дней со дня смерти и, приехав по адресу, по которому раньше только писал, выяснил, что снова опоздал. Около месяца спустя Михаил получил вторую телеграмму от той же Люды, в которой его приглашали на сороковины.

Михаил собирался на поминки со смешанным чувством. С одной стороны, он считал нужным отдать долг памяти человеку, с которым у него установилась прочная невидимая связь. Было даже приятно, что в окружении Кураева, в котором он никого ровным счетом не знал, о нем помнили. А с другой – было как-то неловко. Поразмыслив, Михаил решил в качестве рекомендации захватить письма Кураева и телеграмму Людмилы.

Неожиданностью для него стал звонок накануне сороковин. Жена, передавая Михаилу трубку, удивленно сказала: «Тебя какая-то женщина. Спрашивает по фамилии».

Он тоже удивился и потому довольно официальным тоном сказал:

– Слушаю.

– Здравствуйте, – раздалось в трубке. – Это вы – Горский?

– Да, я.

– Скажите, вы знали Глеба Кураева?

– Лично нет. Но нас кое-что связывало. Письма, например.

– Да, я знаю. Это вы подарили ему трубу?

– Я.

– Так вот, если хотите, приходите в субботу в его дом. Там соберутся те, кому он был дорог.

– Спасибо. Я хотел бы там быть. – Михаил чуть было не проговорился, что уже приглашен. Несомненно, это была не Люда, которая, судя по телеграммам, знала его имя и отчество.

– Адрес вы знаете? И как ехать?

– Да, я даже там был, только никого не застал, кроме соседа, поскольку ошибся и приехал после девятого дня. Все сообщения, в том числе и газетные, вовремя ко мне не попали.

– Да, – сказала женщина. – Это произошло так неожиданно. Прямо как обухом по голове. Ему всего-то был сорок один год.

– Простите, вы не могли бы мне сказать, кто вы? – спросил Михаил.

– Ну как кто? – явно смутилась женщина.

– Назовите свое имя хотя бы. А то мне без него неловко к вам обращаться.

– Оля. А как зовут вас?

– Михаил.

– Нет, скажите и отчество.

– Я всего на год старше Глеба.

– Все равно скажите. Глеб вас очень уважал.

– Если настаиваете – Михаил Николаевич.

– Хорошо.

Горский почувствовал, что его собеседница с явным облегчением перевела дух. Наверное, потому, что не стал допытываться, кем она приходится Кураеву. Скорей всего, так.

– В котором часу лучше приехать?

– Приезжайте к часу, Михаил Николаевич. Обещали быть его друзья-геологи. Они будут собираться на вокзале, от туда поедут на кладбище. А остальные сперва собираются на квартире у Глеба.

– Я приеду к часу. Как мне вас узнать? Ведь я там ни с кем не знаком. Кстати, вы ведь не его сестра Ольга Александровна?

– Нет. А я высокого роста, в очках, волосы темные. И со мной будет мальчик двенадцати лет, мой сын. – Оля помолчала, потом добавила:

– Думаю, других детей там не будет. Так что узнаете.

В воздухе запахло отцовством, причем, возможно, не вполне признанным.

– Хорошо, – произнес Михаил.

– Михаил Николаевич, а вы хотели бы что-то узнать от меня о Глебе?

– Конечно! Ведь кроме как из литературы да из писем,

я ничего о нем не знаю. Даже не представляю, какого он был роста. Вероятно, высоким, сильным?

– Нет! – засмеялась Оля. – Рост у него был небольшой. Но насчет силы вы правы. Он был широк в плечах, много занимался спортом. Лыжами, самбо, велосипедом, в последнее время горными лыжами. Интересовался йогой. И у него всегда было много друзей.

– Вы знали его еще с Магаданских времен?

– Да. И я редактировала его первые публикации.

Оля вздохнула, будто не решив, говорить еще что-то или не говорить. Михаил решил ей помочь.

– Скажите, Оля, а Глеб успел завершить свой новый роман?

– Какой? «Северо-восточные полигоны»?

– Нет, следующий. Это ведь уже дважды издано. Я говорю о «Тактике исчезновения».

– Он вам и об этом писал? – не то удивляясь, не то радуясь спросила Оля.

– Да, писал. Иначе откуда бы я знал?

– Да, верно... – подтвердила она. – А я вот печатала все его вещи. Точнее – перепечатывала начисто.

– Понимаю. Он ведь и мне письма на машинке стучал.

– Нет. Глеб не успел закончить «Тактику исчезновения». Есть только первый вариант. А свои вещи он переделывал не по одному разу.

– Понимаю, – еще раз произнес Горский. Свои вещи он то-

же переделывал по многу раз, за исключением некоторых рассказов, которые, можно сказать, получались сразу.

– Ну ладно, Михаил Николаевич. Очень рада, что поговорила с вами и что вы придете. Тогда и побеседуем еще.

Решив в свое время подарить Кураеву любимую старинную подзорную трубу, Михаил попросил свою сотрудницу Аллу, жившую в том же подмосковном городе, что и Глеб, занести подарок с письмом непосредственно в дом писателя, поскольку почте не шибко доверял, а сам считал неприличным появляться у Кураева без зова, и, как выяснилось позже, не зря. На случай, если Кураев спросит у Аллы адрес Горского, она должна была сказать, что знает только домашний телефон. Михаилу хотелось либо убедиться в том, что Кураев хранит его письма и адрес, если пришлет благодарность по почте, либо услышать голос заочного знакомого и, возможно, договориться о встрече, если тот позвонит. В том, что Глеб отреагирует на это символическое выражение духовного братства и символическую же награду от читателя за первый крупный роман, Михаил не сомневался. Но передача подарка прошла не по предполагаемому сценарию. Алла рассказала, что ей открыла дверь молодая светловолосая женщина. С приветливой улыбкой приняв в руки подарок, она, однако, не сразу взяла в толк, что он собой представляет. «О, рижский бальзам! – воскликнула женщина глядя на блестящий, с ободом из красного дерева основной тубус сложенной трубы. – Очень кстати! – «По-моему, это подзорная тру-

ба», – возразила Алла. Тогда женщина чуть-чуть смутилась, но сказала, что и трубе Глеб будет очень рад, но только сейчас он спит. И вообще он очень расстроен. Вчера как раз похоронили его старого друга. Очень жаль, что он не сможет сейчас поговорить с посетительницей. Следуя инструкции Горского, Алла назвала его телефон. Женщина еще раз поблагодарила, и на этом они расстались. Горский не мог отделаться от мысли, что Алла увидела нечто такое, что не рассчитывала увидеть и о чем стесняется говорить.

– Алла, у вас не создается впечатления, что Кураев был пьян?

– Вы знаете, Михаил Николаевич, действительно случилось. Не хотелось вас огорчать, но все было, прямо как в нашем доме во время встреч родителей с приятелями из богемы (отец Аллы был известным живописцем).

– А женщина, с которой вы говорили, симпатичная?

– Да, мне она понравилась. Похожа на художницу или на геолога. Видимо, это его жена.

До сей поры Михаил не сумел уловить из произведений Глеба каких-либо признаков того, что он женат, но в этом деле, пожалуй, лучше было положиться на мнение Аллы. Мужчинам тут требуются доказательства, тогда как женщине достаточно просто взглянуть.

Глеб Кураев предпочел написать, а не позвонить, и это было косвенным подтверждением правильности Аллиного предположения. Да и сам тон кураевского письма, пожалуй,

свидетельствовал о некотором смущении Глеба.

«Михаил Николаевич!

Я специально не ставлю слова «многоуважаемый», ибо это не стандартно вежливое письмо. Это просто письмо к человеку, который тебя понимает в том, что ты не смог сказать или не хотел по тем или иным причинам. Ваш далеко не стандартный поступок с подарком мне – грешному и суетному человеку – подзорной трубы... Это дорогого стоит.

Уверяю Вас, что это будет одна из ценных и любимых в доме вещей, ей гарантирована сохранность во всяком случае до конца моих дней. Самое искреннее спасибо. У меня давняя страсть к вещам из латуни и бронзы. В наше грешное и малосильное время вот так поступить, как поступили Вы... может быть, труба попала именно по адресу, ибо я могу это оценить.

За слова о «Северо-восточных полигонах» – спасибо. Вы правы, этой вещи ещё требовалось полежать на столе год-полтора. Но литературная работа в наших условиях – это игра в очко. Ты не знаешь, какая карта тебе выпадет через пять минут. Выпала карта: «Глеб, немедленно ставим в номер». Я не мог не согласиться. Когда выйдет книгой, вы ее получите. В книге, в отличие от журнального варианта, довольно много разночтений. Сейчас я работаю над романом «Тактика исчезновения». Смысл романа в эпиграфе. Эти слова сказал когда-то древний мудрец Гиллель, или рабби Гиллель, поразному пишется. Слова таковы: «Если я не за себя, то кто

за меня? Если я только за себя – к чему я?»

Встретиться бы как-нибудь надо?

Кланяюсь Вашей жене и с искренним приветом. Г. Кураев».

Да, пару раз в письме явно проскальзывали нотки вины неизвестно за что.

Свое обещание прислать книжный вариант «Северо-восточных полигонов» Глеб выполнил. На титуле была дарственная надпись: «Михаилу Николаевичу Горскому с уважением. Г. Кураев». Через три месяца он умер. За это время ни он не позвонил Горскому, ни Горский ему. Глеб Кураев перешел из жизни в историю последних десятилетий героической эры отечественной геологии. В историю отечественной художественной литературы. В личные истории связанных с ним по жизни людей. Михаил подумал, что именно с последними ему выпал шанс познакомиться на сборище, куда его, каждая порознь, пригласили Люда и Оля.

II

Когда Горский одновременно с каким-то мужчиной позвонил и вошел в квартиру Кураева, с ними поздоровались, но ни о чем не спросили. Оба отдали принесенные с собой цветы и бутылки. Вино сразу сунули в уже наполненный напитками холодильник, а цветы понесли женщине, которая, нагнувшись возле ванны, старалась засунуть в ведро огром-

ный объединенный букет. Преодолев неловкость, Горский перешел из прихожей в просторную светлую комнату. В комнате было светло не только от июньского полдня, льющегося в большое окно, но и от шкуры белого медведя. На крупных рогах сохатого висели – это Горский отметил мгновенно – автоматический браунинг и в перекрест ему курковое двустольное ружье двенадцатого калибра, а между ними подаренная Горским труба. С другой стены вглубь комнаты выдавались рога архара.

Михаил пробежал глазами по лицам присутствующих. Похожих на Олю среди них не было, равно как и ребенка. Зато в одной из женщин, по фотографии, виденной однажды в книге писателя-первопроходца северо-восточных дребей, он узнал вдову друга Глеба, о смерти которого сообщила женщина, говорившая с Аллой. Вдова была намного моложе покойного первопроходца.

Михаил вернулся в коридор и прошел на кухню. Там около стола стояла женщина средних лет, невысокая, темноволосяя и в очках.

– Простите, вас зовут Оля?

– Оля? Вам нужна Оля?

– Прошу прощения, вы, наверно, Ольга Александровна, сестра Глеба. А я принял вас за Олю, которая звонила мне. Я Горский.

– Да. Очень рада, что вы пришли. Я о вас знаю от Глеба. Подождите, я вас сейчас познакомлю.

Она вернулась на кухню через несколько секунд.

– Вот это Оля, мать сына Глеба.

Горский подумал, что Оля не так уж и высока ростом. Но распущенные до плеч волосы были действительно темными, и глаза на бледном лице смотрели сквозь очки. Было видно, что она чуть смущена и встречей с ним и присутствием Ольги Александровны, в отношениях с которой у нее могли быть какие-то сложности. Но обстановку разрядило появление еще одной дамы.

– А вот и Люда, она была женой Глеба, – сказала Ольга Александровна, представляя женщину, которая занималась цветами в ванной.

– Здравствуйте, Михаил, – приветливо сказала она, услышав его фамилию. – Жаль, что мы так поздно с вами знакомимся. Я уверена, вы подружились бы с Глебом. Пойдемте, я вас представлю.

Михаил вновь оказался в комнате с медвежьей шкурой.

– Друзья, – громко произнесла Люда, – это друг и читатель Глеба Михаил Горский. Это он подарил Глебу трубу.

В этом месте она, набрав в легкие побольше воздуха, продолжила:

– Глеб его очень уважал. Хотя они никогда и не виделись.

Ее сообщение не вызвало у присутствующих никакого отклика. У Михаила возникло чувство, что всем, начиная с него самого, после Людиных слов стало неудобно. Горский невесело заметил про себя, что в этом доме его имя намерт-

во связано с подозрной трубой.

– Михаил, посмотрите фотографии, – тем же громким голосом сказала Люда, хотя на этот раз обращалась к нему одному.

– Вот здесь Глеб в своей первой экспедиции на Чукотке, а вот здесь на острове Врангеля. Здесь я вместе с ним. Это он на притоке Колымы возле охотничьей избушки.

– Где? На Омолоне?

– Да. А вот здесь его друг Виктор... недавно умерший.

– Виктор Трофимович?

– Да.

– Вы его знали?

– Нет, только по книгам.

– А вот это охотничьи трофеи Глеба, – продолжила Люда. – Он все выделал сам. И шкуру, и рога. Вот, посмотрите эти фотографии сами.

Сюжет был на всех примерно один и тот же: Глеб и Люда. С улыбкой и без. С лицами, сближенными вплотную и слегка отодвинутыми одно от другого. Лицо одного Глеба с сильно наморщенным лбом с очень грустными и усталыми глазами. И везде дымящаяся трубка, в руках или во рту. Нет, не такую фотографию Михаил хотел бы забрать себе на память. Вот если бы ту, где он вольно стоит перед входом в избушку на Омолоне. Или ту, где он сидит в лодке, небось, тоже на Омолоне, вода которого нестерпимо блестит, заставляя писателя-путешественника щуриться. Странник находился

именно там, где ему надлежало быть – в глухой местности, среди таежных гор, в тиши, не нарушаемой ревом двигателей, на дивной своевольной реке.

Немного погодя Люда подвела к Горскому вновь пришедшего человека. Он был высокого роста, непарадно одет, с простоватым, но приятным лицом.

– Михаил Горский, – сказал Михаил.

– Вадим Семичев.

– Вадим буквально накануне смерти приезжал к Глебу договариваться о новой экспедиции, – сказала Люда.

– Вы кинооператор? – догадываясь о характере экспедиции, спросил Михаил.

– Да.

– И ездили с Глебом на Чукотку в шестьдесят восьмом году за особо крупным зверем?

Вадим подтвердил. Глеб хотел тогда удостовериться в существовании горного медведя огромной величины, о котором ходили легенды среди местных пастухов. Правда, сам Михаил подозревал, что медведь был не столько целью поисков Кураева сколько благовидным предлогом, чтобы вновь оказаться в заветных местах. В своих путевых заметках об экспедиции, опубликованных в журнале, Глеб ни словом не обмолвился ни о съемке кинофильма, ни о кинооператоре, обронив только, что оказался там в странной должности руководителя сафари.

– Мы с ним действительно намечали новый маршрут –

сказал тем временем Вадим. —Ведь только что виделись с ним живым и здоровым.

– Представляю, как его тянуло на Чукотку.

– Только об этом и говорили, – подтвердил Вадим.

В коридоре началась какая-то суэта.

– Пора, ребята. Надо идти, – громко сказал какой-то делового вида человек со шкиперской бородкой и твердым взглядом.

III

В коридоре уже разбирали по рукам ведра, цветы и лопаты. Михаил поискал глазами свою сумку, где остался плащ. Собиралась гроза. Спустившись по лестнице, он застал во дворе у подъезда людей, вышедших из дому раньше. Горский встретился взглядом с человеком в линялой голубой рубашке.

Тот сказал приветливо, по домашнему:

– Пойдем потихоньку.

У него было уже немолодое, в морщинах лицо, и все-таки что-то заставляло сомневаться в том, что этому человеку действительно много лет.

– А давай познакомимся, – просто сказал человек. – Николай.

– Михаил. А по отчеству вас как?

– Да не надо... Просто Коля. – Мы с ним соседи были.

Я вон там живу, – он показал на дом, стоявший в глубине двора. – Друг он мне был.

– А я его так и не видел при жизни. Только письмами несколько раз обменялись.

– А он любил смотреть в твою трубу. Собирался взять ее с собой в экспедицию. Как ни придешь к нему, смотрит в нее через окно.

– Что ж, приятно, что она ему понравилась. Она сильная. Почти втрое сильнее его бинокля. У него восьмикратный был?

– Да, – подтвердил Николай. – Я ведь все его аппараты и приборы знаю. Чуть что не в порядке – он мне: «Николай, посмотри!» А чего? Мне приятно. Я и аппарат ему починил, когда в объектив вода залилась. Видел – висел в чехле «шесть на девять»? А как его разобрать – непонятно было. Повертел в руках так и эдак. Дай, думаю, кожу отделию в одном месте, которой корпус оклеен. И нашел.

– Да и не только это, – продолжил Николай, закурив сигарету.

– А кто вы по профессии?

– Я-то? Наладчик автоматов. А сначала футболистом был. Играл за сборную округа.

Михаил искоса посмотрел на него. Ничего ни военного, ни профессионально футбольного, в облике этого добродушного, доброжелательного человека не было.

– В прошлом году Глеб предложил: «Поехали ко мне

на родину?» Ну, я взял отпуск, поехали вдвоем – он, Люда и я. Памятник на могиле его матери поставили. В деревне жить не захотел. «В лесу устроимся», – сказал. У нас палатка с собой была. Польская. Ну, там мы неделю прожили. Он рано вставал, шел охотиться. Ну, и я тоже... не залеживался. Возишься с дровами у костра – слышишь, бухает по кому-то.

– Из браунинга?

– Ага. И всегда возвращался с добычей. Появляется на том берегу речки – мы возле речки стояли, километрах в восьми от деревни, – переберется по дереву, поваленному с берега на берег – то утка, то рябчик, то тетерев. Хорошо там было! И Люда довольна, и он.

– Для вас тоже было неожиданностью, что он умер?

– Что ты! Не говори! Я даже сперва не поверил. Прибежала Люда, вся в слезах: «Глеб умер»! – «Да ты что, говорю, е.....! Он же только вчера к тебе в Ярославль приехал»! – «Там, – говорит, – у него и случился приступ, и он умер».

– А Глеб болел сердцем? – спросил Михаил.

– Нет, не жаловался. Перед тем, как ему ехать в Ярославль, пришел этот оператор, Вадим. Они вместе в новую экспедицию на Север собирались. Карту разложили, выбирают маршрут. Он мне и говорит, когда я пришел: «Никола, сходи за коньяком, ко мне друг приехал». Выпил с ними немного и ушел к себе, чтобы не мешать. Вот. Больше его живым и не видел.

– А как он умер?

– Да вот, Люда говорит, в понедельник это случилось. И она, и ее сестра, и муж сестры пошли на работу. В перерыв сестра пришла домой – Валя ее зовут, а Глеб говорит – плохо с сердцем, дай нитроглицерин. Дома нитроглицерина не оказалось. Валя побежала в аптеку, вернулась – он без сознания. Ну, она вызвала скорую, соседку по площадке – медсестру – позвала. Пытались его в сознание привести, потом приехала скорая. Врач посмотрел: «Все» – говорит. А когда Глебу вскрытие сделали, то сказали, что с таким сердцем он бы все равно месяца не прожил, даже если бы его спасли.

– А что такое?

– Да все сосуды, говорят, прям обизвестковались, хрупкие такие стали, что все равно должны были где-то лопнуть.

– Не может же быть, чтобы он, находясь в таком состоянии, ничего не замечал.

– Да кто его знает! Может, он, конечно, и замечал, – задумчиво сказал Николай, – да только не говорил. Вон даже Людка не знала.

Некоторое время они стояли молча.

– Идут, – сказал Николай. – Пойдем.

– А курил много?

– Если трубку и вынимал изо рта, то для того, чтобы закурить сигарету. Кофе крепкое тоже пил почти непрерывно.

– А это? – спросил Михаил, щелкнув себя пальцем по шее.

– Бывало, – лаконично отозвался Николай. И как-то почти

без паузы оживился было, но сник.

– Жаль, – сказал Михаил. – Со всех сторон его жаль. Верно, Коля? Только-только стал по-настоящему известен, из нужды наконец выбился. И все с каким трудом... Экспедицию для души, которую столько времени вынашивал, осуществить не успел. Второй роман не дописал. Столько всего не сделал из того, что мог и хотел, и именно тогда, когда перед ним открылись большие возможности. Вы его много лет знаете?

– Да с тех пор, как он из Магадана приехал.

– Понятно, – отозвался Горский. Это значило примерно двенадцать лет.

– Слушай, Миша, – продолжил Николай, – говори мне «ты». Мне так привычней.

– Ладно, Коля. Я его первую книгу, должно быть, тоже где-то в то же время прочел. Так что мы его знаем одинаково долго. Только ты его видел часто, а я ни разу. Обидно.

Коля в полном согласии кивнул головой – дескать, еще бы не обидно!

Этот друг-сосед много знал о Глебе и его житье-бытье и помогал, как мог и умел. Вдруг стало понятно, что упомянутый в кураевской книге об одиночных странствиях по Чукотке «безвестный механик» – автор примуса, помещавшегося в кармане штормовки, – как раз и есть этот самый Николай.

– У него много было друзей. Глеб такой был: если его кто

узнавал, потом обязательно к нему тянулся. Да сам видишь – вон сколько людей на сорок дней набежало. А ведь не очень близко к Москве. И на похоронах было не меньше, и на девять дней.

– Мне сказали, что еще и его однокурсники из геолого-разведочного прямо на кладбище придут.

– Придут, – убежденно подтвердил Николай. – Эти уж обязательно!

Они пересекли железнодорожную линию и вышли на пристанционную площадь. Пыльную, с выбоинами в асфальте, с конечными остановками нескольких автобусных маршрутов. В единственное такси сели Люда, жена покойного Кураевского друга, еще какие-то две женщины и сын Оли и Глеба – Саша, застенчивый двенадцатилетний парнишка в джинсах и белой футболке. Сама Оля, равно как и ее, условно говоря, золовка и тезка Ольга Александровна остались вместе с прочими ждать автобуса. Николай сказал, что и на автобусе ехать неудобно – все равно до места не доедет. И они действительно шли от остановки куда их доставил автобус, еще около километра вдоль кладбищенской ограды.

С центральной аллеи кладбища они долго пробирались между оградами. В голову Горскому лезла мысль: как же тут ухитрились пронести покойника.

Однокурсники-геологи, сгрудившись по одну сторону от могилы, уже поджидали их там. Впрочем, не только однокурсники – двое были явно постарше. Один из них, с из-

рытым оспой лицом и прямым ясным взглядом, был совершенно седой. Горский с любопытством вглядывался в лица. В свои студенческие времена он знал кое-кого из МГРИ: одних по альплагерю, других через своего одноклассника Гошу, учившегося там. Правда, Кураев был на один или даже на два курса младше Михаила, и потому шансы обнаружить здесь кого-то из старых знакомых были невелики.

Один из пожилых, но не седой, а другой, извлек на свет первый сборник Глеба и стал расхваливать в нем самую «романтическую» вещь – «Принцессу, свалившуюся с неба», потом они принялись рассматривать помещенный в сборнике портрет автора в парадном костюме и при галстуке, которые Глеб, судя по всему, никогда не любил и, по возможности, не носил. Все сходились на том, что с молодых лет Глеб мало изменился. Затем тот, кто извлек книгу, снова начал хвалить «Принцессу», которую он, по собственному признанию, специально перечитал для данного случая.

Над кладбищем стали сгущаться темные облака. В стороне ударил и широко раскатился гром.

Гроза подошла через несколько минут. Михаил отдал плащ Оле, которая никак не хотела его надевать, пока он не втолковал ей, чтобы она укрылась вместе с сыном. Присмотревшись к мальчику, он подумал, что Глеб, пожалуй, был похож на Сашу в таком же возрасте. Однако в конце концов плащ оказался не на Оле, а на Ольге Александровне, к которой прижался племянник. Все остальные промокали:

кто под кронами деревьев, кто под раскрытой газетой. Большинство же никак не прятались – негде было. На могиле, несмотря на дождь, работали двое – Вадим и еще один плечистый сильный мужчина. Оля и другая женщина помогали укладывать цветы.

Стоявшая рядом с Михаилом молчаливая черноволосая женщина в желтом с мелкими цветочками сарафане, сказала, по-особенному разделяя слова:

– По-моему, они стараются для греха. Вам не кажется?

Горский понял, что она имеет в виду кладбищенских воров.

Почему эта женщина вдруг заговорила с ним? Она явно не хотела «переживать» вместе со всеми. Красивой ее нельзя было назвать. Лицо казалось угрюмым, пожалуй, даже ожесточенным. Под дождем скоро начала пробирать дрожь, но еще не вся рассада была высажена в могильный грунт. И все-таки казавшийся бесконечным и безнадежным дождь кончился раньше, чем работающие управились с рассадой. Посыпали рис, откупорили бутылки с вином.

– Помянем Глеба, – просто сказал Вадим.

Сухое вино показалось приятным. «Пить бы его, беседуя с Глебом», – подумал Горский.

– Налить вам еще? – спросила женщина в очках, помогавшая Вадиму на могиле и часто курившая.

– Да, пожалуйста, – ответил Михаил.

IV

Возвращались с кладбища молча. На полпути к автобусной остановке Горский оказался рядом с сестрой Кураева. Он решил, что лучшей возможности поговорить не будет.

– Ольга Александровна, я хотел предложить вам свои услуги, если потребуется какая-то помощь в подготовке рукописей Глеба к изданию. Я не профессиональный писатель и не публиковался, но литературный опыт у меня есть. Если вы захотите в этом убедиться, могу Вам показать кое-что из моих работ.

– Спасибо, – ответила она. – Помощь, вероятно, потребуется. Осталось много рукописей, которые надо разобрать. Я сообщу вам. Кстати, хотела вас спросить: Вы подарили Глебу старинную трубу – ведь это очень ценная вещь. Может быть, теперь вы ее заберете себе?

Михаил недоуменно пожал плечами, потом отрицательно покачал головой.

– Я ведь подарил ее Глебу, – вырвалось у него.

– Глеба больше нет.

– Это не меняет дело. Труба – его вещь. И пусть она останется среди прочих его вещей.

– Спасибо. Есть мысль устроить музей-квартиру Глеба, если удастся.

Горский не видел большого смысла в устройстве таких

квартир. Но, думая о дорогих для Глеба вещах, он хотел, чтобы они либо остались все в одном месте – и тогда музей-квартира для этого тоже подходила, – или достались на память кому-то из самых близких, например, его сыну.

– А как сложилась судьба «Тактики исчезновения»? Глеб успел дописать ее?

– Не вполне. Но я уже отдала рукопись в редакцию «Современника».

– Не сделают как следует, – подумал Горский.

В добросовестность и, главное, в способность редакторов из книжных и журнальных редакций мыслить и видеть мир по-кураевски Михаил не верил. И чем больше он думал над этим, тем все более определенно приходил к выводу, что если кому и может быть дано дописать незаконченное Кураевым, то это ему, Горскому, и никому больше.

– Вы ведь живете не в Москве, Ольга Александровна? – спросил он.

– Нет, я живу на Кавказе.

– Значит, здесь вы редкий гость?

– Да. Там работа, дети.

– А кто вы по специальности?

Горский заметил, что за стеклами очков собеседницы мелькнуло какое-то замешательство.

– Я гляциолог, – наконец сказала она.

– Понятно. Изучаете оледенение.

– О, вы знаете? Откуда?

Горский так и не понял, была ли она вполне искренна в своем удивлении, и только пожал плечами.

– Когда занимался альпинизмом, бывал на ледниках.

Зато как ходила по ледникам, особенно в зоне трещин и ледопадов сама Ольга Александровна в своей нынешней форме, он не представлял «Впрочем, – подумал он, – возможно, там ведутся стационарные наблюдения и кругом наставлены рейки и датчики, так что всё сводится главным образом к камеральной обработке данных. Ладно, это ее дело, как она там управляется в своей гляциологии. Куда важней, как она управится, точнее – уже управилась с наследием своего младшего брата».

– Вам уже обещано, – спросил Михаил, – что роман будет издан в «Современнике»?

– Во всяком случае, они сами предложили отдать его им.

– Ясно. А вам он понравился?

Горский снова уловил заминку.

– Я себя не считаю специалистом в литературе, – уклоняюсь от оценки, ответила Ольга Александровна. – Глеба больше нет. Я боялась, как бы не заглох интерес к его вещам. Лучше ведь сразу пристроить всё что можно, потому что потом будет труднее.

Этот довод был, разумеется, неоспорим. Она продолжила:

– Кроме романа он ведь еще несколько сценариев написал, а с Малым театром заключил договор на пьесу по мотивам «Северо-восточных полигонов».

– Пьеса меня мало трогает, — сказал Михаил. – Роман другое дело.

– Да, конечно. Это и для него было основное, – согласилась Ольга Александровна, заканчивая разговор.

Недалеко от дома к Михаилу подошел один из геологов.

– Извините, – спросил он, – вы не знаете, отчего умер Глеб?

– Знаю со слов его друга и соседа, – Горский показал на Николая. – Говорит, что от сердечного приступа. Инфаркт миокарда, наверное. Еще он сказал, что, по мнению врачей, Глеб все равно оставалось недолго жить, даже если бы его спасли.

– А что такое?

– Сосуды пришли в негодность. А вы никогда не слышали, что он болел?

– Нет, – ответил геолог. – Нет, он был просто феноменально здоровым человеком.

– И тоже мастер спорта по лыжам, как и его главный герой из «Северо-восточных полигонов»? – поинтересовался Горский.

– До мастера Глеб не догнал. Но он был сильный перво-разрядник. У нас вообще была сильная лыжная секция.

– Я помню.

– Так вот, Глеб у нас выделялся. Тренер, Иван Николаевич, – геолог указал на невысокого плотного мужчину с седой головой и рябоватым лицом, считал, что он может стать

мастером, если будет больше тренироваться. Нет, такого раннего конца никто из нас не ожидал.

V

Понятно было, что в одной комнате все не разместятся. Поэтому коридор быстро заставили разномастными столами, вокруг которых можно было стоять и слушать, что говорилось в комнате, где находились самые близкие люди. Горского пригласили было к главному столу, но он постеснялся лезть на глаза незнакомым людям, лучше знавшим Глеба, и остался в коридоре, быстро найдя для себя дело – откупоривать бутылки с вином, благо, холодильник был буквально забит ими. Соседями оказались молчаливый человек с определенно азиатскими, но смягченными чертами лица и молодая женщина в простом платье.

Первым встал пожилой тренер Иван Николаевич.

– Мы собрались, чтобы вспомнить Глеба. Студента МГРИ, лыжника, потом инженера, потом писателя. Наверно, у него во всех делах проявлялся талант, какой редко у кого бывает. Мы следили за его успехами и радовались им. Тем обиднее, что он ушел от нас в пору своего расцвета. Но в нашей памяти он останется навсегда. Он хорошо бегал на лыжах, он хорошо поработал в геологии. Он хорошо писал книги. Выпьем за его память, друзья!

Гости, озябшие и проголодавшиеся, охотно выпили и за-

кусили. Теперь, после первой речи, все как-то ожили и раскрепостились. Публика была явно неоднородной, но это не мешало. Незнакомые люди говорили друг с другом без стеснения. Мужчины начинали с расспросов, что налить, женщины вежливо и с улыбкой что-то отвечали и в свою очередь предлагали закуски. Настало время нового оратора. И снова это был пожилой человек, подтянутый, стройный и возрастом, пожалуй, старше Ивана Николаевича. В комнате кто-то потребовал внимания, и немного погодя все стихло там, а потом и в коридоре.

– Мне тоже выпало познакомиться с Глебом в его студенческие времена, когда он проходил преддипломную практику в одной съёмочной партии со мной...

«Так это Андрей Прокофьевич Протопопов», – догадался Михаил.

Андрей Прокофьевич продолжил:

– Всякий, кто сталкивался с ним, очень скоро понимал, что он был подобен монолитной глыбе благородного металла, прикосновение к которому само по себе облагораживает. Я мог бы привести сейчас немало доказательств этому, но предпочитаю без комментариев прочесть его письмо, присланное мне с того полярного острова, которому, как вы знаете, он посвятил немалую часть своей души (сам Глеб почему-то не называл в своих произведениях этот остров по имени, и Андрей Прокофьевич очень тонко высказал свое уважение писателю, также не произнеся его вслух).

Несколько мгновений Андрей Прокофьевич шуршал листиками бумаги. Гости замерли.

– Вот. Слушайте. Личные подробности я опускаю. «Забросили нас на вездеходе в самый центр острова. Немного севернее горы кончались и переходили в тундру. Нашу долину ограждали сглаженные вершины. Вездеход торопился вернуться обратно на базу. Договорились, что он придет за нами через неделю. Скоро должна была начаться весна. С работами справились в срок, но весна наступила раньше. Снег, конечно, раскис в водяную кашу. Ждали вездеход три дня после условленного срока, пока не кончились продукты. Хорошо, что как раз пошел гусь.

Я добыл пару птиц, но варить было почти не на чем – керосина осталась одна кружка. Решили беречь для чая. Гусятину пришлось есть сырую. Груз набрался изрядный – снаряжение, аппаратура – килограммов по сорок пять. Пошли на юг. Туман. С перевальной седловины угодили не в ту падь. Целый день месили пропитанный водой снег. Иногда за нами оставалась траншея глубиной почти в рост. Скорость – где три, где полкилометра в час. Вечером стало ясно, что пилим не туда – отошли километров на тридцать, а моря и в помине нет. Восстановили мысленно путь. Выходило, что до моря отсюда столько же, сколько от места по азимуту. И точно – через пятнадцать километров выбрались на берег. Ничего, нормально. Теперь чаю можно было пить сколько угодно. И еще у нас оставалось полгуся».

– А на чем они варили чай, Андрей Прокофьевич? – спросила невидимая Михаилу женщина.

– Так ведь на берегу всегда есть плавничок, – ответил Протопопов и продолжил:

– Этот человек всегда преодолевал то, что ему выпадало преодолевать. И так – во всем. На него можно было положиться, как на себя. Таким он для меня и останется.

Андрей Прокофьевич поднес рюмку ко рту. Тем временем в комнате приготовился говорить еще один человек – на сей раз более или менее ровесник Михаила.

– Летом 1958 года по главной улице Магадана шли в обнимку трое молодых выпускников МГРИ и пели: «Мы идем по Уругваю». Одним из них был Глеб Кураев. В этом был он весь...

Дальше пошло в том же духе: романтик, жаждущий приложить свою энергию и умение к познанию малоизученного края, хороший товарищ, хороший геолог и писатель, несколько не худший, чем геолог...

Донесся голос сестры Кураева:

– Может быть, кто-то хочет сказать от журналов? Вот Ольга Ивановна из «Вокруг света», Аделаида Петровна из «Молодой гвардии».

– Нет, ответила невидимая женщина, по голосу – уже немолодая. – О чем мне говорить? О том, что Глеб в Москве начал публиковаться именно в нашем журнале? Так это и без меня всем известно.

И по нежеланию Ольги Ивановны говорить на поминках банальности, а еще больше по тому впечатлению – которое давно уже сложилось у Михаила, – что бережней всего к кураевским текстам относились именно в этом журнале, где иной раз, ради сохранения каждой строчки, его путевые заметки печаталась немыслимым петитом, выходило, что эта немолодая редакторша не только любила вещи Кураева, но и его самого. Словно подтверждая мысли Михаила, Ольга Николаевна добавила.

– У нас все любили его и делали все возможное, чтобы как можно больше его произведений увидело свет. О чем еще говорить?

– А вы, Аделаида Петровна? – вновь подала голос сестра.

– Спасибо, Ольга Александровна. Я все-таки воспользуюсь случаем обратиться к собравшимся здесь друзьям Глеба Александровича и попросить всех принять участие в подготовке одного издания, которое собирается выпустить «Молодая гвардия». Первоначально предполагалось, что это будет том его избранных сочинений, но после его кончины мы решили поместить в нем и воспоминания его друзей, и его письма, с тем чтобы воздать должное не только писателю, но и удивительно разностороннему человеку. Сборник рассчитан на юношество и будет называться «Словно в последний раз». Вы знаете, что это название одного из лучших его рассказов, и я думаю, что оно больше всего подойдет для всего этого сборника и точно передаст романтику его вещей.

Михаил подумал, что романтика – точно не про Глеба.

– ... Вот почему, – вновь донеслось до него, – я обращаюсь к вам с просьбой передать нам свои воспоминания и письма Глеба. Все это нужно сделать до сентября. Прошу откликнуться на этот призыв и отправить свои материалы по адресу, который вы найдете в любом номере нашего журнала, на мое имя. Мой телефон...

«Какая хваткая и опытная хищница!», – восхитился Михаил.

Из комнаты в коридор и на лестничную площадку начали выбираться соскучившиеся без курева гости. Теснота заставила соседку Горского придвинуться к нему. Она очень коротко глянула и отвернулась.

– Вы хорошо знали Глеба? – спросил Михаил.

– Не очень близко, – ответила она. – Муж знал лучше. Еще по Северу.

– Он тоже геолог?

– Нет. Он журналист.

– Писал о Севере?

– Да.

– Как его фамилия? Возможно, я читал?

– Шеваловский.

– Нет, – сознался Михаил, – не читал. Видимо, он не только журналист, но и писатель, прозаик?

– Он поэт. Извините. Сейчас, наверно, будет говорить муж. Я хочу послушать.

Из комнаты донесся голос.

– Я хочу рассказать, как впервые услышал о Глебе Кураеве. Дело было на севере острова Врангеля («Назвал-таки остров, – отметил Горский. – Это тебе не Андрей Прокофьевич»). Мы шли вдоль берега океана по тундре. Настроение, прямо скажем, было не блестящее – продукты кончились, а до поселка на юге острова идти и идти не один день. И вдруг возле навигационного знака на берегу мы увидели железную бочку. Конечно, полезли смотреть, что внутри. Там были продукты и записка, в которой сообщалось, что воспользоваться ими может всякий, кто в них нуждается. Надо ли расписывать, как мы обрадовались? Наелись досыта, устроили дневку, взяли с собой на оставшийся путь. И все благодаря человеку, забросившему продукты на этот безлюдный берег и оставившему их специально для людей, которые, он знал, обязательно появятся здесь после него и, скорее всего, будут нуждаться. Но в записке фамилии этого дарителя не было.

«Прозрачная фабула, – машинально подумал Михаил. – Дальше можно не продолжать».

– Вернувшись в поселок, мы стали выяснять, кто же оставил на севере острова эту спасительную бочку. Местные жители пожимали плечами – они туда не ходили, тем более не забрасывали никаких запасов. Недавних экспедиций в ту сторону вроде бы тоже не было. Наверное, Глеб Кураев, геолог, больше некому, решили местные знатоки. Он послед-

ний бывал в тех краях. Вот так я впервые услышал это имя. И тогда же подумал, какой это должен быть человек, если он постоянно помнил о тех, кому может стать крайне туго и кто запросто может загнуться, потому что помощи ждать неоткуда. Вот он, помня о своих бедственных ситуациях, и решил заранее помочь другим. Как вы понимаете, я не ошибся в предположениях. Знакомство с Глебом подтвердило, что он именно такой и есть, как я ожидал, – щедрый, великодушный, благожелательный, расположенный ко всем, кого встречал на трудных дорогах Севера.

Поэт закончил. Поднимая рюмку, Михаил искоса взглянул на его жену. Она выглядела взволнованной и довольной.

Речь поэта нашла отклик. Наперебой начали подтверждать доброту и заботливость Глеба о неведомых странниках которым могло прийти туго в безнадёге высоких широт.

За главным столом заговорила женщина – сокурсница по МГРИ.

– Глеб был всегда нашим братом, даже когда отошел от нашего дела. Помните, ребята, была у нас Инна Кузнецова, доучилась до четвертого курса и вдруг поняла, что ей нужна не геофизика, а сцена? Помните, как сначала переживали за нее, а потом радовались, что она нашла себя? Точно так же мы радовались за Глеба. Мы читали его книги и убеждались, что он по-прежнему наш своими мыслями, маршрутами, всем, что в нем было. Здесь уже говорили, что он был

романтиком, но нам, его товарищам по институту, дороже то, что он был свой. И я предлагаю выпить за то, чтобы он таким всегда для нас оставался.

Она быстро выпила и села. Горскому было удивительно, что никто из коллег Кураева и словом не обмолвился о том, что он, как никто другой, описал их труд. Бесконечный ищачий труд в маршрутах с тяжелыми рюкзаками за спиной и карабинами на шее сквозь любое бездорожье, горы, болота, тайгу, сквозь тучи гнуса, при частых недоеданиях и разного рода лишениях были описаны задолго до появления в литературе Глеба Кураева. Но он был первым, кто наряду с этим показал, что главным в их профессии была работа раскаленного мозга, благодаря которой достигалось высокое умение видеть сквозь землю – и именно в силу этой невероятным трудом обретенной способности находить под поверхностью то, что должен открыть настоящий геолог. Романтика работы в поле? Предложите любителю романтики провести сезон в вашей шкуре, а потом спросите, нашел ли он ее? Если не сбежит, а выдержит, станет другим человеком, только уже не романтиком.

Мысли Михаила прервал новый выступающий. Его представили как старого приятеля Глеба, врача из Магадана.

– Я хочу напомнить об одной привычке Глеба Кураева, которая породила традицию среди многих, кто живет на Севере, встречать Новый год на улице. В первый раз это было непривычно и непонятно – без трех минут двенадцать ка-

кой-то парень выскочил из квартиры с бутылкой шампанского и парой стаканов раздетым на мороз, чтобы выпить с тем, кто встретится, и пожелать ему счастья. А потом его поняли. Выйдите теперь на Магаданскую улицу под Новый год без чего-то двенадцать – увидите, сколько там в этот час народу. Да и не только в Магадане. Мне случалось встречать Новый год и в других местах – в поселках, на приисках. И везде теперь люди, встречающие Новый год по-кураевски, – с незнакомыми, как с близкими. Выпьем за эту добрую традицию, которую основал и подарил нам Глеб!

Эта речь имела шумный успех. Предлагали завести такой обычай в Москве. Снова говорили о романтике. Михаил отключился было от этого шума, но заговорила женщина, тоже стоявшая в коридоре, обращаясь к соседям, с которыми уже не раз вспоминала, где кто жил в Магадане.

– Так вот в чем дело! А то я никак не могла понять! Однажды один серый такой мужик – не помню, кто привел его в нашу компанию на Новый год, – вдруг встал и пошел пить на улицу. Я уж решила, что он с приветом, сдвинулся, живя в глуши. Ну решительно ничего здорового, тем более возвышенного я не заметила. Тупо встал, тупо пошел пить на улицу. А оказывается, вот от кого все идет!

В большой комнате поднялась суета – к выходу начали пробираться сразу несколько человек. Поскольку выбраться было немислимо без того, чтобы не поднять всех сидящих и не потеснить всех стоящих в коридоре, трапезу при-

шлось прервать. Уезжала скульптор, уезжали одноклассницы Глеба, уезжали и поэт с женой. Наконец, все уезжающие вышли. Михаил оказался рядом с пожилым мужчиной, который обращал на себя внимание сильной хромотой по дороге на кладбище. Они одновременно взглянули друг на друга.

– Вы хорошо знали Глеба? – спросил незнакомец.

– Я вообще не был с ним знаком, если иметь в виду личные встречи. Его книги и письма – другое дело.

Пожилый человек улыбнулся.

– Я знаю его давно. Меня и жену познакомил с ним наш старый друг Андрей Прокофьевич, у которого Глеб проходил преддипломную практику. Вы слышали его, когда он говорил.

– Да, слышал его, и читал о нем у Глеба.

– И несмотря на давность знакомства я знаю о Глебе о самом Глебе, едва ли не столько же, сколько вы. Да-да. Дело в том, что Глеб пил, и я всего несколько раз видел его трезвым за все эти годы. Обычно же он появлялся у нас во время запоя, умолял спасти его, дать приют. Его укладывали, вызывали врача. Через день или два, не справляясь с собой, он исчезал.

– У меня закрадывалось в голову такое предположение, – в ответ на откровенность незнакомца сознался Горский, – но я не думал, что дело зашло так далеко. Именно это было причиной его смерти?

– Да, – убежденно сказал неожиданный собеседник и чуть

погода добавил, – и погубил его Север.

«Север, – пронеслось в голове Михаила. – Все Север. Север дал ему знание жизни, людей, дал вдохновение. И Север все взял».

– Извините, пожалуйста, – сказал Михаил. – Назовите мне ваше имя и отчество.

– Григорий Алексеевич.

– А меня зовут Михаил. Говоря, что Глеба погубил Север, вы имеете в виду, что он не устоял перед соблазнами, начав вдруг получать полярные оклады после нищего детства и юности?

– И это тоже, – кивнул Григорий Алексеевич. – Но главное все-таки то, что там все пьют. Таков кошмарный быт и такова традиция. Я сам геолог, и Андрей Прокофьевич тоже. Север мы повидали. И в то же время Глеб был удивительно надежный человек. Мы с Андреем оба воевали и оба совершенно уверены, что на него можно было положиться в любой обстановке. Всегда.

Горский кивнул, а Григорий Алексеевич продолжил:

– В нем осталась незащищенность дикаря перед цивилизацией, но в то же время сам он во многом превосходил большинство цивилизованных людей. Низко пасть умеют многие. Высоко подниматься мыслью, духом, прозрением дано очень немногим. Глебу было суждено и то и другое, но в конце концов важно именно последнее.

– Это очень явно видно в его книгах, – подхватил Ми-

хаил. – Особенно когда понимаешь, каким он хотел быть и был – в лучшие минуты и годы.

– Вы имеете в виду «Северо-восточные полигоны»? – спросил Григорий Алексеевич.

– Не только, хотя, пожалуй, нигде еще это не показано полнее. Все же ему удалось жить по мечте, хоть и не все время. Мне кажется, этим он и дорожил больше всего на свете.

– Да, наверно, так оно и есть. Вы знаете, когда я в первый раз прочел «Северо-восточные полигоны», меня сильно покорило. Возможно, отчасти это объяснялось настроением – я тогда лежал в больнице, – но я воспринял образ выведенного там Бонзы – Сундукова – как человека, который импонирует Глебу.

– Безусловно импонировал, хотя только отчасти. Как профессионал, но не как организатор дела и управляющий.

– О, именно так! Прочитав роман еще раз, я это понял, но сначала мне показалось совершенно непростительным, что человек, для которого все средства хороши, лишь бы достичь своей цели, был не только оправдан, но даже и возведен в образец для подражания! Ведь, согласитесь, Бонза совершенно аморален, хотя он не пьяница, не развратник и весь сосредоточен на работе вроде бы для общего блага.

– Я думаю, Сундуков – точнее, его прототип – как раз и был таким в жизни, – согласился Михаил. – Как бы он ни старался повернуть как можно больше дел ради всеобщего блага, но рисковать шкурой – а не карьерой, причем

здорово рисковать, он посылал вместо себя других.

– Совершенно верно. Согласен со всем, что вы сказали.

– И еще, Григорий Алексеевич, – добавил Михаил, чувствуя, что тот хочет что-то сказать, и жестом прося извинения, – мне стало ясно, что в одном романе нельзя выразить и осмыслить все. Я понял, что и Глеб к этому пришел, осознав, что должен написать целый цикл вещей, чтобы показать все что следует и как следует. Вторую вещь из этого цикла он уже вчерне написал – роман «Тактика исчезновения». Не сомневаюсь, что за ним последовали бы другие.

– Вы правы.

Они помолчали.

– Скажите Михаил, а вы бывали на Севере? Чем объясняется ваш интерес к нему?

– На Чукотке и вообще на Северо-Востоке я не был. На европейском Севере и в Сибири бывал неоднократно. Наверное, нигде в других местах меня так не захватывала и не завораживала красота мира, как там, в кристально прозрачных просторах, которым нет конца. Даже в горах такого обычно не ощущаешь.

– Вы занимались альпинизмом?

– Да, было. Но в основном-то я все-таки турист, хоть Глеб и весьма неласково относился к этой категории странствующих. Но тут уж ничего не поделаешь. Ему доступ к природе, хотя и с рядом ограничений, давала его профессия, а мне моя профессия оставляет для этого только отпуск.

– Вы бывали на Кольском?

– Бывал. И летом, и зимой. Даже ногу сломал на горных лыжах.

– У Андрея Прокофьевича там погибла дочь.

– Как погибла?

– Замерзла.

Григорий Алексеевич продолжил:

– Вы, я полагаю, можете догадаться, в каких принципах он воспитывал дочь. Она училась на первом курсе университета. Руководителем похода был аспирант с того же факультета. При движении к перевалу один участник начал отставать. Впоследствии выяснилось, что он страдал болезнью сердца.

– И руководитель не сбавил темп?

– То-то и оно! И замыкающий тоже прошел мимо отстававшего. С ним осталась только дочь Андрея Прокофьевича. Ей и в голову не могло придти, что спутника можно оставить.

– Ну, а дальше, скорей всего, пропала видимость? Или началась пурга? Словом, не смогли найти этих двоих?

– Да этот гусь и не пытался искать! Это уже другие люди искали! И еще одна непростительная глупость – тот, кто ее нашел, говорил, что она еще дышала. Так вместо того, чтобы постараться немедленно ее согреть – чаем, спиртом или растиранием, он отправился за помощью. Когда пришла помощь, девушка была мертва.

Михаил невольно вздрогнул. Смерть девушки заставила

его вспомнить собственное бедственное положение в Хиби-нах, когда он сломал ногу и решил спускаться на одной но-ге, чтобы не замерзнуть. С ним была только жена, и в ско-рый приход спасателей, которых еще надо было где-то ис-кать далеко внизу, он не верил. А дочь Андрея Прокофье-вича впервые попала в зимний поход и кроме воспитанных с детства идеалов ничего не могла выставить против холода и беспомощности спутника – ни пещеры не умела отрыть, ни без промедления надеть на себя и отставшего все что только можно. Положение ее было действительно ужасным, но Михаил еще больше ужаснулся, представив, каково было отцу, когда он узнал о ее гибели. Могло ли стать утешением, что дочь ушла в мир иной, не уронив достоинства? Миха-ил вдруг вспомнил, о чем говорил в память Кураева этот по-терявший самое дорогое существо отец. Только о благород-стве. Только о стойкости. Только о верности долгу. Ни о чем больше.

Он и Григорий Алексеевич надолго замолчали. Наконец Михаил сказал:

– Жаль, не всему успел обучить свою дочь Андрей Про-кофьевич. Вы не находите, Григорий Алексеевич, что лю-ди, воспитанные в духе благородства и верности долгу, зача-стую бывают гораздо хуже других приспособлены к жизни в условиях риска, бедности, нехваток, потому что не пыта-ются уклоняться от них всяческими несправедливыми путями, не умеют изворачиваться и именно оттого часто гибнут?

– Да это всегда так было! – сказал Григорий Алексеевич, будто бы даже удивляясь вопросу. – Лучшие очень часто гибнут первыми. И приспособиться к подлости им труднее всего.

Всех снова позвали к столу, и они с Григорием Алексеевичем вернулись на свои места.

VI

За столом теперь стало много просторнее. Молчаливый азиат остался соседом слева, зато справа уже никого не было.

– Вам налить? – спросил его Михаил, приблизив к его рюмке горлышко винной бутылки.

– Да, но только водки, – ответил он.

Из комнаты донесся голос Григория Алексеевича, который сказал, что чаще всего виделся с «больным» Глебом, хотя и не добавил к этому, чем тот болел, видимо, в расчете на то, что кто и без этого знает, поймет, о чем речь, а если не знает – так и не будет знать, и репутация Глеба в любом случае не пострадает.

Новую партию уходящих составили сокурсники Глеба и дама из «Молодой гвардии». Михаил решил остаться. Все в жизни Кураева оказалось хуже и сложнее, чем он представлял себе раньше.

Оставшихся из коридора позвали в комнату – там уже освободилось достаточно места.

Женщина, которую он про себя назвал журналисткой, предложила ему чай.

– Вам крепкий?

– Да, но не чересчур.

Она было протянула ему чашку, но вдруг пристально всмотрелась в его лицо.

– А как у вас с сердцем? – спросила она.

– Дает о себе, – не договаривая обычной формулы до конца, ответил Михаил.

– Если дает о себе, то лучше что-то одно: либо спиртное, либо чай.

– Хорошо, поступлю, как советуете. – Он отставил чашку и налил вина.

Только здесь, в этой комнате, Михаил заметил, что некоторые гости уже заметно перебрали. Рыжебородый человек не находил себе покоя, то и дело переходя в коридор и обратно. Это был журналист и писатель Юрий Борзов, приятель Глеба еще по Магадану.

Совершенно расклеилась женщина в очках, помогавшая на могиле Вадиму. Язык уже плохо повиновался ей, но она все же решила высказать свое мнение о Глебе Кураеве. Впрочем, начала она с вполне очевидного. Слитная речь ей уже не удавалась, но она упорно выдавливала мысль по частям.

– Андрей Прокофьич, вы извините меня. Я все время готовилась говорить... а теперь все забыла.

– Да нет, Ира, – возразил Андрей Прокофьевич, –

вы вполне нормально говорите.

Наконец Ира преодолела какой-то порог внутри себя.

– Вот здесь много говорили о том, каким был Глеб... Это все чепуха... Извините... Меня осуждают... Вадим смотрит на меня... Мы здесь живые, здоровые, а Глеба нет!.. Но мертв не он... Мы мертвы... Я, Вадим... Мне очень жаль, что я не могу объяснить...

– Нет, Ира, вы нам все вполне объяснили, – снова пришел на помощь Андрей Прокофьевич.

В ответ Ира безнадежно махнула рукой.

После ухода старших друзей Глеба и провожающих за столом стало значительно просторней. К Михаилу вдруг подсе- ла довольно крупная молодая женщина с приветливым ли- цом.

– Вы ведь Михаил Горский? – спросила она.

Он кивнул.

– А я Валя, сестра Люды.

– Значит, это вы были с Глебом в последние минуты жизни?

– Да, я.

– Вы не думали, что он может так быстро скончаться?

– Нет, конечно. Никто такого не ожидал. Жаль что вы с ним не познакомились. Он очень любил вашу трубу.

– Приятно слышать. – Тут много говорили о Глебе и о том, что он на всех производил сильное впечатление. На вас тоже, Валя?

– Да, конечно. И на меня, и на моего мужа Толю, – она показала кивком головы на человека, который на кладбище вместе с Вадимом обихаживал могилу.

– Я не знаю, может, между Людой и Олей сложные отношения, но мне нравится Саша. Симпатичный паренек.

– Никаких сложностей нет, – заверила Валя. Неизвестно, по какой причине, но Михаила это удивило.

– Нет? – сказал он вслух. – Тем лучше. Я ведь раньше ничего об этом не знал.

– Хорошо, что вы пришли, Михаил.

– Рад, что вам это приятно. А сам я здесь многое услышал о Глебе, чего не знал. Вряд ли у меня будет другая, такая возможность.

– А вы приезжайте к нам в Ярославль. Адрес вы ведь уже знаете.

– Знаю, Валя. Спасибо за приглашение. Обещать приехать заранее не стану, но как знать – вдруг приеду. И вы с Людой и Толей заходите к нам с женой. Адрес вы тоже знаете.

– Хорошо. Правда, мы редко бываем в Москве, а когда бываем, то у нас очень много дел. Вы извините. Пойду помогу Люде.

Валя кивнула и отошла. Но он недолго пробыл одиночестве. Рядом с ним на тахту присела женщина, которую он заметил еще на кладбище.

Он полуобернулся к ней.

– Михаил Николаевич, – начала она, и Горский сразу

весь обратился во внимание, удивленный ее осведомленности об отчестве. – Я о вас очень давно знаю. Глеб показывал мне ваше первое письмо. Оно к нему пришло очень кстати. Если хотите знать, он даже назвал это восьмым чудом света.

– Неужто так? Без преувеличений?

– Если хотите, я вам расскажу о Глебе Александровиче. Но заранее предупреждаю: вы услышите не то, что слышали до сих пор.

– Как вас зовут?

– Вика.

– Я в любом случае буду вам признателен, о чем бы вы мне ни рассказали.

– Не сейчас.

Несколько озадаченный, он подумал: «Вероятно, поговорим на обратном пути в электричке». На часах было уже около десяти вечера. Время летело незаметно.

Голоса за столом вновь потребовали общего внимания. Просили высказаться Ольгу Александровну.

– С детских лет Глеб остался без матери, – сказал она. – Я была старшей и как могла пыталась заменить ему маму. Потом он стал взрослым, вполне самостоятельным, много побродил по свету, сначала как геолог, потом как писатель. Но всегда он оставался для меня младшим – не то братом, не то сыном, нуждавшимся в защите. Меня очень радовало, когда он приезжал к нам на Кавказ, в мою семью. Мои дети, его племянники, очень любили его, и он горячо их лю-

бил. Очень трудно примириться с тем, что его больше нет, и единственное, что мы можем сделать, – это позаботиться о его памяти.

Вот это уже деловой разговор, подумал Михаил.

– И я снова обращаюсь к вам, его друзьям. Надо сделать все возможное, чтобы его книги, сценарии и пьесы увидели свет.

С этими словами Ольга Александровна всем корпусом повернулась к своему соседу – молчаливому среднеазиату, рядом с которым Михаил долгое время простоял в коридоре, и слегка протянула к нему руку.

– В какой стадии дело сейчас, Анвар? – спросила она.

– В республике «добро» мы уже получили, – ответил Анвар. По-русски он говорил очень чисто. – Теперь сценарий надо утвердить в Москве. И я бы начал снимать без промедления.

– Он кто? Кинорежиссер? – тихо спросил Горский у Вики.

Она утвердительно кивнула.

– Так все-таки будет фильм или нет? – неожиданно вызывающе резко спросил чернобородый врач из Магадана.

– Ладно, Миша, отстань, – сказал врачу писатель Борзов.

– Будет, будет, – охотно отозвался Анвар. – Хороших сценариев немного. А тут прочел рассказ, вернее, два... Это же о нас, о жителях Памира! И прямо готовый сценарий.

– Так уж и готовый!

– Ну, его Глеб написал. Я его попросил, как прочел оба

рассказа. Я был на всесоюзном семинаре молодых режиссеров здесь неподалеку, в доме творчества. Глеб позвонил, сказал, что приедет. Жаль, конечно, что не удалось снять вместе с Глебом. Но мы на Востоке считаем так – раз так было ему суждено, значит, он здесь всё успел.

Кто-то спросил:

– Вы серьезно?

– Совершенно серьезно, – ответил Анвар.

Горский всмотрелся в лицо Анвара. Оно горело вдохновением. Правда, внесенной в разговор свежей струи хватило ненадолго, и всё пошло куда-то в сторону: Анвар принялся объяснять, что крестьянский труд на Памире – не такой, как в России.

Пора было расходиться. Однако не обошлось без обычной для московских сборищ заминки. Встав из-за стола, все перешли в комнату Глеба. На тахте под шкурой белого медведя расположились Люда, Оля и ее сын. Горский подошел к ним.

Михаил присел рядом с мальчиком.

– Тебе когда-нибудь хотелось путешествовать? – спросил он.

– Хотелось, – тихо сказал Саша.

– Ну, вот тогда тебе, наверное, и понадобится подзорная труба. Ты знаешь, как с ней обращаться?

Саша кивнул.

– Смотри, – продолжил Михаил, вытягивая бленду. – Сейчас передняя наружная трубка выдвинута вперед, на самом

деле ею надо пользоваться только тогда, когда смотришь против солнца или если мешает какая-то подсветка. Или если хочешь, чтобы издали не было видно отблеска от стекла объектива.

– Вот видишь, Саня. – назидательно сказала Люда. – Мы, оказывается, не всё знали насчет трубы.

Горский дослал бленду на место и снова спросил:

– А как разбирать трубу, чтобы прочистить стекла или удалить попавшую воду, тебе не показывали?

Саша отрицательно помотал головой.

– Ну, тогда смотри, но только без нужды ее не разбирай. Вот так откручивается трубка с окуляром и оборачивающей системой линз. Их тут четыре, не путай их местами. А вот так отвинчивается объектив. Смотри, его оправа тоже сборная. Ее тоже можно развинтить и протереть оба стекла по отдельности обязательно чистой и мягкой тряпочкой, чем она нежнее, тем лучше. Ну, а теперь всё снова соберем. Вот получай.

Он протянул трубу сыну Кураева.

– Глеб собирался послать вам «Северо-восточные полигоны» в издании «Роман-газеты». Вы получили, Михаил? – заинтересовалась Люда.

– Получил, даже с дарственной надписью.

– Ну-у, – протянула Люда. – Это просто небывалый случай! Он терпеть не мог давать автографы. Троепольскому, например, он послал «Полигоны» без автографа. Кстати,

Вы ведь собирались показать мне Глебовы письма.

– Да, пожалуйста.

Люда начала читать.

– Хорошие письма, правда? – сказала она, возвратив листки Михаилу. – К нему всегда тянуло людей. Я помню, как сама познакомилась с ним. Это было в коридоре гостиницы на Кавказе. Он просто улыбнулся – и все. Мне было легко-легко. Жизнь без Глеба стала бессмысленной. Единственное, что дает мне силы, – Люда в этом месте потупила глаза, – это что я должна сохранить память о нем. Хочется издать его переписку, а она очень большая. Я вас прошу, когда это понадобится, дать мне копии этих писем. Вы не против?

– Нет.

– А вы хотели бы взять на память какие-нибудь фотографии Глеба?

– Очень хотел бы. Но тех, которые мне особенно нравятся, на столе нет.

– Это неважно. Покажите, какие вам хочется. Толя отпечатает, а я пришлю. Жаль, что вы не познакомились. Надеюсь, мы будем поддерживать отношения.

– Конечно. Когда будете в Москве – звоните и приходите.

– Лучше уж вы к нам в Ярославль. А то в Москве у нас постоянно дела, всё некогда. А в Ярославле можно будет спокойно поговорить. – Люда слово в слово повторила свою сестру Валю.

– Благодарю. Но твердо не обещаю.

– Тогда пишите, – улыбнулась она.

– Напишу, – пообещал Горский.

Сейчас он чувствовал: их с Людой действительно объединяло желание подольше побыть в мире, созданном Кураевым для себя, для нее и для всех. Или даже в мире, который воздвигался вокруг Глеба силами его близких и знакомых. Да, мир вокруг Кураева продолжал строиться. Для современников он уже больше ничего не мог ни создать, ни поправить, но сорок прожитых им лет все-таки дорогого стоили. Он прочертил новые горизонты и увлек за собой кучу народа.

VII

Михаил договорился с Толей, что тот сделает отпечатки двух омонских снимков. С Викой они условились вместе ехать в Москву на электричке. Шел уже двенадцатый час.

– Михаил Николаевич, вы не будете против? Мне надо подождать Анвара, – сказала Вика, когда они уже вышли из подъезда.

Наконец показался Анвар и стал извиняться: мол, хотел посмотреть фотографию прототипа Черешкина из «Последнего рывка», а ее никак не могли найти.

– Куда это вы? — удивился он, увидав, что Вика с Горским повернули в сторону станции.

– Как куда? На электричку.

– Да вы что! Поедем на такси.

– Нет, – решительно отказалась Вика. – Терпеть не могу ловить здесь такси. На электричке через тридцать восемь минут будем в Москве, а тут неизвестно сколько торчать.

Анвар не хотел уступать, Вика тоже.

– Ладно, – сказал Михаил. – Пойдем к станции. Если до прихода поезда поймает такси, поедем на нем. Если нет – на поезде.

Спорщики почему-то послушно смолкли. Но не успели они пройти и двухсот метров, как увидели идущую навстречу свободную машину.

Анвар сразу метнулся через газон на дорогу и свистнул. Шофер моментально притормозил. В жестах и свисте Анвара явно сквозил профессионализм. Обменявшись с шофером несколькими словами, он призывно махнул рукой. Шофер, московский таксист, поинтересовался, как скорей выбраться на шоссе, и Вика некоторое время объясняла ему. Ее обстоятельная, замедленная речь с четкой, но непривычной дикцией, выдавала не москвичку.

– И кто же послужил прототипом Черешкина? – спросил Михаил через некоторое время.

– Тоже старшина-сверхсрочник, только другой войны.

– А! Значит, Николай Николаевич Огородников.

– Вы его знали? – удивилась Вика.

– Нет, конечно, – рассмеялся Михаил. – Логически вывел из нескольких Глебовых книг.

– Из каких? – все еще дивясь, спросила Вика.

– И из «Охваченной двумя океанами», и из «Азовских плавней», и из «Огней вдалеке».

– Что это за вещь – «Охваченная двумя океанами»? – заинтересованно обернулся Анвар.

– Хорошая книга. Во многом биографичная. О том, как он бродил по Чукотке и плавал вдоль ее побережий в несерьезных посудинах, об истории поиска чукотского золота.

– Точно, – подтвердила Вика. – Я вижу, вы действительно до мельчайших подробностей знаете творчество Глеба.

– Только по видимой части айсберга.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что опубликованное составляет только часть его творчества, честно говоря, не знаю какую, но уверен, что извлек бы куда больше знаний и об этой части Земли, и о самом Глебе, если бы прочитал его рукописи, наброски и заметки. Чем обильней поле фактов, тем больше ассоциаций возникает при анализе текстов. Чем меньше фактов, тем меньше можешь вывести с помощью логики и интуиции. Вот, например, я был уверен, что прототипом Черешкина был Огородников, в смысле портрета, характера, но был ли сюжет рассказа основан на жизни Огородникова, откуда мне знать?

– Нисколько не был, – уверенно сказала Вика. – Глеб выдумал сюжет от начала до конца.

– Странно.

– Что странно?

– Я был уверен, что он писал только о том, что сам видел, пережил или слышал из заслуживающих доверия источников. Конечно, кое-что он при этом мог изменить в своих вещах, но не очень сильно.

– Ну, отчего же! – возразила Вика. – Он не так уж редко выдумывал, хотя не спорю, чаще отпирался от действительных событий. Трудно даже представить, сколько всего он узнал и навиделся за свою – вы, наверно, согласитесь – недолгую жизнь.

Шоферский затылок уже давно обратился в символ внимания. Видимо, Вика тоже заметила это и потому ни разу не назвала фамилии Глеба.

– Скажите, Вика, а Огородников тоже страдал внезапными припадками из-за травмы черепа, как Черешкин в рассказе?

– Да, еще как! Один раз это при мне случилось. Он упал на пол и стал биться, причем все конечности дергались в разном ритме. Глеб уже знал, как с ним надо обращаться в таких случаях, но для меня это было полнейшей неожиданностью. Глеб крикнул: «Беги, мочи простыню!» – а сам бросился его удерживать. Мы потом вдвоем еле-еле запеленали его в мокрую простыню, хотя Глеб Александрович был очень сильный человек, да и я на слабость не жаловалась.

После ее рассказа они долго молчали. Машина уже мчала по Москве. Вика сказала, куда ее подвезти. Наконец, она

попросила остановиться.

– Позвоните мне, Михаил Николаевич, когда выберете время, – сказала она, пожимая Горскому руку.

– Обязательно позвоню. И скоро, – пообещал он.

Анвар тоже записал телефон Горского и пообещал, что пригласит на премьеру.

Марина ждала Михаила. Она сразу увидела, как он возбужден, как хочет тут же рассказать обо всем. Да ей и самой не терпелось услышать. Он сразу начал говорить, не заботясь о том, чтобы хоть как-то систематизировать впечатления: невенчаные жены, алкоголизм, необычайное обаяние Глеба, люди, которые, сблизившись с ним, готовы были многое от него терпеть...

Михаил говорил Марине, что его отношение к Глебу – писателю и путешественнику – от того, что он узнал сегодня, измениться не может. Ну, а каков он был в городской суете, вне того образа жизни, который считал единственно стоящим, могло быть интересно только как комментарий к кое-каким сюжетным поворотам, к кое-каким оценкам, для самого Михаила не существенным.

Глава 2. Откровения, которых нельзя было ожидать

I

– Проходите, Михаил Николаевич, – отступая вглубь коридора, пригласила Вика. – Легко нашли?

Из телефонного разговора с Викой Михаил уже знал, кем она приходилась Глебу Кураеву: «Ну, если говорить о существовании наших отношений, я была женой Глеба Александровича примерно со времени его возвращения из Магадана. А разошлись мы три года назад».

– На сороковиных чего только не пришлось выслушать... Если бы все это дошло до Глебовых ушей, он послал бы всех своих друзей по весьма определенному адресу – я уверена.

– Неужто всех? Стариков-то вряд ли, – усомнился Горский.

– Старики тоже не совсем то вспоминали, – возразила она. – Вы знаете, от чего умер Кураев?

– На поминках говорили – склероз сосудов сердечной мышцы. Так мне, по крайней мере, объяснил его сосед Николай.

– А-а! Никола! – Вика пренебрежительно махнула рукой.

– Не знаете Вы, что погубило Глеба, – уже другим голосом

объявила Вика. – Он пил.

– Вот это я как раз знаю, – признался Горский.

– Откуда?

– Григорий Алексеевич сказал. В перерыве между речами он подошел ко мне, и мы поговорили. Сначала о «Полигонах». И вдруг ни с того ни с сего он прямо и сказал, чем страдал Глеб. И дал понять, как страдали от этого окружающие, в том числе сам Григорий Алексеевич и его семья. По его словам, Глеба сгубил Север.

– Вот как, – тихо произнесла Вика. – А я все эти годы из кожи вон лезла, чтобы никто не узнал.

Она улыбнулась.

– Я прекрасно помню ваше первое письмо Глебу и впечатление, которое оно произвело. «Восьмое чудо света!», – вот что он сказал тогда. Да, именно так. И, в общем-то, я тоже так считала. Он получил его в то время, когда мучительно сомневался в себе и в том, так ли и то ли пишет, сомневался, не зря ли оставил геологию и занялся литературой. Вы ведь верили в него?

– С самого начала и без колебаний.

– А вот это даже мне удивительно. Он так мучительно и медленно продвигался вперед, что порой охватывало отчаяние. Вы же прекрасно видите разницу между первыми его рассказами и «Северо-восточными полигонами».

«Дистанцию», мысленно поправил ее Михаил, а вслух подтвердил:

– Вижу. Но ведь он с первых шагов проявил себя мастером прозы. Это и давало веру, что ему любое дело будет по плечу. И что после рассказов наступит черед романов, я не сомневался.

– Ну, скажите, из чего было ясно «великое будущее», когда он не написал еще ни «Охоты на весенних перекочевках», ни «Три века спустя после первых русских»?

– На это мне просто ответить. Если вспомнить, сколько смысла и настроения втиснуто в совсем небольшие вещи – «Возле линии перемены дат» и «Пожалуй, что и невесело», – поймешь, что человеку доступно выражение мыслей любой сложности – лишь бы только в голову пришли. А что ищущий истину развивается, переходя от относительно простого ко все более сложному – так это всегда так, иначе он не искатель. А Глеб как раз был искателем и по первой профессии, и по второй. И сила воли у него имелась, и исчерпывающее знание дела, о котором он пишет. Разве не так?

Михаил подумал, что его немного занесло. Зачем Вике знать, откуда ему все это ведомо

Вика внимательно всмотрелась в него, видимо что-то про себя прикидывая, но вопросов задавать не стала:

– Знать-то он, конечно, знал, хотя лучше было бы пореже об этом вспоминать и больше вкалывать, не дожидаясь такой капризной дамы, как вдохновение. В общем, с пути, который он выбрал после геологии, он все-таки не сошел, несмотря на то, что и сам достаточно сильно колебался, и старые кол-

леги настойчиво звали назад. Крылов – это прототип Кротова в «Полигонах» – так и говорил ему при встрече в Певекке: «Старик, кончай это дело, брось заниматься глупостями, у меня в экспедиции как раз для тебя подходящая вакансия есть!»

И не забывайте еще об одном: Глеб был совершенно, дремуче не образован в литературе. Такие имена, как Скотт Фитцджеральд, папа Хэм, Дос-Пасос, он услышал уже после того, как начал публиковаться. И обязан этим он был Гáлину, ленинградскому геологу. В «Полигонах» он выведен под фамилией Горин. Вы даже не представляете, с какими людьми он знакомился на Чукотке: репрессированные руководители и интеллигенты на поселении, дети ссыльнопоселенцев и уголовники.

– Диктаторы золотопромышленности, – вставил Михаил.

– Да, конечно, и еще летчики полярной авиации, корреспонденты, охотники – чукчи, эскимосы, русские, – полярные капитаны времен освоения Северного морского пути, нынешние метеорологи – короче, такой людской калейдоскоп, столько разных и удивительных судеб, что всего этого хватило бы на добрую дюжину романов. И, кстати, все это богатство, во всяком случае многое, было зафиксировано в его записных книжках. И к ним всегда проявлял повышенный интерес не кто иной, как Юрочка Борзов.

– Это тот деловой мужчина со шкиперской бородкой?

– Он самый.

– А каким образом он хотел приобщиться к записным книжкам?

– Пытаясь подбить Глеба на соавторство.

– На кой-черт Глебу были соавторы?

– Глеб и смеялся! Но мне, очень серьезно, месяца за три до смерти, сказал, что не хочет, чтобы его записные книжки, когда его не будет, попали к Юре Борзову. Он все предчувствовал, просто удивительно. За год до смерти сказал друзьям, где и как умрет. Так вот, относительно Юрочки Борзова, я очень боюсь, что предчувствия Глеба насчет записных книжек тоже могут сбыться. Тем более что Глеб держал их в тумбе своего рабочего стола, и – я специально посмотрела, когда мы были там, — тумба не заперта: бери кому угодно!

– И чем же этот Юра мог попользоваться из Глебовых книжек?

– О! Очень многим! Там были и наброски сюжетов, и записи всяких историй, и прозвища и характеристики разных лиц, многих из которых знал и Юра, когда жил в Магадане, но знал куда более поверхностно, нежели Глеб. Словом, это богатый материал, и...и не Юрочке Борзову с его способностями и мозгами собрать и придумать такой. В записных книжках сидели в зародыше «Полигоны» и следующие романы Кураева.

– Кому знать, как не вам, – согласился Михаил. – Я, правда, не ожидал, что в работе он обращался к архиву, а не к па-

мяти.

– Память у него была гигантская, колоссальная, – завершила Вика, – просто поразительно, сколько всего она вмещала. Глеб был уникальный рассказчик, я столько наслышалась от него, особенно в первые годы нашей жизни, когда он не так много писал. Но чем больше и лучше он писал, тем меньше рассказывал. А было время, когда он меня просто заговаривал, особенно в период запоев. Тогда он мог говорить круглые сутки: и день, и два, и четыре. У меня голова пухла, страшно хотелось спать, но было так интересно, что я почти не засыпала, а теперь безумно жалею, что сама, хотя бы конспективно, не записывала его рассказы. Я вам сказала, что он тогда не очень много писал. Это не так. Годного у него тогда получалось немного. А писал он просто чудовищно много. В нашей квартире была ванна с дровяной колонкой, которую мы называли Филомена. И за неделю он исписывал столько бумаги, что только бросовыми, как он считал, черновиками мы так протапливали Филомену, что горячей воды хватало на двоих. Конечно, теперь я себя ругаю, что топила такими «отходами». Глеб в одном из своих писем приятелю-геологу указал: расход средств на бумагу у меня очень велик. Да, что и говорить, ведь жили мы тогда на сто рублей – на мою зарплату, да на его нерегулярные и очень небольшие гонорары...

А выводить Глеба из их общего запоя с Борзовым каждый раз приходилось мне. Вызывала ему врача, снимала ин-

токсикацию, выдерживала нужный режим. Понимаете, сам он давно бы без этого погиб. Иногда ему подолгу случалось не пить, в основном в экспедициях, но потом он все равно срывался.

– А вылечить его совсем не получалось?

– Я пробовала. Даже уговорила его пройти очень серьезный, дорогостоящий курс, после которого излечение было практически гарантировано. На это ушел бы весь гонорар от очередной книги рассказов. Но Глеб поехал к сестре на Кавказ покататься на горных лыжах, и она его отговорила.

– Почему?

– Я считаю – только потому, что ей стало жаль таких денег на лечение. А так она могла рассчитывать на какую-то долю от них. Поймите, она смотрела на Глебовы внушительные, хотя и редкие гонорары, как на даровые деньги, которые получают «просто так», а не зарабатывают тяжелейшим, изнурительным трудом и которыми по этой причине не грех поделиться и с сестрицей, и с ее детьми. Ей нельзя было объяснить, что в пересчете на каждый месяц полученные залпом гонорарные деньги не составляют даже той зарплаты, которую имела она. Вот вам в высшей степени показательный пример. В поселке, где живет Ольга Александровна, у одной бабушки пропала корова. Куда она там сгинула – неизвестно. Но вскоре Глеб Александрович получает от сестры письмо, в котором она описывает эту историю и прямо говорит брату, как было бы хорошо, если бы ОН приобрел новую корову

и тем обрадовал бы бабушку.

– А как отреагировал Глеб?

– О-о! Это надо было слышать! Сначала он раздумчиво произнес: «Бабушке корову купить?», – а затем начал выдавать одно за другим такие витиеватые и смешные матерные выражения, которых я отродясь ни от кого не слыхала. Потом еще несколько раз он повторял: «Купить бабушке корову?», – и шли новые, еще более смешные матерочки. До сих пор жалею, что я их не запомнила. А тогда хохотала до слез.

– Похоже, Ольга Александровна твердо намерена взять в свои руки дела по наследству. Или здесь она столкнется с Людой?

– Думаю, не только с Людой, но и с Ольгой Петровной – той женщиной, которая была на поминках с мальчиком. Это ведь сын Глеба.

– Я знаю, – сказал Михаил.

– Откуда? – в очередной раз удивилась Вика.

– Ольга Александровна сама представила мне Олю и ее сына.

– Оля была знакома с Глебом еще в Магадане, и Глеб своего авторства в появлении у нее ребенка не отрицал, хотя формально их отношения не были зарегистрированы, впрочем, как потом и со мной.

– А теперь Ольга Петровна хочет установить Глебово отцовство через суд?

– Да, хочет. Я обещала свидетельствовать в ее пользу.

– Мне показалось, что Саша и лицом похож на Глеба.

– Похож, похож, несомненно.

– А Глеб принимал в нем какое-то участие?

– Как он мог принимать? Из каких денег? Я же вам говорила, как мы жили. А кроме того, рожать ребенка Оля решила сама, не рассчитывая на его участие. Посвящать свое время Сашиному воспитанию Глеб тоже не мог. Запой заглывали не только деньги, но и время.

– А после того, как сестра отговорила Глеба, других попыток вылечить его не было?

– Нет. Потому что мы вскоре расстались. Я была сыта по горло. Во время нашей совместной жизни произошло три столь диких случая, что я не решусь их описать. Перенести каждый в отдельности – и то, казалось, было выше сил, но когда к ним присоединился четвертый, затмивший все прочие вместе взятые, я только чудом не сошла с ума и поняла, что надо спасаться бегством. Понимаете, меня до сих пор охватывает настоящий ужас, когда я вспоминаю картину, которую тогда увидела.

«Что ж такое она могла застать? – подумал Михаил, теряясь в догадках. Помолчав, он спросил:

– А вы сохранили отношения после разрыва?

– Конечно, он часто бывал у меня, – не без гордости и как о само собой разумеющемся сказала Вика и добавила:

– И рукопись последнего варианта неопубликованного романа он оставил мне.

– «Стратегию исчезновения»?

– Да.

– А тот вариант, который Ольга Александровна уже отдала в «Современник», не последний?

– Нет, – не скрывая удовольствия, подтвердила Вика. – У нее осталось **СОВСЕМ НЕ ТО**.

– И у Вас, конечно, нет намерения дать ей тот вариант, который имеете Вы?

– Разумеется, нет, – подтвердила Вика и после паузы добавила:

– Вы считаете, я не права?

– Я не могу судить об этом, – ответил Михаил. – Как будущий читатель романа я бы, конечно, хотел увидеть лучший вариант, то есть тот, который у Вас. Но если сестра Глеба, ничего не выясняя и не пытаясь договориться о публикации именно лучшего варианта, без всяких сомнений и задержек торопится издать то, что оказалось у нее в руках, лишь бы взяли поскорее, я бы тоже очень задумался, стоит ли делать ей такой подарок. Вы, наверное, надеетесь, что когда-нибудь сможете передать для публикации ту рукопись, которую Глеб отдал Вам?

Вика, слушавшая Михаила с напряженным вниманием, еле заметно кивнула головой.

«Долго придется ждать», – подумал он.

– А Ольга Александровна не говорила, с какими еще издательствами она собирается иметь дело?

– Сказала, что, кроме «Современника», еще несколько издательств предложило взять новые вещи Глеба, но поименно она их не называла.

– Магаданское не упоминала?

– В разговоре со мной – определенно нет. Хотя... – думая о чем-то своем, пробормотала Вика:

– Дело в том, что Алик Мухитдинов, который прилетал на похороны, говорил мне, что постарается пробить издание романа в Магадане.

– Я не знаю, кто этот Алик, – сказал Михаил. – Но ему Вы бы доверили «Ваш» вариант романа?

Вика широко улыбнулась, потом ответила:

– Нет, ему бы я тоже не отдала.

И, уже откровенно смеясь, добавила:

– Ни за что не догадаетесь, почему.

Михаил только развел руками.

– Я была невестой Алика до того дня, как он познакомил меня с Глебом Кураевым.

– Вот как?

– Только не подумайте, – стараясь опередить его мысли, сказала Вика, – будто я оставила жениха, потому что Глеб сходу очаровал меня. Думаете, мы просто пришли в гости и нас нормально встретили? Да ничего подобного! Глеб лежал на полу голый, на той самой шкуре белого медведя, которая теперь висит на стене. Он был в пьяном бреде. А я, ненормальная, вместо того чтобы бежать, осталась, чтобы

как-то привести его в порядок. Да не на один вечер, а на семь лет.

– А с вашим женихом он как познакомился? – спросил Михаил, прерывая затянувшееся молчание.

– Вместе резвились. На Чукотке и в Магаданской области.

– Как?

– Известно как. Пили вместе. Однажды допились до того, что решили на собачьей упряжке добраться до Америки. Погнали собак в торосы, вскоре потеряли ориентацию, несколько протрезвели. А тем временем их засекли радаром пограничники. Ну, и вернули молодчиков назад, составив акт о попытке нарушения государственной границы. С Глебом бывали случаи и похлещи. Вы когда-нибудь слышали, чтобы органы высылали кого-нибудь из Магадана в Москву?

– Разумеется, никогда.

– А вот Глеба выслали! – торжествующе заявила Вика.

– Ну и ну.

– У Глеба был роман с очень красивой дикторшей Магаданского телевидения. Этакое миниатюрное создание, которую Глеб знает как назвал? – Капелька! Так вот, за этой Капелькой ухаживал некто из высшего областного начальства. И, как оказалось, тоже добился успеха. Когда Глеб об этом узнал, он сразу прекратил с ней отношения. Все ее попытки вернуть его ничего не дали. И тогда она попыталась покончить с собой, но ее вытащили. А Глеба как виновника трагедии и опасного конкурента в двадцать четыре часа выслали

в Москву.

– Мда-а, уникам, – пробормотал Михаил. – Почти как в анекдоте о проститутке, которую выгнали из публичного дома за моральное разложение. В «московской ссылке» вы и познакомились?

– Да. При каких обстоятельствах, вы уже знаете. Вот тогда-то для меня и началась нескончаемая работа. Сделать из него настоящего писателя.

Михаил было подумал, что ослышался: ОНА решила сделать писателем ЕГО!

Но Вика продолжала:

– Вы думаете, он действительно умел писать профессионально после того, как выпустил первую книгу в Магаданском издательстве? Ему не хватало воли работать, работать и работать изо дня в день. И он, если хотите знать, еще слишком мало умел.

– Вы что, – отпарировал Михаил, – полагаете, что профессиональный писатель должен писать как машина? Не признаете досуг необходимой частью творческого процесса, когда человек созревает для того, чтобы выдать небывалую вещь?

– Нет, – отрезала Вика, и Михаил, пожалуй, впервые осознал, с каким жестким, пожалуй, железным человеком (или даже противником?) имел дело Кураев.

– Нет и еще раз нет, – повторила Вика. – Знаете, сколько времени он бы сам «дозревал»? И сколько еще алкоголя вместил бы такой «досуг»? Я заставляла работать его всё это

время, я задавала ему норму, читала, критиковала, объясняла, как надо писать.

– ВЫ ЕМУ объясняли?

– Конечно.

– И он выслушивал Ваши наставления?

– А что ему оставалось? Я расширяла его кругозор, давала ему книги, которые он должен был читать, чтобы знать, что такое настоящая литература. Или Вы считаете, что он мог без этого обойтись?

– Не знаю, мог или не мог. То, что он с вашей помощью узнавал, как и о чем пишут мастера, это безусловно хорошо и наверняка пошло ему на пользу. Однако я говорю о другом. Все самое главное у Глеба уже было – Вы сами сказали, что жизненного материала в его записных книжках хватило бы на дюжину романов. Опять же Вы сказали – и я согласен, – что он был прирожденный стилист, скажу даже больше – он обладал безукоризненным чувством меры во всем: в композиции, в характеристиках, авторских комментариях, в диалогах, в отвлеченных описаниях и в чем хотите еще. Разве все это вместе – не мастерство?

– Ну почему вы думаете, что его не надо было учить?

– Потому что он свободно мог обходиться без этого и даже, если хотите, обязан был обходиться.

– Но вместе мы составляли ударную силу! Что он мог самостоятельно выбрать из океана литературы? Сам он, что ли, познакомился с современной классикой? А когда я прихо-

тила его к хорошему чтению, порой до смешного доходило. «Великий Гэтсби» он перечитывал несчетное число раз. Я даже прятать стала от него эту книгу, а он все равно находил.

– Послушайте! Мне просто показалось, что в Вашем стремлении сделать из него «большого писателя» Вы заходили слишком далеко и вторгались в сферу, из которой он все равно выталкивал Вас назад. Это было его собственное и, если хотите, священное!

– Ничего себе – священное! Вы бы еще сказали – неприкосновенное!

– Так и скажу! Вот ответьте, «Северо-восточные полигоны» Глеб начал писать при Вас?

Судя по тому, как вспыхнули и тут же погасли глаза Вики, Михаил попал в самую точку. Она не сразу нашла, что сказать.

– Ну, при мне он к этой теме только начал приступать. Основную работу он, конечно, проделал позднее. И Вы, похоже, думаете, потому что освободился от меня?

– Может быть. То, что Вы вложили в него, не пропало, конечно, – осталось с ним навсегда... Но отсутствие повседневного контроля... Ведь было ясно, что историю чукотского золота он давно и неспроста прощупывал с разных сторон, пытаясь рассечь весь сгусток, весь клубок известных ему легенд, рассказов, документальных версий и собственных наблюдений одним мощным ударом. И нанес он его очень точ-

но, в том числе и потому, что его никто не пытался подправлять.

Он обнажил самый фокус сложной проблемы – вторжение в нетронутую богатую природу. С хищническими целями и людоедскими методами. Это драма личной ответственности особой породы трудяг – тундровиков, которых к тому же нещадно эксплуатирует начальство. Кто мог развернуть такое повествование, кроме самого Глеба? Кто еще был ему нужен?

– Ну, это уж слишком!

– Да-да! На своем направлении он продвинулся куда дальше любого, кто ставил перед собой сходные задачи. Равняться ему было попросту не на кого.

– А кого вы ставите выше него?

– В прозе?

– Да.

– Лермонтова, Фолкнера, Маркеса, Скалона. Я думал, что со временем и Глеб сумеет присоединиться к этой компании. Знаю только, что он к этому медленно, с натугой, но продвигался.

– Вы, очевидно, хотели бы убедиться в этом, прочтя новый роман Глеба?

– Да, конечно.

– Не знаю, дам ли я его читать кому-нибудь в обозримое время, в том числе и Вам. Я к этому еще не готова.

Михаил пожал плечами.

– Какие у меня основания рассчитывать на особое отношение? Я бы и просить об этом не решился.

– Почему?

– Потому что отдаю себе отчет – или человек сам предложит, или ничего не даст, несмотря ни на какие просьбы.

– Если созрею, предложу.

– Спасибо. – Михаил поклонился. – И, в отличие от многих, мне из наследия Глеба Александровича ничего не нужно.

– Да, я уже думала об этом, и никакой корысти с вашей стороны не нашла.

Михаил подумал, что за такое признание, возможно, тоже следует поблагодарить, но смолчал. Вместо этого он спросил:

– А чего вы опасаетесь больше – корысти или профанации?

– А это почти одно и то же. Ольга Александровна дает нам прекрасное этому подтверждение, вы не находите?

– Нахожу.

– Вот это и позволяет надеяться, что вы поймете меня.

Так что ждите.

Михаил счел, что беседа подошла к концу и стал прощаться. Он подумал, что ждать другой встречи придется долго.

II

Но он ошибся. Вика позвонила меньше, чем через неделю.

– Михаил Николаевич, я хотела бы продолжить нашу беседу. Вы не против?

На другой день он уже был у нее, на сей раз с бутылкой вермута, глянув на которую Вика сразу отпустила себе под нос некое замечание, из которого Михаилу стало ясно, что он принес что-то не то. Знатком напитков он себя никогда не считал, поэтому реакция Вики его не смутила.

Михаил не знал, с чего она начнет разговор, и приготовился слушать.

– Всю неделю после моих откровений с Вами я места себе не находила. Думала о том, как Вы всё это можете продать...

– Ну-у, благодарю, – вставил он, но она не обратила на это внимания.

– Да-да, как Вы всё это можете продать. И пришла к выводу, что Вам действительно нет никакого смысла.

– Раз возникают сомнения, стоит ли откровенничать со мной, лучше, разумеется, не откровенничать и даже вовсе не говорить. Я не обижусь.

Он хотел встать и уйти, но она удержала.

– Сделайте скидку на состояние моих нервов, Михаил Николаевич, и обратите внимание – я откровенна и в своих сомнениях. Не для того же я Вас пригласила, чтобы объявить

о прекращении знакомства!

– Сильно на это надеюсь.

– Понимаете, скоро два месяца пройдет, а я все думаю, думаю...

– О чем? О том, что только Вы могли спасти его?

– Да.

– Перестаньте себя винить. Вы говорили, что он был у вас здесь незадолго до смерти.

– Да.

– Вы ощутили, что он совсем плох?

– Нет.

– А он дал повод так подумать.

– Тем, что отдал мне рукопись?

– Да, но не только. Про записные книжки он тоже говорил.

С какой стати было заботиться об их судьбе, если б все было в порядке?

– Вы знаете, после разрыва с Глебом пришлось как-то устраивать свои дела. Вот и упустила... Я получала страшно мало, а тут мне предложили место секретаря у экзарха Русской Православной церкви в Скандинавии. Приличный оклад. Я согласилась. И экзарх оказался весьма необычным духовным лицом. Для начала, он был ученым, не богословом, а самым настоящим геологом, член-корром Академии наук. К рассказу о Глебе это, конечно, не имеет отношения, но я хотела рассказать Вам и о себе.

– А мне самому это давно интересно, только спрашивать

было неудобно.

– Ну вот и послушайте. Вы, наверно, догадались, что я не столичная штучка. Я родилась на Алтае, наше село недалеко от тех самым Сростков, где родился Василий Макарович Шукшин. Там я и кончила школу, потом – педагогический институт по специальности литература и русский язык. А немного погодя поступила в ГИТИС и окончила его как театровед. Отец у меня был парторгом очень крупных строек, затем секретарем обкома. (В этом месте Михаил подумал, что положение отца, должно быть, открыло перед ней возможность получить второе высшее образование в таком штурмуемом абитуриентами институте, как ГИТИС). Характером я, пожалуй, пошла в него.

– Что это Вас потянуло к театру? – спросил Михаил. По моему, это не лучшее место для человека, который хочет посвятить себя изучению искусства.

– То есть как? – растерялась Вика.

– Театральные достижения эфемерны. Их только в наши дни научились кое-как фиксировать. Сам предмет исследования исчезает со временем. Актеры уходят. Режиссеры уходят. Иногда от спектаклей остаются костюмы, реквизиты и достаточно нищенски выглядящие вблизи декорации. А то самое, что волновало в спектакле, бесследно пропадает, вы не находите?

– Оригинальный у вас взгляд на театр, – покачала головой Вика. – Чем он провинился перед вами?

– Это вопрос?

– Ну, если хотите.

– Он передо мной ничем не провинился. Речь идет только об отчуждении между миром театра и миром человека. Вот и всё.

– Ну-ну! А что вы скажете об актерском мастерстве?

– Ничего плохого, за исключением того, что это лицедейство.

Актер в чужом образе может быть очень убедителен и потому абсолютно фальшив. А привычка к лицедейству, хочет актер или нет, делает с ним страшную вещь – он перестает быть самим собой.

– Вы считаете актеров ущербными людьми?

– Смотря что называть ущербностью. Способность притворяться расширяет возможности преуспевания. Прельстить и обольстить актеру или актрисе куда проще, чем обыкновенному смертному. Ну, а какой ущерб несет собственно личность, душа актера – скорее Вам видней, Вы с ними явно больше общались.

Михаил продолжил.

– Вот и вы, театровед по профессии, разве не изменили театру в пользу литературы?

– Вы имеете в виду Глеба?

– Да, но не только. Насколько я понимаю, ваш бывший жених Альфред Мухитдинов тоже подвизался на поприще литературы. За то время, что мы с вами не виделись, я купил

и прочел одну его книгу.

– И какое впечатление?

– Вполне прилично пишет. Прочел с интересом.

– Ладно, об Алике мы можем поговорить потом. А насчет театра должна Вас разочаровать. Я не изменила ему. И сейчас я работаю в ВТО куратором ряда периферийных театров.

– Ну и признайтесь честно, разве они в большинстве не удручающее зрелище?

– К сожалению. Но эта беда от бедности и зависимости, а не принципиальный изъян театрального дела.

– Вы думаете?

– Я знаю. Знаю, что перед каждым Первым Мая и Седьмым Ноября в театрах бывают торжественные заседания, а после них устраивается пьянка с областным начальством. Мерзко? Безусловно, мерзко! Но без этого местный театр не смог бы выжить. А так он все-таки существует и там появляются талантливые люди, часть которых пробивается потом в Питер, в Москву.

– Пополняя ряды столичных режиссеров и лицедеев.

– Да, пополняя. А что плохого? Вы же не считаете, что настоящие таланты могут появиться только в столицах?

– Нет, разумеется. Иначе мы бы вряд ли с Вами познакомились. Глеб появился на свет в глухой провинции, но его талант вряд ли от этого стал хуже. Скорее, наоборот.

– Вы настроены по отношению к Глебу слишком комплиментарно. Вам, наверно, и в голову не приходило, что он то-

же был лицедей.

– Как так?

– Сейчас скажу. В экспедициях он играл роль полярного супермена. Хорошо играл. Мог месяцами работать по двадцать часов в день, таскать по тундре пятидесятикилограммовые рюкзаки, выживать в немыслимом холоде и голоде. Это один Кураев. Другой мог пить по двадцать четыре часа в сутки без сна и отдыха неделю, две или больше и при этом говорить, говорить и говорить, и всячески сходить с ума, и, лежа голым в обнимку с ружьем на шкуре белого медведя, представлять себе, что он охотится на слонов в Африке. Третий Кураев, протрезвевший, соскучившийся по делу, садился за стол и писал безукоризненно прекрасные повести и рассказы пером совершенного трезвенника. Вот вам по меньшей мере три лица, которые он демонстрировал мне попеременно в течение всех семи лет!

– Но это же не было с его стороны притворством!

– Ну это как сказать! – возразила Вика. – Да, согласна, отчасти это происходило без притворства, потому что он действовал не по заранее сочиненному сценарию. Но разве не было для него универсальном сценарием на все времена жизни напиваться до белой горячки, с трудом выкарабкиваться из запоя, а потом становиться великолепным писателем и замечательным человеком, пользующимся успехом у женщин, которыми он, как правило, не пренебрегал. Наверно, я была единственной дурой, познакомившей-

ся и оставшейся с ним во время запоя. Правда, другим дурам повезло еще меньше. Они были очарованы героической личностью, да еще подающим большие надежды писателем, и спешили взять над ним шефство – таким беззащитным и наивным. Можете быть уверены – их разочарование было ужасней моего. Вместо обаятельной личности их любовь оказывалась лицом к лицу с помойным ведром. Вам, наверно, будет интересно знать, что племянница Григория Алексеевича Огинского, Юля, была влюблена в Глеба, и у них был довольно долгий роман, который очень дорого ей обошелся. Ей понадобилось несколько лет, чтобы прийти в нормальное состояние.

– Скажите, Вика, а когда вы прочли «Полигоны» – до публикации в журнале или после?

– Конечно, до, – как о чем-то абсолютно несомненном объявила Вика. – Это была интересная история. Однажды Глеб позвонил мне и сказал: «Старуха, звоню тебе из ЦДЛ. Но не думай, я трезв. Просто сегодня я закончил роман. Хочешь почитать?»

А было уже довольно поздно, к тому же я неважно себя чувствовала, приняла снотворное и собиралась лечь. Ладно, говорю, привози, только скорей, а то я уже спать скоро ложусь. Ну, он привез, отдал мне рукопись, не стал ничего говорить и уехал. Я скоро уснула, утром поднялась с трудом и поехала на работу. А работала я тогда в кремлевском музее, на мне лежало выдавать работу мастерам-реставрато-

рам из бриллиантового фонда. Выдала я им работу. И тут мне звонит Глеб и спрашивает: «Ну как, прочла? Что скажешь?» А голова после снотворного у меня все еще была какая-то мутная. Я отвечаю ему безразличным тоном: «А я еще и не читала». А он: «Ну, ты даешь! Ври больше!» – засмеялся и повесил трубку. И вдруг во мне все как-то заболело – так мне захотелось немедленно прочитать роман. «Господи! – думаю, – что же мне делать?» Кинулась к начальству. Короче, полетела я домой, села за рукопись и не вставала до тех пор, пока не закончила.

– И пришли к выводу, что наконец-то свершилось?

– Да, не буду лукавить, Глеб ощутимо вырос без меня как автор. Да, доля моего участия в его успехе (а я сразу поняла, что роману сужден успех) стала уже не так заметна даже для меня самой. И все-таки то, что от меня в нем осталось, работало на успех. И это значило, что я не зря старалась.

– Вы ему так и сказали?

– Ну, примерно так. Да он и сам понимал.

– Догадываюсь.

– Почему?

– Потому что он отдал Вам самую отработанную версию второго романа. Ну, и еще – как бы ни был он грешен перед Вами, неблагодарной скотиной его все равно нельзя назвать. Я уверен, что он умел быть благодарным.

Вика взглянула на Михаила и некоторое время не отводила глаз, словно что-то в нем изучая.

– Это действительно волновало меня. Знаете, одно дело – вкладывать душу и силы в человека, другое – быть уверенной, что это себя оправдывает.

Михаил пожал плечами.

– Ведь не ради же хвастовства он спешил принести Вам свои новые и самые важные вещи, правда?

– Ну, небольшая доля хвастовства в этом, конечно, имела, но Вы правы – не это главное.

– Думаю, вам было приятно, что Люда не сумела Вас заменить.

– А она и не пробовала. Глеб мало интересовал ее как творец. Писательский успех, известность – да, это ее интересовало. А что он замышляет, как работает, как идет к своей цели и к какой именно, – это ей было всё равно. Отчасти поэтому Глеб в каком-то смысле так от меня и не ушёл.

– Но вы-то разве не хотели порвать с ним совсем, бежать от него, пока не свихнулись?

– Хотела, хотела. Но тоже не могла. Видите, – она обвела рукой вокруг себя, – быт я устроила, перестала быть для него нянькой и аракчеевским унтером, но тут обнаружилось, что я нужна как оценщик и отчасти как стимулятор его работы и что он сам, наконец, признал это полезным для себя.

– А пить он не бросил?

– Нет. Может быть, начал чуть-чуть оберегаться. Раньше он прятался от меня вглубь себя, часто даже, образно говоря, бежал позорно и постыдно в пьянку, потому что я тре-

бовала работать, и так, чтобы за результаты не приходилось краснеть ни мне, ни ему. Но тогда все выходило наперекосяк. И ему становилось стыдно за себя, и мне за него. Никакой писательской самодисциплины у него так и не выработалось. И дело тут все-таки в самом человеке, а не в пьянстве. Папа Хэм тоже пил, но себя как автора он вполне дисциплинировал и поэтому работал регулярно и долго. И любимый Глебом Скотт Фитцджеральд тоже будь здоров как пил, но все-таки и написал достаточно много. А Глеб Александрович Кураев не видел нужды брать с них пример. Для этого при нем существовала я. Не знаю, может, в Америке пьют как-то иначе, чем у нас, но у них чувство ответственности за свое дело при этом как-то сохранялось, а у нас – нет. И вот, когда меня при нем уже не было, Глеб спохватился – как же работать? Имя-то у него уже было, и его труды пользовались спросом, а самостоятельным профессионалом он так и не стал.

– Стал. Роман он как раз написал не из-под палки.

– Откуда вы знаете?

– Ваша палка над ним уже не висела. Люде было все равно.

И если бы, простите меня, он еще при Вас вошел во вкус работы над рукописью, Вы бы от него не ушли. Значит, он начал писать его после и достаточно быстро довел дело до конца.

Вика молчала. С одной стороны, ей явно не хотелось подтверждать, что без нее Глеб прекрасно, даже лучше, чем с ней, справлялся с литературными делами. С другой сто-

роны, ей было приятно стороннее признание, что музой-покровительницей Кураева она все-таки осталась до самого его конца.

– Вы знаете о следующем, относительно готовом романе «Стратегия исчезновения», но вряд ли могли слышать, что он уже работал и над третьим романом, которому не успел дать название.

– А написать, хотя бы вчерне, успел? – спросил Михаил.

– Нет. Он набросал только схему сюжета, обрисовал характеры основных героев и их судьбы, но мясо на эти кости не нарастил.

– Эта неоконченная симфония тоже у Вас? – спросил Михаил, чувствуя, что почти не рискует ошибиться.

– У меня, – бесцветным голосом подтвердила Вика.

– Признаться, – сказал Михаил, – я даже не знаю, что сказать. Если ко второму роману интерес у меня несомненный – я даже предлагал Ольге Александровне помощь (значит, мог бы с большим удовольствием и Вам), то третий – это нечто Глебом в целом не сделанное. Писать за него, вместо него? И вообще: здесь есть наследственные и материальные интересы, которые меня не касаются и о которых лучше не знать. И без того я оказался в довольно странной роли.

– Почему в странной?

– Из человека почти ничего не ведающего, я вдруг превратился почти в посвященного без всяких усилий со своей стороны. И что с этим делать? Либо помочь подготовить

к изданию вещи Глеба, либо писать о самом Глебе. Но к рукописям я не буду допущен ни сестрой Глеба, ни Вами. Писать о Глебе я тоже не стану – просто не могу. Получается, я оказался кем-то вроде родственника, не будучи таковым. Причем почти по смешной причине – из-за подзорной трубы!

– Ну, к этому можно прибавить еще кое-что. Разве не странно, что Вы, находясь в отдалении, знали о Глебе больше других, а иногда и больше его самого? Разве не странно, что Ваше письмо пришло к нему в тот момент, когда могло сильнее всего повлиять на его выбор? Разве не странно, что с Вами была откровенна не только я, но и Ольга Петровна, и Григорий Алексеевич, и Никола, и даже Ольга Александровна?

Михаил улыбнулся:

– Вы доказали только, что я странный парень.

– Да, не Вы странны, а ваше сродство с Глебом. Это-то и удивительно! Я помню, Глеб встречался с канадским писателем Фарли Моуэтом. Знаете, наверно, «Не кричи: волки!». Уму непостижимо, как они, не зная языка – ни тот, ни другой – пили и прекрасно друг друга понимали. Но в Вашем-то случае дело даже обошлось без питья!

– Наверное, за счет тех мыслительных коммуникаций, которые на самом деле связывали нас.

– Вы в это верите?

Михаил пожал плечами:

– Скорее, хочу верить. Или, если хотите, верю, что так иногда бывает. Так будет точней. Нашему с Глебом взору представлял один и тот же гипертекст.

– Это что такое?

– Широкое поле понятий, которые мы связывали более или менее сходным образом, иллюстрировали похожими сходными примерами, оценками; поле, которое мы насыщали преимущественно одинаково дорогими нам картинками, описаниями и впечатлениями. В общем, формально это одно из начальных приближений к прямому мышлеобмену, но все еще очень далекое от него. Гипертекст можно толковать и иначе, более универсально – как общечеловеческое поле знаний, упорядоченных с помощью единой системы опорных и производных понятий, но для нас с Глебом больше подходит первое, частное, где всё взвешено не на эталонных весах, а на наших собственных, настроенных по-особенному, зато в унисон.

Михаил вдруг смутился и добавил:

– Пожалуй, Вика, мне надо идти.

– Ладно, – улыbnулась она. – Звоните и приходите, когда захочется.

– Я позвоню, – ответил Михаил. – Когда вернусь из похода.

– И куда идете?

– На Ладугу.

– В компании?

– Нет, на сей раз даже без жены – не отпускают с работы. Пойду один.

– Ну, это не очень здорово.

– Что поделаешь. С посторонними связываться не хочу, а в поход надо. Без него мне весь год будет плохо.

III

По дороге домой он думал о Вике и о том, чем она отличалась от Марины, которая никогда не навязывала Михаилу ни тем, ни сюжетов, а просто помогала своей заботой.

– Знаешь, Маринушка, – сказал он дома, – Вика так никуда и не ушла, не убежала от Глеба Кураева три года назад. Я теперь понял, что ее держало несмотря на его запои и другие фокусы. Собственного литературного таланта у нее нет никакого, знания жизни, сравнимого с Глебовым, тоже. Но она полагала, что владеет техникой выведения таланта на орбиту. Вот и следила, чтобы он не уклонялся от заданного курса. В этом и состояла ее жизнь. А потом все разом бросила. Она, конечно, не сразу поняла размер своей собственной потери, потому что и Глеб не сразу показался ей с новой, еще неизвестной стороны. То, что Вика считала упрямством, было осознанным сопротивлением главной ее затее – что это она ведет его к цели. Сам Глеб всегда был уверен – и я своим письмом его в этом только укрепил, – что именно он определяет свой путь, корректирует курс и выбирает те-

мы и средства, что никто другой, тем более не литературовед и не критик, не вправе претендовать на это и что только так он вырастет в большого писателя и сможет уважать себя. Он поддавался Вике очень незначительно – просто делал кое-какие уроки. А главной своей артиллерии в ход при ней не пускал. Когда она ушла, он, вопреки её прогнозам, умом не тронулся, не подох, не покончил с собой, а так начал работать над романом, к которому исподволь подбирался, что за год с небольшим подготовил журнальный вариант, а еще через полгода книгу.

И вот, едва закончив, он сразу передает ей рукопись, а она ломает комедию: принимает снотворное и делает вид, что выспаться ей интереснее, чем узнать, что у него вышло без нее. Когда Глеб просто-напросто высмеял ее, она усоветилась, залпом прочла эту вещь и поняла, что Глеб состоялся как крупный писатель именно вопреки ей и переиначить такое положение вещей она уже не в силах. Не думаю, что Глеб хотел отомстить ей, он только показал, кто и как на самом деле завоевывает успех. Так она оказалась и обладательницей последнего варианта второго романа, и набросков третьего. Но Вика до сих пор тешит себя иллюзией, что по-прежнему необходима ему, хотя и в другом качестве – уже не как ментор, а как конфиден. И сейчас только это сознание придает ей силы, привносит хоть какое-то содержание в ее жизнь.

– Ты думаешь она так ни с кем и не связалась за эти годы?

– Даже убежден. За каждым её словом все он, он и он – Глеб Кураев. Остальное – блеклый фон. И меня она выделила, по-моему, только оттого, что я по духу и образу мыслей ближе к Глебу, чем кто-либо другой.

– Только поэтому?

– А почему еще? – недоуменно спросил Михаил, но Марина не стала объяснять, и только тогда он понял.

– Нет, другого я не почувствовал, – честно признался он. – В ней интерес к мужчине соединен с интересом к его карьере.

Михаил обнял жену. Он и раньше понимал, какое это счастье, когда тебя любят такого, какой ты есть, не пытаясь переиначить.

«Где твои новые повести? Где романы?» – подумал он, в очередной раз напоминая о собственном долге перед Небесами, решившими дать ему столь осязаемое призвание. Смерть Глеба снова напомнила, что следует поторопиться.

Да, примерно так и крикнул лейтенант Йохансен, лежа под нависшим над ним медведем, Нансену, которому никак не удавалось выдернуть ружье: «Вы должны поторопиться, если не хотите опоздать!»

«А что если самому написать на тему «Стратегии исчезновения», стараясь сделать это по-кураевски, а потом, если будет возможно, сравнить с тем, что уже написал Глеб?» Эта мысль была почти одинаково хороша и для того, чтобы отдать долг памяти писателю, давшему Михаилу столько

часов блаженного погружения в мир красоты, стихий, трудов и преодолений, в дела, единственно достойные человека, и для того, чтобы сделать собственную вещь, которая, как ему казалось, по определению не могла сильно отличаться от написанного Кураевым.

IV

Проводниками в мир, который Михаил собирался измыслить в память о Кураеве, могли быть три вещи. Первая – название романа, придуманное Глебом. Роман назывался «Стратегия исчезновения». Вторая – эпитафия, также заранее выбранный Кураевым из рабе Гилеля: «Если не я за себя, то кто за меня? Если я только за себя, то зачем я?» И третий проводник – собственные соображения Горского, которого давно занимал вопрос, может ли человек навсегда покинуть общество и уйти в дикую природу, жить в гармонии с ней и без контактов с теми, кто остался при благах цивилизации? Как говорится в сказках, за горами, за долами, за дремучими лесами. Для себя, в свое время, он этот путь раз и навсегда закрыл. Но прежде, чем честно признать, что самому ему такой шаг не под силу, долго и в деталях продумывал все этапы побега. Таким образом, материал имелся, и он складывался во вполне логичное повествование – всё получится, если просто шаг за шагом осуществлять запланированное. Предприятие, конечно, рискованное: одно дело – Кураев, другое –

Горский. Однако посмотреть, что получится из вторжения в Большую Неизвестность Чужой Души, все-таки стоило.

Михаил поделился с своим планом с Мариной. Та выслушала, подумала и не стала отговаривать. Однако к работе он приступил только после возвращения с Ладоги.

За время его отсутствия в «Юности» появились два новых рассказа Кураева. Рассказы были такие, словно человек, написавший их, уже отошел от суеты этого мира и думает о переходе в другой, куда ничего, кроме души, не возьмешь. Но в первом из них – «Клики журавлей» – была пара абзацев про жену, которая силилась сделать из мужа человека, да ничего у нее не вышло. В жене без труда угадывалась Вика. Михаил обрадовался: значит, про Вику он тогда всё правильно понял.

Немного поколебавшись, он позвонил ей, сказал, что вернулся из похода, а потом упомянул о рассказах в «Юности».

– Вам какой из них больше понравился?

– «Клики журавлей». Эта поморская бабушка, Беломорье... – мастерски написано.

– А вы заметили, что он там посвятил мне?

Михаил почел за благо не ответить, но Вика правильно истолковала молчание:

– Ну и нахал Глеб, ну и нахал! – взорвалась она. – Не удержался-таки от гадости. Ну, рассказал о бабушке Олёне, о ее жизни и почему она должна каждодневно вкалывать ради хлеба насущного. Что, сам Глеб раньше не вел жизнь на-

стоящего, честного трудяги? Так почему потом, когда занялся писательством, все изменилось? Ну ладно, Бог с этим. Ведь заранее было понятно, что благодарности я не дождусь. Я на нее никогда и не рассчитывала. И все-таки обидно... Получается, вроде бы с того света...

Здесь, видимо, надо было изобразить сочувствие, но Михаил не смог – он не испытывал ничего, кроме радости. Выходило, что первая же попытка со-ощущения и со-бытия с Глебом вполне удалась. Разговор с Викой это подтверждал. Михаил больше не колебался: он может написать не прожитую Глебом часть жизни, причем так, как это сделал бы сам Глеб.

Часть II. Глеб

Глава 1. Тактика и стратегия исчезновения. Неосуществленный замысел

I

После выхода «Северо-восточных полигонов» жизнь вроде стала полегче. Так со стороны и выглядело. Денег достаточно, можно обходиться без постоянных займов, да еще откладывать на постройку судна— давно мне мечталось иметь для путешествий по Северу. Грешен: я даже не брезговал таким занятием, как писание сценариев для кино, пьес для театра или рассказов, которые, говоря по совести, мог бы оставить у себя в столе. И все ради того, чтобы ко мне в сундук попало как можно больше «пиастров»

Со мной теперь обращались как с преуспевающим писателем. Приглашения в комиссии и секции Союза писателей. Приглашения выступить перед коллективами таких-то геологических институтов и таких-то производственных предприятий. Приглашения в частные дома к знакомым и незна-

комым людям с гарантированным угощением и соблазнительными дамами. Просьбы журналистов об интервью по любым поводам, как имеющим отношение к моим прошлым и нынешним занятиям, так и не имеющим ровно никакого к ним отношения. В этой суете можно было свободно растратить не одну жизнь, и без всякой пользы для моей любимой, проклятой литературной работы, без мечтаний об экспедициях и путешествиях – короче, без всего того, что мне было действительно необходимо. Я люблю женщин и не против знакомств с интересными людьми, которых можно встретить почти в любой компании, но платить за это несоразмерную цену желания у меня нет. Не интересно мне все это – в первую очередь не интересно, а уж потом – противно, несообразно, неподходяще. Достаточно семи лет жизни с Викторией, которые обернулась постоянной борьбой за право оставаться самим собой, хотя она со всей возможной для нее искренностью и страстью отдавала себя мне, но только не реальному, а ею придуманному. Теперь можно было легко налететь и не на такую

Отмотаться от покушений такого рода на меня, на мою личную свободу и свободу выбора занятий можно было только одним способом – исчезнуть из поля зрения доброхотов и паразитов, скопившихся в безумном числе в нашей столице. Основное их занятие – беспрерывно требовать чего-нибудь нового от человека, способного творить, а с полученным обойтись, как с водой, поднятой из колодца, – пригу-

бят из ведра, обожгутся пронзающим холодом, а остальное просто выльют на землю. Как я понял, исчезновение из этого мира, губительного для любого, кто в какой-то степени заслуживает звания творца, может быть только двух родов: временное, этак на годик-два, максимум на три, когда о тебе уж точно почти все начисто забудут, кроме нескольких самых преданных почитателей; и постоянное – навсегда, разве что с несколькими недолгими появлениями. Для исчезновения навсегда годилась только эмиграция, внешняя либо внутренняя.

С внешней все было ясно. Притворяться евреем для выезда в Израиль, или становиться диссидентом, чтобы тебя выслали на Запад, скорее всего после отсидки, в обмен на какого-нибудь шпиона, или притвориться сугубо лояльным писателем, чтобы выехать в составе писательской делегации за рубеж, а там сделать финт ушами и попросить политического убежища, заработав право на жизнь в свободной среде, – все это для меня не подходило ни с технической стороны, ни по существу.

Значит, речь могла идти только о другой эмиграции – внутренней. А что это такое? Это выезд в такие края в собственной стране, которые, во-первых, нравятся тебе, как никакие другие; и, во-вторых, где твое общение с людьми может быть сведено к минимуму или даже к нулю.

Такие места, благодаря экспедиционной работе и встречам с понимающими людьми, мне были известны. Но одно

дело знать, что в таких местах маловероятно столкновение с нежелательными лицами, и совсем другое – рассчитать, как сам ты в таких местах сможешь устойчиво, долго и в целом безбедно существовать. Никогда не мешает помнить те редкие свободные от вранья или насилия над здравым смыслом слова из вдалбливаемого нам со школьной скамьи учения Маркса-Энгельса-Ленина: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». А ведь задача как раз и заключается в том, чтобы найти опровержение этой истины. В нашем случае «общество» – это государство, которое первой обязанностью считает монопольную власть на всей огромной территории и контроль над тем, чтобы все живущие на ней люди были подданными, то есть обязанными власти не только податями, но самим животом. Мне же требовалось прямо противоположное – полная независимость.

В организованном властями режиме тотального контроля были, разумеется, незначительные прорехи. Прорехи объяснялись масштабом страны. Как бы ни была крепка и надежна сеть, разделяющая территорию СССР на разрешенные и запрещенные для посещения места, в ней время от времени что-то бывало не в порядке: то требовался ремонт, на который в данный момент не оказывалось средств, то отсутствовал штатный страж из госбезопасности, а у гражданского лица, которому страж перепоручал свои охранные функции, могли найтись собственные и потому более важные дела. Надо признать, комитет госбезопасности перестарался – за-

крыл собственным гражданам почти треть территории страны, объявив их пограничными зонами. Сюда попадали земли, отстоящие на сотни и иногда даже на тысячи километров от государственных границ. Все основные территории золотодобычи, алмазодобычи, весь Север (чем дальше к востоку, тем более широкой полосой), весь Дальний Восток, почти вся южная граница. Только на западе полоса пограничной зоны была более или менее узкой, в пределах нескольких десятков километров.

Но даже имея конкретные представления о наличии прощелок, успешно решить задачу исчезновения в закрытую зону (поскольку меня интересовал только Северо-Восток) было достаточно сложно, и вся операция требовала ювелирный проработки. Власти контролировали все сколько-нибудь доступные рядовым гражданам пути коммуникаций. Все железнодорожные станции (правда, там, куда я хотел бы попасть, до сих пор нет ни одной), все населенные пункты на автотрассах, все воздушные, морские и речные порты снабжены достаточным числом контрольных постов и сторонних осведомителей, чтобы ни один чужак (просто новый человек) не смог бы ни появиться там незаметно для властей, ни, тем более, в неизвестном направлении оттуда исчезнуть в какое-то «белое пятно». Кроме того, разные районы требовали разных способов проникновения в вожделенные дали. Поэтому по логике вещей надо было начинать с выбора местности.

Основной критерий – за сотни километров, желательно в труднопреодолимой местности, где нет ни постоянных, ни временных населенных пунктов. Следующий критерий – место должно быть пригодным для долговременного обитания, что, в свою очередь, должно означать его соответствие еще нескольким критериям: условия жизни не экстремальные, среда обитания привычная и симпатичная и способна обеспечить хотя бы частичное восполнение таких ресурсов, как материалы и топливо, и почти полное в том, что касается пропитания. Следующий по значимости критерий – какого рода публику, несмотря на крайне малую вероятность ее появления, можно ждать в выбираемом месте: местных ли охотников и рыбаков, разного рода устроителей и инспекторов от государства (из лоцмейстерской, метеорологической, лесной, рыбоохранной, пожарной служб, поисковиков и съемщиков от геологии, геодезии, лесоразработки, гидрологии, наконец военных), шальных туристов.

Я взял карту. К сожалению, некоторые привлекательные места отпадали почти сразу. Тундровые пространства Чукотки, Корякского нагорья и севера Камчатки нечего было и рассматривать. Я отлично представлял, как хорошо сегодня в разных направлениях пересекается Чукотка, как сокращаются там расстояния между населенными пунктами в связи с появлением все новых и новых, постоянных и временных или сезонных поселений.

Пастухи, геологи, охотники, рыбозаготовители, а также

летчики со своими самолетами и вертолетами могли там встретиться где угодно, а представители служб, обеспечивающих безопасность северного морского пути и воздушного пространства – главным образом вдоль полярного побережья – тем более. То же самое можно было сказать и насчет большей части Камчатки. Там полно населенных пунктов, полуостров довольно узок и потому относительно доступен для проникновения и с охотского, и с тихоокеанского берегов. Потенциально подходили: северные, но не прибрежные районы Якутии с таежным покрытием и в стороне от главных рек, глубинные северные районы собственно Магаданской области в отдалении от автотрасс, восточные районы Якутии, ориентированные на охотское побережье, и примерно там же – самые северные районы Хабаровского края. Кроме них можно было без особых надежд включить плато Путорана, район стыка Западных и Восточных Саян – хребет Крыжина, пик Грандиозный, то есть междуречье Казыра и Кизира. Также с натяжкой можно было допустить к конкурсу северный склон Станового хребта, то есть Якутию в отдалении от трассы БАМа, и междуречье Нижней Тунгуски и притока Вилюя – Чоны, на границе между Эвенкией и Якутией. Вот, собственно, и всё, что отвечало двум первым критериям. Больше для меня не годилось ничего, разве что еще пространство тайги между Ангарой в районе Усть-Илимской ГЭС и Подкаменной Тунгуской.

Решив ограничиться этим кругом районов-претендентов,

я начал подбирать и рассматривать карты, какие только сумел раздобыть за годы экспедиционных работ и выпросить у приятелей, в миллионном и более крупном масштабе. Идитамам из ЦК и КГБ взбрело в голову с какого-то года засекретить даже «миллионки». Слава Богу, у меня были старые издания, еще без грифов и инвентарных номеров. Конечно, со времени их выпуска кое-что на местности могло измениться, но не рельеф и не русла рек или другие крупные ландшафтные особенности. А о новых поселках я частично знал сам, частично мог навести справки. Так что имеющийся у меня картографический материал вполне годился для выбора места, по крайней мере – предварительного. Но в любом случае следовало произвести рекогносцировку на местности, прежде чем окончательно решить, где броситься в омут. В омут – это в совершенно обособленную жизнь, насколько это только может получиться в современных условиях, когда отшельников не найдешь даже среди монахов.

Ну да ладно, об этом придется подумать особо. А пока – о месте. За исключением Магаданской области и отчасти востока Якутии я нигде больше не был. Это обстоятельство, конечно, затрудняло объективное сопоставление выбранных мест. Но, в конце концов, кроме карт у меня было много других важных свидетельств: рассказы коллег и вполне дельная литература разных серьезных путешествующих людей, которые не склонны что-то придумывать, а пишут все как есть.

Итак, что мне известно.

Южный берег Северного Ледовитого океана. Собственно, я уже решил, что он не подходит из-за отсутствия леса (хотя плавника там во многих местах хватает) и постоянного контроля со стороны властей, из-за интенсивных полетов полярной авиации во время навигационного сезона и их вполне возможного огорчительного для меня последствия – в один далеко не прекрасный день к писателю-схимнику вполне может явиться обвешанный фотоаппаратами корреспондент центральной газеты или журнала с уверением, что их читатель ждет не дождется известий о любимом авторе, вдруг совершенно исчезнувшем из поля зрения. Я уже встречал таких корреспондентов на Беринговом побережье Чукотки и даже на острове Врангеля.

Чукотка к западу от верховьев Чауна. Это субконтинентальный водораздел. Чаун напрямую несет свои воды к северу, в Ледовитый океан, в Чукотское море. Анадырь течет на восток в Берингово море, в Тихий океан. Большой Анюй течет на запад и впадает в Колыму, а та в Ледовитый океан, в Восточно-Сибирское море. В принципе там можно найти укромные места – об этом я знал по собственному опыту. Но... хотя там, в бассейне Большого Анюя, уже встречалась тайга, этот район весь пересекался маршрутами чукотских и ламутских пастухов. Кроме того, здесь постоянно рыскали геологи, среди которых когда-то можно было видеть и меня. Так что и эта местность не подходила, хотя в тридцатые го-

ды именно там скрывались от раскулачивания олени короли Чукотки и отчасти Колымы.

Север собственно Магаданской (без Чукотки) области к востоку от реки Колымы. Здесь в основном речь могла идти только о бассейне реки Омолон, мною любимой и уже не раз посещенной. Сам Омолон, правда, не очень подходил для уединения. На нем стоял довольно крупный по северным представлениям поселок со своей взлетно-посадочной полосой, принимающей самолеты среднего калибра. А еще две очень уединенные метеостанции – одна южнее, выше по течению Омолона, и вторая ниже, там, где реку пересекает Полярный круг. Метеорологи самой своей вахтовой работой жестко привязаны к месту и далеко по собственной прихоти от станций не отходят. Поэтому быть от них в сорока-пятидесяти километрах совсем не опасно. Другое дело жители основного поселка. Они снуют на своих моторках вверх и вниз по Омолону, кто за чем. Тут тебе и рыбацкие интересы, и охотничьи, и просто хождение в гости – к пастухам оленьих стад и из стад к жителям поселка. По рассказам бывалых людей, самые глухие места были к западу и востоку от Омолона – Кедонский и Олойский хребты и прилегающие к их подножьям окрестности. О Кедоне я читал в книге известного в Магаданском управлении геолога Евгения Константиновича Устиева «По ту сторону ночи». А еще слышал из уст своего уже московского друга и первопроходца тех мест Виктора Николаевича Болдырева. Там

он в свое время нахлебался лиха при столкновении практически с той же категорией людей, в которую собирался войти и я, – с укрывающимися от советской власти и раскулачивания лучшими оленьими специалистами всего северо-востока страны – с ламутами, юкагирами и их близкими родичами из совсем малых народов палеоазиатского происхождения. Виктор тогда очень сильно рисковал, проявляя служебную настойчивость (а был он послан туда руководством Дальстроя – одной из самых масштабных структурных составляющих НКВД), когда старался внушить вольным людям, что их самостоятельности хочешь не хочешь настанет конец. Вскоре их действительно оттеснили в несусветную глушь, а потом приписали к местным советам, колхозам или совхозам. Однако не всех. Кое-кто, бросив часть принадлежащих им стад на попечение штатным пастухам, распропагандированным агитаторами вроде Виктора Болдырева, ушел с лучшими оленями в еще большую глушь, в сторону Хабаровского края, где покуда не было поставлено ни одного поселка, а рельеф местности не допускал устройства даже небольшой взлетно-посадочной полосы. Так что до появления вертолетов в гражданской авиации они оставались недосягаемыми, а ко времени появления таковых, даже раньше, слава Богу, кончился всесильный Дальстрой. Органы внутренних дел и госбезопасности перестали отвечать за хозяйственно-экономическое освоение (читай – ограбление) всего Северо-Востока от Таймыра до Магадана, от бассейнов

Хатанш и Индигирки до Охотского побережья, хотя и продолжали осуществлять контроль над населением края: над входом и выходом в него и из него. Это и спасло последних могижан из местных аборигенов от обобществления их собственности и насильственной оседлости. Поэтому если и существовал риск встретить кого-то в этих местах, то, скорее всего, именно их – братьев по вольному духу. Правда, пусть и в меньшей степени, имелся риск встретить геологов из экспедиций Москвы, Ленинграда, Минска и Бог знает откуда еще.

Кое-что говорило в пользу Олойского хребта, особенно его восточной части, входящей в соприкосновение с прибрежным Колымским хребтом, где было не так-то просто найти посадочную площадку даже для вертолета (а как еще сунешься сюда?), но кое-что говорило против. В стесненных долинах проще испытать на себе последствия неожиданного вторжения непрошенных гостей. Пути их подхода, как правило, не просматриваются, поэтому они могут свалиться на отшельника как снег на голову, и лучше заранее об этом знать, чтобы успеть принять меры. Какие именно? Это зависело от типа вторгающихся. Если «научники», – то одни; если беглые варнаки из Магаданских лагерей, которые, ни секунды не задумываясь, убьют, чтобы завладеть оружием и припасами, – то совсем другие. Но мысли на сей счет лучше было оставить «на потом». В смысле контроля за приближением непрошенных гостей большие удобства создавал Кедонский

хребет. Он возвышался таинственной цитаделью, окрашенной в синеватые тона, над прилегающими к его подножью таежными пространствами. Дымы костров, посадки вертолетов, кое-где даже движение караванов по маршрутам можно было бы приметить задолго до их появления у дома. В смысле красоты Кедонский хребет тоже значил для меня больше Олойского – вид его будоражил душу, и в этом не в последнюю очередь был повинен его синий, иногда переходящий в пурпурный, цвет.

Удаленность от населенных мест на обоих хребтах была примерно одинакова, рыбы в Кедоне и Олое было одинаково много, дикий непуганый зверь – от сохатых до горных баранов, не говоря о медведях, – водился и там и там. С лесом для постройки и топлива тоже не должно было возникнуть проблем. Наконец, и холод зимой там был примерно одинаковый. Пожалуй, большая близость Олойского хребта к Охотскому побережью говорила о большей глубине его снегов в сравнении с Кедонским, но там его тоже хватало. Так что в целом я склонялся в пользу Кедонского варианта. И все же сначала надо было прикинуть, с чем можно столкнуться и что получить в других потенциально пригодных местах.

Южная Якутия, северный склон Станового хребта. Об этой горной тайге много писал геодезист Федосеев. В его дни – лет около двадцати тому назад – это было более дикое и неизвестное место, чем теперь. Ни карты, ни сколь-

ко-нибудь значащих населенных пунктов. Подобраться туда с юга было очень затруднительно – долго вверх по притокам Зеи, практически до самых верховьев, далее перевалы через гольцы, изъеденные цирками, захламленная тайга в верховьях притоков рек Токо, Гонама, Учюра, к которым в то время, без подвесных моторов, никто не поднимался из бассейна Алдана, по крайней мере, со времен знаменитой золотой лихорадки. Виктор Болдырев еще застал ее. Сам район Станового хребта он особенно не изучал, поскольку его интересовало только одно – поскорей оказаться поближе к Алдану. Но тайгу он характеризовал как суровую, труднопроходимую и не очень-то обильную зверем и дичью, хотя и оговаривался, что их могли частично выбить, а остальных распугать бессчетные в то время «золотишники» – старатели и промышляющие на них бандиты. Трудности попадания в те края изменились мало. Правда, через Становой хребет в двух местах проложили железнодорожный путь: малый БАМ почти в верховья Гонама и Тимптона и большой БАМ – восточнее первого – на Гиллой, принадлежащий уже бассейну Амура. Нельзя сказать, что это совсем упростило задачу проникновения в нетронутые места, но кардинально положение не изменилось – по-прежнему десятки и сотни километров отделяли их от жилья, и лишь охотники-эвенки, которых в некоторых других источниках именовали ороченами (или орочами), ходили там своими излюбленными традиционными путями, в том числе, хотя и редко, через Ста-

новой хребет. Сохатые, горные бараны, сибирские косули, дикие олени-сокжои, каменные глухари, рябчики, дикуши – все это было обычной добычей. В реках хариус, ленок, таймень. Вычерпать все это богатство даже во время золотой лихорадки пришлые алчные люди так и не сумели. Поэтому оставалась надежда, что с «подножным кормом» там было вполне прилично, но это требовалось уточнить. Анализируя пути, по которым можно было добраться туда, я понял, что это будет не менее, а скорее даже более сложно, чем в район Омолона. Несмотря на это, по имеющимся у меня сведениям, шальные туристы в нескольких местах проложили маршруты, вдохновившись книгами Федосеева. Это тоже следовало иметь в виду. Большого вреда от посещения моего предполагаемого убежища туристами быть не могло, но кто мог сказать, кому они развоняют о своем открытии и, главное, до чьих ушей этот звон донесется? Честно говоря, сама спешная постройка БАМа тяги к этим местам у меня не прибавляла.

Территория между верхним меридиональным течением Нижней Тунгуски и Чоной бассейна Вилюя. Этот район на границе между Эвенкией и Якутией привлек мое внимание в первую очередь потому, что стык двух разных и без того пустынных территорий почти всегда населен совсем мало или даже совсем никак, если не считать кочующих эвенков, а еще потому, что в верховья Нижней Тунгуски достаточно несложно перебраться по старинному перевалочному

пути со стороны Лены, по которой можно сплавиться до села Подволошино от железнодорожной станции Лена в городе Усть-Кут, чей речной порт называется Осетрово. Немало раззадорил меня и писатель Юрий Сбитнев – кстати, очень хороший писатель и, судя по всему, бывший геолог, описавший эти места и населяющих их эвенков. Рыба, зверь, – все это тоже здесь было. Туристы, если и появлялись, строго придерживались основных рек и, может быть, еще волока между ними. Почему-то Сбитнев остался не очень замеченным путешествующими читателями. Должно быть, Федосеев сильно «выигрывал» у него бьющими наповал названиями: «Смерть меня подождет», «В тисках Джугдыра», «Тропою испытаний». К тому же он не жалел места для описания драматических ситуаций, которыми изобиловал его путь. У Сбитнева эмоционального драматизма было заметно меньше, зато он описывал трагическое исчезновение и вырождение чрезвычайно талантливого народа, – талантливого, в первую очередь, умением вести жизнь детей природы, не боящихся матери-тайги. Короче, Сбитнев не стал глашатаем-вестником из этих краев, и потому туристы чаще соблазнялись посещением мест к западу от описанных Сбитневым, куда – в междуречье Атары и Подкаменной Тунгуски – со вселенским шумом упал Тунгусский метеорит. Метеориту была организована колоссальная популярность через полвека после его падения – и писателем-фантастом Александром Казанцевым, и старым колымским геологом на пенсии

и членом КМЕТ* АН СССР Вронским, и даже – опять-таки незаметно для общества – тем же Юрием Сбитневым! Вронский придерживался метеоритной гипотезы данного явления. Казанцев и Сбитнев (последний основывался на сведениях, доверенных ему эвенкийским шаманом) считали пришельца из космоса космическим кораблем, причем первый полагал, что корабль совершил посадку, а потом улетел. Вот на этой-то тайне и свихнулись любители природы и экзотики и год за годом посещали унылое болото междуречья, где только и было удовольствия, что искать почти исчезнувшие следы катастрофы небесного тела да кормить собой таежный гнус. Нет, в эти места меня не тянуло. Рельеф мне был нужен, явно выраженный и эффектный рельеф!

Район стыка двух хребтов Западных и Восточных Саян был, пожалуй, ближе всего к идеалу удаленности. Лишь на западе этого района шла автомобильная дорога – знаменитый Усинский тракт от Минусинска в Туву, в Кызыл, в географический центр Азии, да на северо-западе по долине Туры, Кизира и Крола шла к перевалу через Восточный Саян железная дорога Абакан – Тайшет. К востоку же от этих трасс не было вообще никаких дорог на протяжении почти полутора тысяч километров. С севера район окаймляла Транссибирская магистраль, от которой кое-где на юг отходили на сотню километров автодороги, а дальше, где на четыреста, где на шестьсот километров, до ближайшей широтной Тувинской автотрассы через Кызыл нельзя было встре-

тить ничего – никаких путей сообщения, никаких поселков, никаких форпостов цивилизации. Зимой, в охотничий промысловый сезон, заселенными могли быть только охотничьи зимовья в долинах среди хребтов. Правда, летом там бродило и сплавалось по рекам немало число туристов, но они в основном придерживались нескольких маршрутов – им просто не хватало времени рыскать по сторонам, хотя это и сулило много интересного.

В Саянах – ни в Западных, ни в Восточных – я ни разу не был, поэтому мне невольно пришлось довольствоваться туристской литературой, да книгами – все того же Федосеева «Мы идем по Восточному Саяну» и братьев Федоровых «Два года в Саянах». Кроме того, я видел несколько фильмов, снятых туристами в этих местах, и поэтому могу подтвердить, что они весьма привлекательны. Об их необыкновенной красоте и притягательности красноречиво говорил и тот факт, что Федосеев завещал похоронить себя именно здесь, ближе к восточному краю хребта Западный Саян, а не где-нибудь в памятных ему отрогах Станового хребта. Море горной высокоствольной смешанной тайги, открывающееся с перевала – что может быть лучше, таинственней и желанней для человека, истосковавшегося по первозданной, доисторической основе бытия.

Реки там были хлесткие, но с мощными моторами по ним можно было подниматься довольно высоко и в очень глухие места. Если же ухитриться продвинуться еще дальше, можно

считать, что тебя почти невозможно будет обнаружить, разве что с воздуха, с помощью вертолета и приборов, улавливающих инфракрасное излучение.

М-да, Саяны были мощным магнитом. Пожалуй, мне стоило специально отправиться туда, походить, посмотреть, поспрашивать на месте. Буду надеяться, что если я посмотрю на Саяны, Кедонский хребет не обидится. Туда, кстати, тоже надо будет съездить на разведку. Видеть-то синий хребет я видел, а вот побывать на нем не сумел.

Подводя первые итоги камеральной работы, я пришел к следующему.

1. В ближайший летний сезон обосноваться надолго в избранном медвежьем углу нереально. С одной стороны, совершенно необходима обстоятельная разведка в предполагаемых для длительного пребывания местах. С другой – даже по самым беглым прикидкам, столько всего мне потребуется и таких затрат будет стоить Большое перемещение, что дай Бог успеть года за полтора набрать денег вдобавок к тем, которые есть.

2. Разведку надо провести в двух районах – Омолонском и Саянском. Как бы мне ни был симпатичен синий Кедонский хребет, стоило заодно посмотреть и Омолонский, чтобы потом не сомневаться в правильности выбора. В Саянах надо познакомиться с хребтами к востоку от Усинского тракта, принадлежащими Западному Саяну, и с хребтом Крыжина (иначе Казыро-Кизирским) – на стыке двух Саянских гор-

ных систем. Необходимо взвесить мои возможности осуществить разведку обоих районов – Омолонского и Саянского – за один летний или весенне-летне-осенний сезон.

3. Надо выяснить отдельно в каждом намеченном месте, какими путями и способами можно доставить мой груз (который еще надо подсчитать!) и можно ли воспользоваться чьими-то услугами для постройки дома. Если нет, придется планировать заезд с кем-то из знакомых, начиная с соседа Николы. Одному мне за полсезона (а больше у меня времени не будет) избу не построить.

Строго говоря, первые выводы выглядели малоутешительно. Больше того, если бы по личному опыту я не знал, что при определенной изворотливости и достаточных финансах все возможно, я решил бы, что эта затея просто неосуществима. Но не так страшен черт, как его малюют. А я должен думать и думать, предусматривать и предусматривать, как еще никогда не думал и не предусматривал во время всех прошлых своих экспедиций на суше, на море и на дрейфующих льдах. И особенно надо позаботиться о здоровье: любая мелочь могла приобрести там характер бедствия, если не знать, что делать. Тут мало набрать целую аптеку и кипу справочников, включая справочники по народной медицине и траволечению. Надо еще и провериться по всем статьям, чтобы иметь представление об угрожающих факторах.

Кое-что было ясно без всякого анализа. Зубы требовали

радикальной починки. К счастью, я нашел приличного стоматолога – Марка Львовича Черногорского, типичного процветающего стоматолога, умеющего делать свои дела весело и успешно. Странной в нем была только любовь к моим сочинениям. Сугубо городской человек, никогда не путешествовавший без удобств и ездивший только на курорты, он вдруг остро почувствовал какую-то обойденность, оттого что не пер с рюкзаком сквозь тайгу и болота, не осматривался от горизонта до горизонта с горной вершины, на которую его привел мучительный долгий подъем и не ел приготовленную на костре собственноручно подстреленную дичь. Конечно, он знал, что такая жизнь давным-давно не для него, что он упустил такую возможность еще в детстве и юности, когда надо было настраивать струны своей души в унисон с тем, что звучало в ней при чтении книг о путешествиях Нансена и Амундсена, Ливингстона и Стенли, Пржевальского и Козлова, Кука и Лаперуза. Это прошло мимо. И вот теперь Марк Львович, повинувшись чувствам, отчасти разбуженным мною, выражал готовность привести мой зубной аппарат в порядок по льготной цене.

Мечтая оторваться от цивилизации, я думал, конечно, не только о ее всепоглощающей суетности, сводящей на нет любое стремление хорошо делать то дело, которое стало моим призванием. Мне требовалось уйти еще и потому, что она была намертво связана с потреблением алкоголя, губившего меня, доводившего до безволия и маразма. Чтобы не дегра-

дировать, не пасть окончательно, мне надо было избавиться от зависимости. Без этого я не мог быть до конца уверен в себе, хотя до сих пор во время полевых сезонов никогда не пил. Последнее, правда, ничего не означало. Полгода без выпивки – это еще не годы. А кроме того, я прекрасно помню один наглядный урок, который преподнесла мне жизнь. Я набирал тогда рабочих в свою съемочную партию в низовьях Колымы. Контингент был тот еще – алкаши, отбросы северных поселков. Они соглашались наняться при условии, что я разрешу им взять с собой стиральную машину, которую они каким-то образом переделали в самогонный аппарат. С его помощью они могли превращать в спиртное практически любые продукты, за исключением мяса и масла. Как знать, не обуюет ли бес и меня настолько, что я попытаюсь, по их примеру, превратить свои запасы муки, сахара, круп в отвратительное пойло? Короче, я должен быть в себе уверен и потому нужно вылечиться до конца, без дураков.

С некоторых пор я стал ощущать и покалывание, и какие-то спазмы в области сердца. Конечно, есть надежда, что после исцеления сердце само придет в порядок, но уверенности нет. Бог мой! Что я затеял! Только коснись одного, за этим сразу потянется другое, а затем третье и так далее! И все надо успеть провернуть не больше, чем за пару лет, иначе затея может потерять смысл, рискует вылиться в вечную подготовку к «бегству», а когда наконец все будет готово, на само «бегство» уже не останется времени и сил.

Да, ничего не скажешь – три категории дел: писательство – лечение – подготовка к исчезновению, включая разведку на месте. И каждая требует сил и времени, а две последние – еще и чертовой уймы денег! Куда как весело! Надо быстро определить, что купить и сделать, а после начать всю эту сумасшедшую деятельность в режиме еще худшем, чем, например, бывал у Амундсена, когда он добывал средства на очередную экспедицию чтением лекций, писанием книг и статей, изобретал и заказывал новое снаряжение, разыскивал подходящие суда или самолеты, заботился о приобретении продуктов и еще самых разных вещей.

Я сам поначалу хотел поступить примерно, как Амундсен, то есть специально для морских полярных маршрутов построить или купить что-то вроде небольшой моторно-парусной шхуны и ходить на ней вдоль чукотских и якутских берегов, заглядывая и в большие реки – от Анадыря до Хатанги, а, возможно, и до Нижней Таймыры. Судно, по моему представлению, должно было быть очень небольшой осадки, с прочным корпусом, со швертом и балластным фальшкилем по системе «компромисс», с дизельным двигателем небольшой мощности – этак до тридцати лошадиных сил, с двумя мачтами и бушпритом, с разъездной шлюпкой и надувным спасательным плотом на борту. Но по зрелом размышлении встал вопрос: как быть, если навигация возможна от силы пять месяцев, а я хочу удалиться от цивилизации на годы? Что делать с судном во время зимовок? Жить

на нем? Оставлять где-то просто так или в порту? Если не оставлять корабль, тогда я больше буду служить ему, чем он мне. Если оставлять, я его потеряю в два счета.

И еще: в душе я больше сухопутный полярник, нежели моряк. Вспоминая свои рискованные походы на фанерной шлюпке и на байдаре вдоль Арктического побережья, из виденного с воды я, честное слово, не мог вспомнить ничего, кроме унылого невысокого берега, от которого следовало держаться подальше из-за мелей, на которых судно запросто может разбить даже не особенно большая волна. Воды и льды, небо, восходы и закаты, – это да, это было бесподобно красиво, но чудесная красота Земли, которая захватывала меня на Чукотке, почти нигде не ощущалась при взгляде с моря, разве что при виде таких скальных громад, как мыс Дежнева или мыс Шелагский. Обрекать душу на борьбу с унынием по полгода или больше я совсем не хотел. Возвращаться в столицу или на горно-лыжный курорт – тем более. Мне нужна была интересная деятельная жизнь, не менее интересная и деятельная, чем в морском плавании. Этого удовольствия северное побережье азиатского материка доставить мне не могло. Отсюда и возникло желание поселиться где-то в глухих таежно-гольцовых горах, вдали от моря и судоходных рек. Таким образом, заботы о приобретении серьезного судна отпали. Зато чрезвычайно обострились другие – насчет доставки к месту груза. Воздушным, речным, выучным или пешим путем? И, значит, теперь надо было думать о том, что везти,

чем, как и на сколько лет.

Сказать – на всю оставшуюся жизнь было бы несерьезно. Я ведь не собирался давать обет невозвращения, если новая жизнь мне не понравится. Другое дело, если этот острый эксперимент на самом деле окажется удачным. Как тогда продлевать начатое дело до тех пор, пока меня не призовут в мир иной или пока самому не надоест?

Для упрощения дела лучше было бы не набирать с собой больше, чем на два года (за исключением боеприпасов). И с этим-то неизвестно, как справиться. А боеприпасов надо брать минимум на четыре, если не на все пять лет. В тайге патронов при всем желании не добудешь. Итак, как полагается настоящему охотнику-таежнику, с того и начнем – с оружия.

Само собой, одного ружья для такой жизни мало. Нужно брать и браунинг, и бескурковую двустволку. Браунинг уже стал более привычным, чем Ижевка, но он и более требователен к качеству боеприпасов и уходу, а этого, глядишь, в тех условиях ему может недоставать. К обоим ружьям желательно иметь запасные боевые пружины. Число патронов для них в значительной мере зависело от того, удастся ли раздобыть «мелкашку», желательно магазинную. Для нее патроны весят совсем немного, их можно взять хоть две, хоть даже три тысячи, с тем чтобы добычу мелкой дичи – уток, рябчиков, глухарей, зайцев, белок, соболей, лисиц, кабарги – возложить почти исключительно на нее, а патроны и припа-

сы к оружию двенадцатого калибра брать тогда в основном с ориентацией на крупного зверя – сохатого оленя, медведя, волка, козу, росомаху, рысь, – с которыми часто не повстречаешься. Тогда можно будет обойтись запасом, скажем, в четыре-пять сотен выстрелов. Получится общий вес оружия в 9 кг, принадлежностей к нему – шомполы, калибровочные кольца и пробки или шарики по диаметрам канала ствола, вишеры, щепки, навойники, закрутки, иглы для выбивания капсюлей из стрелянных гильз, ружейное масло – 2 кг, боеприпасов для «мелкашки» – 10 кг, боеприпасов для ружей двенадцатого калибра – 25 кг. Без особой ошибки можно принять, что все это вместе составит 36, возможно 40 кг, то есть столько, сколько едва унесет один человек. Вот тебе и первый сюрприз. А ведь это только верхушка айсберга. Прибавь сюда рыболовное снаряжение: пару спиннингов с катушками, лески, блесны, крючки – будет еще 3 кг, а с сетью скромной величины – и все 5 кг.

Теперь инструменты. Топоров – минимум два, а лучше 3, колун 1, пассатижи – 3 штуки, точило ручное и точильные бруски, тиски настольные, дрель ручная, реверсивная отвертка с набором сверл и наконечников, сверла для дрели разных диаметров, плашки и метчики, напильники треугольные плоские, полукруглые, круглые – 10-12 штук, надфили – 2 набора, зубила – 2 штуки, ножницы по металлу, простые и маникюрные ножницы, отвертки разные, стамески – 4 штуки, рубанок, большие лучковые пилы с запасны-

ми полотнами, ножовки по дереву и металлу. А еще проволока стальная и медная – метров по 20, крепежи разные, лопаты штыковые – 2 штуки, совковая – 1, еще саперная или лавинная лопата на коротком черенке – 2 штуки, гвозди разные – 3 кг. Итого примерно 16, если не 20 кг. Меньше можно? Можно, но плохо. Ведь целое хозяйство надо иметь, причем многое – не в единственном экземпляре.

Кстати, один мой предшественник в деле исчезновения из цивилизации – Эрик Кудусов – настоятельно советовал при одиночном житье в тайге иметь бензопилу для заготовки бревен на постройку дома и, главное, на дрова. А с запасом бензина это еще 30 кг. Вообще опыт этого самого Кудусова для меня определенно должен послужить примером и ориентиром. Интересный он оказался человек. Сначала его фамилия встретилась мне в одном из номеров «Катеров и яхт», где он описывал опыт создания и использования на Камчатке в волноприбойной полосе катамарана с поплавками из брезентовых «колбас», набитых надутыми камерами для футбольных мячей. Катамаран нужен был для работы – видимо, он был океанологом. А довольно скоро – через каких-нибудь три-четыре года – он выпустил книгу «Остаюсь на зимовку», в которой сообщал, что во избежание полного нервного истощения в условиях городской цивилизации он решил напроочь изменить образ жизни и отправился работать в качестве штатного охотника-промысловика в промхоз в Средней Сибири, как мне показалось, где-то на правых притоках Ени-

сея между Подкаменной и Нижней Тунгусками, скорее всего, на реке Бахта. Наши с ним варианты «бегства» различались одним – он продал часть своей свободы промхозу, обязавшись добывать пушнину и сдавать ее государству, а я этого не хотел. Зато он получил обеспечение припасами, продуктами с доставкой их по воздуху в район промысла, а мне все это надо было оплачивать самому. Что именно привело Кудусова на грань полного нервного истощения, он в своей книге не рассказал. В конце-то концов, не все ли равно. Просто понял человек, что так жить, как живут в городах, он не способен. И нашел свой путь к исчезновению. Не абсолютному, но близкому к нему. Честь ему и хвала. Ведь он это уже проделал. Мне же только предстояло.

К оружию и инструментам в равной степени принадлежали ножи. Волею судеб у меня уже образовалась небольшая коллекция. Кое-что я купил сам, остальное дарили. Среди дареных был и кавказский кинжал, и гиссарский нож, и якутская самоделка, и шедевр моего соседа-друга Николы. В ножах нехватки не было. Но мне помимо них хотелось иметь большой нож с клинком длиной не менее сорока сантиметров для насадки на древко длиной около полутора метров, чтобы он служил оружием вроде рогатины (по-эвенкийски пальмá) или для прорубания тропы в лесной чаще. Рубить нетолстые стволы и ветки деревьев топором тяжело. Чтобы срубить ствол у самой земли, приходится постоянно нагибаться. С пальмóй проще. Конечно, клинок пальмы ве-

сит меньше топора, но за счет большей скорости при косом ударе ствол ели в три-четыре пальца толщиной можно перерубить с одного удара. А уж рубить упругие лапы ели или кедрового стланика пальмóй несравненно удобней, чем топором. Я бы и сам отковал себе пальмóу из «стахановского» напильника или из рессоры, будь у меня кузня. А так снова придется обращаться к Николе – он найдет, где отковать.

Как в любой экспедиции, мне нужно будет и обычное походное снаряжение – в первую очередь бивачное: палатка – одна, как минимум, и, как минимум, два теплых спальных мешка. Исследование местности вокруг основного стана надо будет провести на расстоянии до двадцати или тридцати километров, а то и больше, если возникнет особый интерес. Да и на случай непредвиденно скорого выхода из тайги к людям тоже могут понадобиться и легкая прочная палатка, и спальный мешок с вкладышем, и, разумеется, походная посуда: котелки, сковороды, фляги, кружки, миски, ложки, вилки, консервные ножи, не говоря о посуде для дома – ведрах, кастрюлях, тарелках – все это образует достаточную тяжесть, в сумме 30 кг. Еще нужна печка, желательна из жаропрочной стали – в зависимости от конструкции 6—10 кг. Также надо будет попробовать заказать через Николу на его «ящике». Если там ухитрятся создать шедевр из спецматериалов полегче, тем лучше. Но печь надо будет проверить заранее. И проследить, чтобы трубы к ней были диаметром не меньше 12 см. А то я уже видел прекрасные по за-

мыслу печи, пламя в которых задыхалось из-за слишком узкой трубы. Из зимнего снаряжения важнейшими предметами являются лыжи. Что мне понадобится для зимней охоты – сам пока еще толком не знаю. Очевидно, широкие, подбитые камусом (где их достанешь в Москве? – видно, придется делать самому, если не удастся купить на месте), возможно, одну пару горных лыж с ботинками и – не могу себе отказать в желании испытать их самому – снегоступы на манер канадских (тоже где взять? Разве что попросить прислать Фарли Моуэта). Глядишь в сумме набежит 25 кг. Еще нужны будут лыжные палки, деревянные лопатки, которыми охотники обихаживают ловушки, хотя, в отличие от Кудусова, ни одного капкана я принципиально не возьму. Наверняка понадобятся веревки. Здесь надежда на знакомых альпинистов, что дадут и основную веревку – метров под сто, – и репшнур – примерно вдвое больше. К этому заодно надо будет взять три-четыре карабина, несколько скальных и ледовых крючьев и молоток. К этому просится и ледоруб – кто знает? Может, зимой на замерзших реках придется как-то преодолевать замерзшие водопады? Тогда и кошки нужны. Вот тебе еще килограммов 20—25. А дело еще не дошло ни до обуви, ни до одежды.

Нужны высокие сапоги – самое малое 2 пары, да еще 1 пара обычных резиновых и 1 пара кирзовых сапог на правах почти что домашних тапочек для работ около дома. Кеды – 2 пары, ботинки на вибrame – 2 пары, вот тебе и 16 кило-

граммов. Носки шерстяные и тонкие из хлопка и нейлона – пар 20, портянки, – еще 4 кг. Итого обувь – 20 кг. Одежда. Летняя, весенне-осенняя, зимняя. На лето штормовые костюмы – 2 пары. Студенческие целинные костюмы – тоже 2 пары. Теплое белье – 3 пары, плавки 6—8 пар, тельняшки – 4—6 шт. (их в магазинах не купишь, надо просить моряков). Далее – теплые брюки, брюки-эластик по 1 паре. Свитера – 4 шт. Куртка болоньевая теплая – 1 или 2 шт. Непромокаемая клеенчатая куртка – 2 шт. Ватник – 2 шт. меховая куртка-полупальто. Неплохо бы еще и чукотскую кухлянку (надо будет забросить крючок корешам из Певека). Рубашки-ковбойки из фланели – 4 шт. Хороший получится гардероб. А еще шапки зимние – 2 шт., шапочки вязанные – 2 шт., кепки или береты – 2 шт. Разве что шляпу не брать, хотя 3—4 накомарника в виде шляпы – обязательно. Так же, как литр или два диметилфталана. Сколько всего выйдет? Минимум 35 кг.

Теперь приборы, предметы культурного обихода. Часы – 3 штуки, очки солнцезащитные – 3 пары, очки диоптрийные (до 1,5 диоптрий – на всякий случай) тоже 3 пары. Бинокль. Подзорная труба – подарок Михаила Горского – обязательно! Электрофонари – 3. Радиоприемники на транзисторах – 2. Батарей ко всему этому один Бог знает, сколько надо! Штук, пожалуй, под 100. Страшно подумать! Свечи – 300—400 штук. Керосиновые фонари «летучая мышь» – 2. Керосин. Далее – письменные принадлежности – бумага, ручки,

стержни. Пишущая машинка (портативная). Книги, справочники. Бумаги надо брать на всякий случай – страсть! Тысячу листов? Две тысячи? Три? Да почём я знаю! Буду писать со страстью, тогда и трех тысяч может не хватить. Если заколодит – то и тысячи окажется много. Ну, а если честно: сколько времени вообще может оставаться на литературную работу у охотника-промысловика, даже если он промысловиком называется условно? Учитывая каждодневный труд, когда всё надо делать одному: готовить, чинить, обходить тайгу, обрабатывать добычу, колоть и носить дрова, носить воду, топить печку, варить и готовить и прочее, и прочее, и прочее? Скорее всего, не больше, чем у начальника геологической партии после трудного маршрутного дня. Да нет, не больше, а меньше, потому что начальник, вернувшись из маршрута, обычно ничего не готовит – для этого в партии есть или повар, или дежурный кашевар. Что ж тогда у «промысловика» останется на писание? Разве что дни особо непроглядного ненастья или пурги. Сколько таких дней бывает в году? В разных местах, конечно, по-разному, но уж никак не больше ста. Если в каждый такой день успевать написать 10 страниц (что очень сомнительно), то это максимум 1000 страниц в год, а вернее – 500. В два года – 1000. Значит, полторы тысячи должно хватить за глаза. Но и это весит прилично. Кроме письменных принадлежностей могут понадобиться и элементарные чертежные: циркуль, линейка, угольники, транспортир. Нужны компа-

сы в каждую рабочую одежду, то есть с учетом запасных – штук 6-7. Нужны штангенциркуль, рулетка. Итого, приборы и «культура», пожалуй, потянут на полсотни килограммов. Обалдеть! Но ведь я действительно хочу быть не только охотником и собирателем. Я хочу еще и что-то отдавать. Можно ли в таком случае строго экономить на этом? Похоже, что нет. Я уж не говорю о том, как хорошо было бы иметь радиостанцию для связи с кем-то в «жилухе», – это в моем случае нереально. Да и лучше внимания к себе не привлекать. И вообще, где бы я достал «подъемную» радиостанцию и питание к ней? Нет, об этом лучше не думать. Тем более, что люди, ничем не хуже меня, работают в тайге вне какой-либо связи с миром. Так почему я, решивший как следует пожить в их шкуре, должен заботиться о приобретении того, чего у них отродясь не было? Нет, тут уж надо играть только по общим правилам. Тем более, тебя никто не посылает в тайгу на промысел и, следовательно, даже номинально не отвечает за тебя. Хочешь, умеешь – живи. Не хочешь, не умеешь – нет. *Tertium non datur*. С этим заклинанием на латинском языке и отправляйся в новую сферу бытия. Сибирь такую латынь отлично понимает. Укладывай свои сотни килограммов в десятки рюкзаков. Запомни только, что ты еще не положил ничего съестного, что, конечно, очень остроумно, учитывая хорошо тебе известную особенность зверя, птицы и вообще любой дичи не попадаться на глаза, когда она особенно необходима. Что будешь есть?

Чем будешь питаться, писатель? Ведь даже нормальные промысловики (которые без кавычек) берут на весь сезон запас сухарей, сахара, чая, соли, круп. А что это значит в переводе на твой цифровой язык?

Если не вдаваться сходу в подробности и просто положить на каждый день по полкило продуктов (а это совсем немного, учитывая условия жизни), то на два года надо брать 365 кг. Вкупе с «барахлом», которое весит в общей сложности... 250 кг без бензопилы «Дружба» или 300 кг с пилой, это будет около 700 кг. Порядок величины тот же самый, о котором сообщал Кудусов.

С таким грузом особенно никуда не разбежишься без посторонней помощи. Самое лучшее было бы как-то договориться с пилотом вертолета – он бы подбросил точно, куда надо, или почти. Но пилоты – народ капризный. Никто наперед не скажет, ради кого или чего они согласятся нарушить строгие инструкции органов, никого, никогда, ни в какие заранее не дозволенные ими места не доставлять. Хорошо бы нашелся среди них мой благодарный читатель или однокашник по летному училищу близко знакомого мне пилота полярной авиации. Или пилот, который знал бы моего однокашника-геолога. Словом, такое дело требовало неформального подхода и неформальных отношений. Иначе зачем им рисковать своими летными правами? Разве что ради денег. А денег у меня на такие расходы то ли хватит, то ли нет... Даже рекогносцировки должны были обойтись в нема-

лые суммы. Что же тогда говорить об основном предприятии – или авантюре, – стратегию и тактику которой я сейчас и должен был выработать в наиболее реалистическом виде, иначе всем моим планам и начинаниям грош цена, несмотря на все понесенные затраты.

В общем, разведке в двух намеченных местах надо было уделить основное внимание. Лучше всего было бы произвести ее не только летом, но и зимой, то есть в ближайшие два месяца, не позже – чтобы посмотреть, в каких падах идут лавины, где с этой точки зрения безопасно обосноваться, а где – нет. Но это казалось совершенно неосуществимым. Так что оценивать лавинную опасность разных участков придется на глазок летом. В общем, кое-какие представления на этот счет у меня есть. Не зря мастер тянь-шаньских горнолыжных трасс Гулин показывал и объяснял, что откуда и почему может грозить срывом лавины зимой, прямо на склонах Анадырского хребта. В дополнение к этим урокам я получил некоторые знания и на Кавказе – из разговоров с альпинистами – спасателями и горнолыжными инструкторами, и не только. Бывало, крупные лавины сходили со стенных участков прямо на моих глазах. Зрелище устрашающее и подавляющее. Бравату оно вышибет из любого.

Ясно, что ставить дом на возможном пути схода лавины может только идиот. Тем не менее ставить его все равно придется где-то в пади, недалеко от воды, хотя именно на дно долин в конце концов и выносит лавины. Рядом должен стоять

высокий лес и почти со всех сторон ограждать зимовье, чтобы его не было видно даже почти вплотную и чтобы крыша не бросалась в глаза с воздуха. Желательно, чтобы ягодники находились рядом. И чтобы поблизости не было признаков полезных ископаемых. Не хватало, чтобы после визита какого-нибудь коллеги-геолога сюда направилась разведочная партия. Да, если вспомнить о последствиях открытий моих коллег, поневоле усомнишься в пользе для Земли, соотечественников и всего человечества моей прежней профессии. Кто пришел по следам таких знаменитых геологов, как Билибин, Урванцев, Чернов? Специалисты ГУЛАГа во главе бесчисленных дивизий и армий зеков. Превратить в страшную, гиблую каторгу любое прекрасное место на Земле особых усилий не составляет. Сгубить ландшафт, воды и недра очень просто. Именно это произошло на Калыме вслед за открытием золота Билибиным, на Таймыре после открытия полиметаллических месторождений Урванцевым, в Коми после открытий угольного бассейна Инты и Воркуты Черновым. Всюду возникали зоны, окруженные колючей проволокой, шахты, прииски, обогатительные предприятия. Вырубалась тайга. На месте райских полей появлялись мертвящие отвалы и кладбища с безымянными могилами. Воздух жизни превращался со временем в смертоносную газовую смесь. Виноваты были эти геологи? И да, и нет. Да, потому что не могли не знать, что они – пионеры безобразной промышленной экспансии. Нет, потому что не они организова-

ли процесс добычи полезных ископаемых по самой дешевой и самой неэффективной каторжной технологии, к тому же и самой разрушительной и грязной. Билибину и Урванцеву хотя бы отчасти повезло – именем первого назван город на Малой Аное, точнее на его притоке Кинервееме, второму поставлен памятник. На Чернова же в Коми обиделись основательно – имя его на карте Коми не увековечено нигде. Ему не простили превращения прекрасных охотничьих угодий и оленьих пастбищ в зону бедствия.

Мои личные открытия не были столь масштабны и не определяли изменений целой области, республики или края. Но ведь две прекрасные, чистые реки на Чукотке испохабили, испортили после меня, стало быть, и по моей вине. Хватит. Больше не хочу. Особенно в непосредственной близости от моего дома, от моей территории, на которой я хочу утвердиться в своих интересах – и больше ни в чьих других. «Если я не за себя, то кто за меня?» – как вопрошал древнееврейский мудрец рабби Гиллель и даже не трудился отвечать на риторический вопрос. Конечно никто! Правда, следующий вопрос Гиллеля опрокидывал все с ног на голову: «Если я только за себя, зачем я?» А затем, чтобы там, где могу, не давать портить нашу планету. Затем, чтобы писать для людей, оставаясь свободным человеком. Затем, чтобы потомки сказали спасибо, а не прокляли за превращение планеты в мусорную свалку, на которой невозможно существовать.

Что в этом свете представляют ценности технологической цивилизации, потакающей алчным потребителям барахла и милитаристам? Безусловно – ничего. Необратимо губить среду обитания, доставшуюся от Бога даром, сделаться жертвами собственной дурости и перестать жить – это психопатия, а не только идиотизм. Так что не надо, рабби Гиллель. Не все, что делается вроде как «только для себя», бесполезно для других. Наоборот – часто очень полезно. Да если взять не только охрану своей территории от наступления варварства, но и писательство, – разве кто-нибудь когда-нибудь написал хоть одну стоящую книгу, если он писал ее в первую очередь НЕ ДЛЯ СЕБЯ? Не-е-ет, путь к пользе для всего человечества лежит через деятельность каждого в свою собственную пользу – отнюдь не наоборот. Человек создает благие приращения своими трудами для себя и, в итоге, – в себе. Если нет ему пользы от своих трудов, не будет от них пользы и другим людям. А вот «коллективный разум» об этом благе печься совершенно не способен, ибо он – сумма дурных эгоизмов граждан и подданных разных государств, а вовсе не благих общественных устремлений. Этого пока, мягко говоря, люди «недопонимают». Особенно у нас.

II

Я предпочитал опираться на собственные соображения во всем, что касалось исчезновения из цепких лап цивилиза-

ции, но в деле извлечения денег из литературных трудов мне не мешало посоветоваться с Викой. Деловую конъюнктуру она всегда чуяла, и ей ничто не мешало смотреть на вещи проще, чем мне, – без сомнений, что приемлемо, а что нет. И все-таки я некоторое время колебался, прежде чем позвонить ей. То, о чем я собирался говорить, было достаточно интимного свойства, а с тех пор, как она, выражаясь высоким слогом, покинула мой кров, близости между нами не было, хотя, честно признаюсь, противной мне она не стала, как не стала и более желанной.

Назавтра я уже был у нее и начал сразу с дела.

– Вик, скажи прямо, стоит мне принимать предложения от Госкино и от Малого театра переделать «Полигон» в киносценарий и в пьесу? Деньги и там и там обещают немалые. А они мне понадобятся.

– Зачем? – спросила она.

Я решил назвать вместо истинной причины другую, так сказать, смежную.

– Сама знаешь. Яхту пора, наконец, либо купить, либо начать строить.

– А в чем, собственно, проблема? – спросила она. – Соглашайся, пока предлагают.

– Неохота своими руками профанировать вещь, – ответил я.

– Ну, так дождешься, что чужими.

– То есть как? – удивился я. – Разве моего согласия не тре-

буется?

– Формально требуется. Но есть способ обойтись без него. Роман ценен тем, что он о большом государственном деле, что там есть и производственный, и личный мотив. Этого так недостает современному театру и кино. Поэтому они и кинулись к тебе.

– Допускаю. Ну и что?

– А то, что в случае твоего отказа они найдут профессионального сценариста или драматурга без комплексов, и он напишет то, что требуется, а возле заглавия – это не обязательно будут «Полигоны» – напишут: «По мотивам романа Г. Кураева «Северо-восточные полигоны»». Вот и все. И совсем не факт, что ты тогда хоть что-нибудь с них получишь.

– Значит, соглашаться?

– Конечно! Господи, с тобой до сих пор приходится говорить, как с ребенком!

Я ничего не ответил, но понял, что она права. На этом мои колебания – принимать или не принимать предложения от театра и от кино – кончились. Заодно отпала и необходимость спрашивать Викино мнение насчет идеи Атаева снять фильм сразу по двум рассказам – «Горные зори и старики» и «Последний рывок». Получалось, что и на это надо было сразу соглашаться. На том деловая часть визита была исчерпана. Можно было перейти к неделовой.

За чаем я легко убедился (сначала глазами, потом рука-

ми), что под Викиным кимоно ничего нет. Я задержал руку у треугольника, просунул ладонью вглубь. Получилось. Другой ладонью прикрыл грудь. У Люды здесь было поменьше, зато неплохо компенсировалось темпераментом. Вика была построена фундаментальней, из более крупных и тяжелых элементов, о которых я порой с удовольствием, но без особого вожделения вспоминал. Правда, сейчас появилось и вожделение.

– Пойдем туда? – я показал головой в сторону спальни.

Вика слегка кивнула.

Я встал и пошел вслед за ней. Чай остался «на потом».

Через полчаса мы вернулись к столу. Вика сразу поставила чайник на огонь. А я подумал: сколько пачек индийского чая «со слоном» надо будет взять на два года? И сколько еще плиточного чая для походного костра, где он идет ничуть не хуже, несмотря на грузинское происхождение? Но сосчитать не успел. Вика спросила:

– Все-таки тебе меня недостает?

Врать не хотелось. Как и объяснять истинное положение вещей: возможность дополнять то, что у меня есть, тем, что могла мне предложить только она. Но не больше того. Я промолчал.

Вика предпочла принять это в свою пользу.

– Что ты тогда наделал? Что ты тогда наделал и, главное, зачем? – с глубокой горечью, как о потере счастья, которое было, по ее убеждению, так возможно, сказала она.

Да, обойтись без упреков ей было трудно всегда. Наверное, они возникли не на пустом месте, только я об этом не помнил ничего. Что происходило на самом деле, а не в моем горячечном бреде? Спрашивать было бесполезно – она и слышать не желала, говоря, что не хочет снова пережить такое еще раз даже мысленно.

– Что ты сейчас делаешь? – спросила Вика.

На этот вопрос надо было ответить.

– Пишу новый роман. А что?

– Много уже написал?

– Да, вроде порядочно. Уже по второму разу пошел.

– Ого! Вижу, в скорости ты прибавил! А о чем он?

– Да, в общем, примерно о том же, что начал в «Полигонах». Тоже Север, но обстоятельства другие. И тоже поиск смысла своей деятельности и всей жизни.

– Название уже есть?

– Названия еще нет, – соврал я, зная, какое значение она придавала тому, чтобы оно с самого начала было определено и задавало весь ход работы.

Эту новость Вика проглотила молча. После паузы спросила:

– А когда думаешь закончить?

Ей во всем нужна была определенность – даже там, где ее не могло быть.

– Надо бы скорее, – вздохнув, сказал я. – Иначе когда писать эти чертовы сценарии и пьесы?

– А когда собираешься спустить на воду судно?

– Как только сумею приобрести готовое. Построить по своему проекту никак не получится – очень дорого и долго. Надо еще организовать перевозку, доставку в порт, оформление документов для плавания по нашим, можно сказать, внутренним морям. А о том, чтобы мне разрешили выйти в океан, я и не мечтаю.

– Зачем тебе океан?

– Пошел бы себе на Таити.

– Раньше ты не скучал без тропической экзотики.

– Ну, все меняется. Когда-то ведь надо и погреться. В Арктике и летом не всегда тепло.

– Стареешь, старик!

– Старею, старуха! Это бесспорно. Уже начинаю бояться, что не все успею додумать, что надо. Раньше, сама знаешь, этим не страдал.

– А что вдруг начало волновать?

– Да все то же, только по-другому. Появляется необходимость кое-что пересмотреть.

– Что? Смысл жизни?

– В общем, да, хотя и не полностью. Но я уже осознал, что смысл жизни человека, как он его представляет, исходя из своих интересов, – это одно, а то, ради чего человек был создан природой или Богом, – это совсем другое!

– Разве?

– Ну, начать с того, что тебя и всех твоих предков не спра-

шивали, хотят ли они, чтобы их родили. Свои собственные, осмысленные желания и цели возникают или определяются потом. Но ведь для чего-то и кем-то была затеяна вся человеческая порода, точно так же, кстати сказать, как и любая другая? И опять-таки ни одну из пород ни о чем не спрашивали. А какое-то предназначение дали. Какое – еще надо понять. Знаем-то по существу только одно – плодитесь, размножайтесь. А тоже ради чего? Беспредельно – не получится. Можно лишь потеснить, истребить другие породы, а потом что? Помереть? Неет, здесь тайн выше крыши.

– Уж не думаешь ли ты их узнать?

– Конечно, не очень надеюсь. Но хотя бы подступиться хочу. Это-то ты мне разрешишь?

– Смотря к чему собираешься подступаться. У нас ведь марксизм-ленинизм.

Замечание было уместным. Я подтвердил:

– Конечно! На все случаи жизни, но только не моей.

– Стоит ли связываться? Тут – идеология, сквозь нее не пробьешься.

– А я и не сквозь.

– Это как?

– Не буду я говорить, что то-то и то-то верно, а то-то и то-то – нет. Лучше дам возможность самим об этом догадываться после чтения текста, а в нем не будет никакой ереси и крамолы. По крайней мере, я так хочу. В конце концов, какая главная задача у литературы, кроме создания образов? Про-

буждать мысль у читателя. Причем его мысль может быть не совсем такой или даже совсем не такой, какой была мысль автора. Разве не так?

Вика смотрела на меня несколько озадаченно, потом изрекла:

– Что-то раньше в тебе не было видно самостоятельного философа.

– А теперь видно?

Она пожала плечами:

– Может быть. Только вот мой совет: будь поосторожней с обобщениями. Перестать быть издаваемым у нас очень легко.

Я кивнул.

– Отчего, старуха, ты стала наперед беспокоиться обо мне? Или разжалобил?

– Ты – МЕНЯ? Очень надо! Я только хотела предостеречь.

– Ну, и на том спасибо. Кстати, мать, у тебя такое чудное кимоно, что его ежечасно хочется с тебя снимать. Пойдем?

– Ты теперь постоянно такой пряткий?

– Я всегда был такой пряткий. Ты просто забыла.

Говоря это, я подвинулся к ней и вновь запустил обе руки под японский халатик.

– Глеб, не хулигань.

– Это ты называешь хулиганством?

– Нет, я все твоё поведение считаю хулиганством.

– Это почему же?

– Это потому, что я тебе давно не жена, и потому, что ты живешь с другой женщиной.

– И это потому, – продолжил я, – что отнятое от Люды тебя отнюдь не беспокоит, а, возможно даже радует. В самом деле, что плохого, Вик, что между нами не все кончилось? Мы же не выдумываем страсть, она сама себя проявляет. Вот, посмотри.

Она посмотрела и не стала спорить. И еще на пороге спальни сбросила с себя кимоно.

Потом я довольно долго лежал рядом с уснувшей Викторией и думал о ее ревности к Люде. И о том, как ей приятно взять теперь реванш. С моей стороны все происходившее не было хулиганством ни по отношению к Вике, ни по отношению к Люде. Я ничего ни у кого не крал, ибо не имел никаких обязательств. Более того, я не требовал верности ни от Вики, ни от Люды. Право слово, свобода порой бывала не только хороша сам по себе, но еще и тем, что удобна. Внезапно и бурно проснувшееся во мне желание заставило еще раз задуматься, так ли уж я был готов к отшельничеству, как мне казалось. С Людой жизнь, кстати, шла тоже довольно интенсивно – может быть, и не так, как в совсем молодые годы, но все же не вяло, далеко нет. Ей я тоже ничего пока не говорил о своих намерениях – все же впереди, до разлуки было еще полтора года, если, конечно, мы столько еще проживем вместе.

Вика проснулась не скоро.

– Ну что, хорошо пригрелся в чужой постели? – спросила она.

– Неплохо, – подтвердил я. – А как ты смотришь на то, чтобы я остался с тобой и на ночь?

– Что-то ты чересчур разбежался.

– И не говори – не могу остановиться.

– А в чем дело? Люды дома нет?

– Да, она уехала в Ярославль на неделю.

– Угу. Значит, мне предоставлена редкая честь заменить ее в постели?

– Разве дело в ее отъезде?

– Тогда что произошло? Что так усилило Вашу мощь? В Вашем-то возрасте. Мне бы хотелось разобраться в этом необычном явлении природы.

– Вы хотите сказать – в этой природной аномалии?

– Да, так, пожалуй, будет точнее.

– Что ж, от Вас у меня нет секретов. Никогда еще дама, обитающая в этом роскошном прекрасном замке, не распускалась столь пышной розой, как теперь. Ее прелести увеличились стократно. В основном я имею в виду их притягательность, а не только величину.

– Ах, вот чему она обязана!

– Да, разумеется! Я ведь только начал! Но готов доказывать и дальше – всю ночь напролет!

– Вот что я Вам скажу! – услышал я. – Вы очень самонадеянны, сэр!

– Напротив, мэм. Почтительнейшим образом прошу Вас сделать мне честь!

– Сделать Вам честь? А что сделаете для меня Вы?

– Все, на что способен, миледи! Я мечтаю со всей страстью послужить вам! Отблагодарить вас!

Неожиданно обнаружилось, что отрабатывать старые долги, которые уже не надеялся отдать, может быть приятно не только в моральном смысле, но и в физическом. Вика ведь немало для меня постаралась – пусть не самым разумным образом, зато по-женски искренне и страстно, пусть давя на меня, но сделавши в то же время больше, чем какая-либо другая женщина в моей жизни. Нет, что ни говори, в этом смысле я был ее должником и теперь наконец мог ей отдавать, отдавать и отдавать, пока она когда-нибудь не скажет «хватит, ты больше мне ничего не должен». Или она никогда не захочет такое сказать?

III

Я не успел соскучиться по Люде. Но неожиданно рано соскучилась она. В Ярославле ей почему-то стало беспокойно, и вместо недели она провела там только три дня. Я подумал, что телепатические каналы все-таки существуют, а доступ к ним имеют не только особо одаренные люди. Короче, она прилетела ко мне, но никого не застала, и то ли в качестве компенсации за несправедливые подозрения, то ли потому, что

за три дня сама стосковалась, постаралась устроить мне фестиваль, в котором я (какое дивное совпадение!) снова получил право заказывать, что мне угодно. И мне действительно захотелось воспользоваться этим и не ограничивать себя, подобно мужу, вынужденному считаться с воспитанием и моральными представлениями жены – жертвы устаревших традиций. В итоге я по-новому ощутил внутреннюю, тайную жизнь ее плоти, обычно слабо ощущаемую мужчинами, которые думают преимущественно о себе, не подозревая о том, какими бы они действительно могли быть молодцами и как много нового сами могли бы испытать, если бы знали, что способны вызвать в глубинных недрах, так сказать, в самом ядре женской Земли. Сравнивая двух женщин, в постелях которых я побывал с разницей в два дня, я пришел к выводу, что истовое рвение украсило их обеих. Люда, которая обычно была менее сдержанна, нежели Вика, на сей раз выигрывала не так много. Как бы то ни было, обе мои женщины, видимо, по наущению свыше, дружно напомнили мне, что мужчине в возрасте самого начала пятого десятка следует хорошо подумать, прежде чем лишать себя таких дивных удовольствий. Готовности к добровольному монашеству во мне было ноль целых ноль десятых – какие-то сотые или тысячные доли процента.

Не честнее ли сразу признать, что воздержание не пойдет на пользу ни мне, ни моей литературной работе? Если образы соблазнительных женщин (в пору долгого одиночества)

целиком заполнят мой мозг, что мне тогда удастся сделать и написать? Для чего затевать само бегство? Ведь не от женщин же я собирался удрать! Только от суеты, от пьяного срама, от тех, кого не хочется видеть, – но не от женщин, нежных женщин, готовых разделить со мной ложе и в какой-то степени саму жизнь. Вот, собственно, против чего надо было нацеливать главный удар. А дальше открывалось уже много возможностей. Не обязательно поселяться в околполярных широтах или бороздить исключительно полярные моря, как бы сказочно ни звучали их названия (а ведь мировые названия, что ни говори!) – Баренцево, Карское, море Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское, Берингово... Можно поселиться в деревне – хоть на родимой Вятке, хоть на Вологодчине, как Астафьев, хоть где-нибудь под Тверью или на Беломорье. А можно, как давно мечталось, сделать яхту и ходить на ней по всей Европейской России от Белого моря, Онеги и Ладоги до Каспия и Азова, от Москвы до Камы и Уфы.

И даже не обязательно мотаться туда-сюда. Выбрать акваторию покрасивей и жить там, делая небольшие переходы в свое удовольствие и в хорошую погоду, и в штормовую, если понадобится освежить в памяти ощущения прежних времен. А, главное, там и женщина могла бы быть со мной! Это же ему непостижимо, как здорово! Уверен, что человечество еще ничего лучшего не придумало для соединения восхитительной будуарной атмосферы с пребыванием

на природе. На что многие разумные богачи и направляют свои деньги. Конечно, им доступен весь Мировой океан, любые воды, но и мне, советскому подданному, можно найти, где пожить, что посмотреть, – вплоть до Байкала, хотя возни с переправкой яхты по железной дороге через Сибирь, наверно, не оберешься. Теперь вот даже до верхней Лены можно довести. Дорого будет, не спору, но не дороже же, чем самолетами и вертолетами перебрасывать через всю страну груз под тонну весом, да еще и одному.

Вот только зимовать на борту почему-то не улыбалось. А, собственно, почему? Яхта, если заранее предусмотреть, да сделать все с умом, будет поуютней избушки. Поставь ее заранее, своевременно, в тихий затон, заготовь на берегу дров, растопи камелек и сиди себе пиши или думай, глядя на огонь и время от времени встречаясь глазами с женщиной. Лишь бы ей не было скучно. А для этого ей тоже надо иметь не только терпение, но и сколько-нибудь устраивающее ее занятие – вязать, читать, петь, шить, бегать с тобой на лыжах, париться в походной бане, ловить рыбу или охотиться с тобой на пару. Пожалуй, Люда для этого могла подойти после некоторой тренировки и привыкания, Вика – нет. Никакой особой тяги к природе я в ней не замечал.

Бывшую деревенскую жительницу природой не соблазнишь. Ей это на фиг не нужно. А нужно, чтобы муж был заметный в обществе человек и делал там все, что полагалось. А посему в отношениях с Викой могли иметь место только

визиты по формуле, близкой к Цезаревой: пришел, поговорил, переспал. Связывать свою жизнь с ее жизнью чем-нибудь более прочным не было никакого смысла. Ни для нее, ни для меня. А с Людой – кто знает? Если я ограничусь «полуисчезновением», то Люда может и подойти, хотя полной уверенности у меня не было. С походной жизнью даже в туристской версии она так и не познакомилась, а общением с другими людьми, в отличие от меня, не пресытилась. Какая уж тут уверенность! Нет, женскую вакансию, по логике вещей, должна занять какая-то другая особа. Какая? Кого я бы мог назвать в качестве кандидатки? Сейчас, пожалуй, что никого.

Знала бы Люда об этих моих рассуждениях! Что бы она в них усмотрела: цинизм, обман? Наверно, и то и другое. Но ведь она знала, с кем связывается. Моя жизнь без странствий пока, к счастью, представляется невозможной, да и недостойной. Мои писательские занятия питаются ими и напрямую зависят от них. Все это ей известно. И нет принципиальной разницы, сколько времени мне потребуется на тот или иной поход – три месяца или год. И если она хочет быть со мной, ей надо находиться именно рядом со мной. Тогда не будет никакого обмана. Ну, а если она усмотрит цинизм, то это ее дело. В конце концов, мужчины и женщины создают семьи не только в силу взаимного притяжения любовью, но и потому, что это выгодно: и в узком, утилитарном смысле, и в самом высоком – гуманном. Нет, не воз-

никло у меня никакого желания виниться перед женщинами, которые сами выбрали меня такого, каков я есть. Господи, только бы понять, что мне на самом-то деле нужно! Ведь не на пустом же месте образовалась потребность в женщине, хотя она и противоречит другой, давней идее – избавиться от желаний. Но сделать это, как Гаутама Будда, я не мог ни по физиологической причине, ни по причине писательского призвания, то есть желания творить. Без этого зачем было существовать?

IV

Вот я со всей серьезностью говорю о своем призвании, а могу ли честно ответить на вопрос: что мне как писателю удалось сделать?

Пожалуй, удалось уйти от подстерегающей любого геолога, ступившего на литературную стезю, «светлой романтики», иначе говоря – подлога. На самом деле, ей нет места в практической работе тех, кто старается что-то увидеть в земле и смотрит «сквозь землю». Это в какой-то степени мистическая профессия. Чистой науки здесь нет. Отчасти (отнюдь не полностью!) мне удалось показать, что работа геолога – это в решающей степени работа головой, а не мускулами.

Но вот что пока не удалось – так это сделать зримой ущербность жизни геолога. Слишком часто у него нет посто-

янного дома, а если и есть, то это вовсе не значит, что его там ждут. А кто целых полгода заменяет ему семью? Более или менее случайные люди. Среди них очень немного коллег, которых можно считать единоверцами, единомышленниками. В основном это сброд, в котором крупницы золота соседствуют с отбросами в обычной пропорции, о чем написал еще наш великий баснописец: «Навозну кучу разгребая, петух нашел жемчужное зерно». На что уходят душевные силы полевого геолога? На поддержание хрупкого порядка и работоспособности коллектива, когда уголовный элемент, почти обязательно присутствующий в каждой партии, очень хорошо сознает, что власть и милиция далеко и есть возможность кое-что урвать для себя, да еще покуражиться над начальником, отвечающим за все: за план, за людей, за сохранность имущества и государственной тайны (а как же!), за отношения рабочих партий с местным населением, за соблюдение техники безопасности. А еще у него есть оружие, которое могут украсть и из которого он сам в определенных случаях имеет право убить. Разве всего этого мало, чтобы свихнуться?

С некоторыми из геологов – и не слишком редко – так и происходит. На их глазах разворачиваются и драмы голода, и трагедии смерти – когда при переправах через бурные и холодные реки, когда в болотных топях, когда от отравлений, когда в авиакатастрофах, когда от радиации, когда от перепоя. И тогда невольно приходит на ум, что неплохо бы ему

быть еще и врачом – терапевтом, хирургом, стоматологом, токсикологом, психиатром... Но он как был, так и остается обладателем походной аптечки, хранителем небольшого запаса казенного спирта и – далеко не всегда! – распорядителем ненадежной радиостанции, по которой может вызвать в свою партию авиационный «санрейс».

Много говорят о физическом износе геологов. Почти не говорят о душевных растратах. Кроме забот о партии, об отношениях с начальством из экспедиции и выше – из геологического управления, не отпускают еще гнетущие мысли о доме, о жене или любовнице: с кем они проводят время, кто помогает им выжить в изнуряющей душу и тело разлуке? Кого они предпочтут – непутевого, подолгу отсутствующего романтика или удобного, постоянно близкого человека? А что геолог-полевик может передать своим детям, коли догадался их завести? Разве что сомнительное стремление стать людьми особой породы в случае выбора профессии отца. На всю эту семейную, с позволения сказать, часть жизни геолога я и не старался пролить свет и описывать ее избегал.

А еще геолог много пьет. И хорошо, если при этом не теряет способности остановиться. Я вот не заметил, как потерял, и таких, как я, полно. Скажете: везде много пьют. Да, но не везде по тем же причинам: не для того, чтобы просто не околеть от холода в непогоду, не для того, чтобы заглушить зубную боль, когда до ближайшего врача полтыся-

чи километров, не для того, чтобы прийти в себя после переправы вброд или вплавь в ледяной воде.

И все ненормальное в жизни геолога мешало мне писать о любви, как вообще-то подобает писателю. По существу, я сам себе запрещал касаться этой темы или, по крайней мере, глубоко в нее залезать. И не потому, что я меньше любил, или меньше страдал, или имел куда более скромную любовную практику. Главное заключалось в том, что правда была слишком болезненной, а сочинять полуправду я не хотел. Да и кто бы решился печатать такую правду? Какая-нибудь прогрессивная редакция? Дудки! За такой редакцией особенно бдительно следят цензоры самых разных мастей, в том числе и те, кого в официальной прессе называют советской общественностью. Я и без этой «общественности» знаю, что среди геологов есть счастливые супружеские пары, которых не сумело разлучить существование врозь. Можно даже сказать, что их ненормально много для такой противоестественной жизни, но не они олицетворяют участь большинства.

Однако, коли говорить все как есть о жизни геологов-мужчин, то как обойти молчанием проблемы геологов-женщин? Начать с того, насколько для них сложнее выполнять обычные требования гигиены. Они тратят на это куда больше времени и сил. Хотя бы потому, что надо как-то уединиться. Часто единственная в партии женщина-геолог воплощает в себе весь женский пол в глазах изнуренных долгим воздержанием мужчин, очень разных по воспитанию и манере вы-

ражения чувств. Нередко только силой оружия она предотвращает насилие над собой, потому что одна только угроза его применения, да еще и не очень уверенная, вряд ли остановит обнаглевших распалившихся самцов. Не решится выстрелить – начнет странную жизнь с мужчиной, с которым никогда бы при иных обстоятельствах и знакомиться не стала. И уж если осуществится мечта уголовника-алкаша превратить начальницу в невольницу, то раздвоенность положения будет угнетать ее даже после того, как она привыкнет и, возможно, смирится с ролью наложницы грубого, бесцеремонного хама. Кто оценит, во что обходится женщине-геологу это «быть всегда начеку» и тем более прямой физический и нравственный ущерб? И разве найдется цензурная лазейка, чтобы опубликовать весь этот ужас?

Нет, я очень много намеренно не касался в своих вещах, и только в «Полигонах» дал намек кое на что. Только намек! А что возгласили мои благодарные, но не больно разумные почитатели из числа коллег? Что «Полигоны» – это Библия геологов! Какая там «Библия»? Вздор! Да, там правда и, как говорится, только правда, но не вся. Я показал публике часть умалчиваемого о геологах и геологии, а к удовольствию профессионалов восславил доблесть клана, к которому они принадлежат. Вот и всё. Никаких поползновений с моей стороны на то, чтобы написать картину под названием «Геология в СССР. Человеческий аспект». И вообще я не верю, что такой художественный образ будет когда-нибудь создан, тем

более мной.

Нам здесь не дадут написать о правде нашей нынешней жизни, потому что власти уже испуганы «Архипелагом ГУЛАГ» и бдят. Новый труд такого же рода – пусть даже о «свободном труде» – им не нужен. А я и близко не Солженицын. У меня другой путь, другое призвание. И если сейчас я в определенном смысле замер в раздумье на перепутье, то вовсе не потому, что хотел бы, да побаиваюсь приступить к обличению геологического «ГУЛАГа». Я не взялся бы за это дело даже при полном отсутствии риска, потому что я – не обличитель, а странник, которого больше волнует влияние природы на людей и влияние людей на природу. Существуют вещи, о которых я уверенно берусь судить как о плохих или хороших. Существуют мои собственные заблуждения (о чем я больше догадываюсь, нежели знаю). Существуют открывшиеся мне истины, в которых я никогда не усомнюсь. И среди них та, что я должен делать только собственное дело.

Самые умные люди из моих знакомых исповедовали такие же взгляды. Виталий Крылов, геолог, чукотский уникал, пришел к этому, раздумывая о путях достижения блага для всего человечества во время бесконечной осенней пурги. Его вывод был прост: всеобщее благо достижимо только в одном случае – когда каждый хорошо делает свое дело. Причем не то дело, к которому он приставлен, а то, каким должен заниматься по призванию. Георгий Маркович

Зелинский – первый, кто указал на перспективы открытия промышленных запасов Чукотского золота, – придерживался сходного мнения. Только он еще больше Крылова ненавидел шагание сплоченным строем в ту сторону, куда указывают недоумки и жулики в кителях и номенклатурных костюмах. Нивелирование индивидуальных способностей людей Георгий Маркович считал одним из самых гнусных проявлений геноцида. И, подумав, я был вынужден с ним согласиться.

Кстати, именно его пример помог мне осознать еще одну истину – большинство никогда не бывает правым, когда речь идет о принятии или отвержении новой идеи, обещающей продвижение человечества вперед. «Коллективный разум» большинства такую идею на первых порах всегда обязательно отвергает. В этом смысле демократия — оплот консерватизма, а отнюдь не прогресса. Прогресс обеспечивается усилиями одиночек, силящихся сдвинуть тех, кто успокоился, с удобных насиженных мест. Этим одиночкам всегда плохо, их шельмуют и изгоняют, но они успевают хотя бы оставить после себя семя ростка, который со временем разворотит асфальт, покрывший живую почву.

Мысли на этот счет, как и Виталию Крылову, приходили мне в голову в основном в непогоду, чаще во время дождя. Пока дождь молотит по крыше палатки, но внутри сухо, а в спальнике еще и до невероятности уютно и тепло, думается особенно хорошо – о чем угодно. И о женщинах,

и о работе, и о смысле жизни, и о науке и искусстве. Все это и поврозь, и вместе имеет прямое отношение к пониманию «блага», к надежде на достижение счастья, которое лично мне представлялось состоянием непрерывного нарастающего восторга сердца и ума, иными словами, души, разума и духа. Даже восторженное состояние каждой клеточки тела, казалось мне тогда, сублимируется в восторг души и уносит из материальной сферы совсем в другую, откуда мы, по всей вероятности, явились на Землю и куда, уже совсем определенно и несомненно, уйдем. Не зря же Будда, Великий Просветленный, смотрел на ведущих активную земную жизнь с нескрываемой иронией. Подобную улыбку случается видеть на лицах бывалых людей, знающих, что к чему в этом мире, когда они наблюдают «чечако», несмышленьшей-новичков, в головах которых нет ничего, кроме благоглупостей и рвения к преходящим благам.

Я всю жизнь считал, что мне повезло, как мало кому, когда я оказался на Севере, на малонаселенной окраине империи. И не только потому, что успел застать там почти или даже совсем не тронутую, ошеломляюще прекрасную природу, но и потому, что был как нигде далек от многоэтажной иерархии коммунистической партии и советской власти с обязательной посредственностью и хамом во главе. Именно там, как никогда прежде, я был близок с людьми, внешне примитивными, необразованными и даже дикими, но на поверку замечательно мудрыми, искусными во всех жизненно

важных делах, честными и бескорыстными – словом, достойнейшими представителями рода человеческого, к тому же снисходительными и терпеливыми в отношении тех, кто был слабее их.

И вот к этим людям я явился насаждать культуру, цивилизацию? Терпимость «дикарей» к слабости пришельцев, очень часто ставившей их на грань смерти, готовность спасти и поддержать, не только поражала, но и, честно говоря, ставила в тупик. Ну что им стоило дать чужакам загнуться при первых же столкновениях с жестокими реалиями Севера, тем более что многие из них были корыстны, нечестны и властны? Но нет, они их спасали, а, становясь жертвами агрессии, старались по возможности уйти прочь (благо было куда) и очень редко брались за оружие, хотя были храбрыми и умелыми стрелками. Разгадки этому я не знаю, если только не принять за истину предположение, что принимать превентивные меры, пользуясь главным образом оружием, им мешала такая высокая духовная культура, какой люди «цивилизованных» стран еще не достигли, хотя как будто имели для того несравненно большие возможности. Это стало для меня настоящим уроком, особенно когда предстояло решить, на что тратить силы: на то ли, чтобы достичь богатства, славы, власти над другими людьми, или на то, чтобы остаться верным исходной чистоте и стремиться к вершинам духа, терпимости и понимания других.

Моя мечта оставить цивилизацию и держаться от нее как

можно дальше не в последнюю очередь объяснялась примером жизни «примитивных» народов. Правда, я уступал даже самым неумелым и слабым из них, если говорить о способности существования в диких краях, несмотря на то, что неплохо стрелял из дробовика и винтовки. Любой абориген знал неизмеримо больше: когда, кого и где надо искать и добывать, а на что бесполезно тратить драгоценные время и силы. Для них проблема транспорта, особенно острая для меня, решалась естественным образом – сооруди нарты, запряги оленей или собак и езжай куда надо. Они могли делать запасы, не используя ни соли, ни холодильников (хотя холода, за исключением двух-трех месяцев в году, всегда бывало более чем достаточно). Они могли без отвращения – и даже с особым аппетитом и без вреда здоровью, есть копáльхен (квашеную моржати́ну) или кислую рыбу – то есть вполне прокисший и протухший и, по европейским меркам, совершенно испорченный, не пригодный в пищу продукт. Чукотские и ламутские пастухи могли не только ездить верхом на оленях, но и пробегать в день десятки километров по кочкарной тундре. Какой спортсмен такое осилит, хотел бы я знать? Но то была самая обыкновенная необходимость – иначе потеряешь и не найдешь оленей, а без них потеряешь возможность существовать.

Изделия из непрочного оленьего меха хороши с точки зрения сохранения тепла. Но кто бы знал, как трудно правильно выделатать шкуры, пошить из них одежду и обувь на разные

случаи жизни и времена года, как сложно содержать их в порядке, когда их надо чинить, чинить и чинить, и ведь все это – женское дело, не дело пастуха и охотника. А какая женщина из нынешнего круга моих знакомых могла бы взять на себя такой труд? Что она умеет, чтобы справляться с такой работой? Женщины Севера приучаются к ней с раннего детства, так же как мужчины – к охоте, следопытству, воспитанию собак и оленей, к тонкостям пастушеского искусства. Стать пастухом и следопытом в таком возрасте, как сейчас у меня, нечего и думать. Во-первых, нигде не достать нужного для учебы наставника, которым у северян обычно становился отец, а чаще – умудренный опытом дед. Во-вторых, зрение, слух, обоняние, вкус – все это уже притупилось и не позволит ухватывать нюансы очертаний следа, запаха, звуков, вкусовых ощущений, которые помогают успешно решать «северные головоломки». И, в-третьих, упущена самая подходящая физическая форма для успешной работы организма в экстремальных условиях Севера, где просторы невероятно огромны, а удобных путей для передвижения нет никаких, разве что снежный наст зимой.

Что же мне остается делать на природе? Охотиться понемногу на беспечную, неосторожную или глуповатую дичь? Ловить рыбку, когда она сама лезет на крючок? Собирать ягоду в сезон? Стрелять водоплавающих во время массового перелета и одиноких оленей, отбившихся от стад? Наверное – так. Дает ли все это в совокупности достаточное пропи-

тание – трудно сказать. Наперед это не может быть известно вообще, да и год на год, конечно, не приходится. В принципе доступным для меня может быть только одно занятие – писанина, зависящая, конечно, от воли и ума, но сильнее всего от такой мимолетной вещи, как вдохновение.

О смысле данного занятия тоже не мешало бы подумать по-новому, взглянув на дело с другой стороны. Писать в затворничестве, в отдалении от людей, я буду только для себя. Не исключено, однако, что написанное может быть полезно и интересно для тех, от кого я по собственному желанию собираюсь удалиться. Дойдут ли до них в целостности и сохранности мои созданные в одиночестве труды – один Бог знает. Но даже если дойдут и какой-то неведомый доброхот опубликует их, присоединив к ранее изданному, много ли это послужит пользе людской и, главное, долго ли будет служить?

Пушкина и Лермонтова мы читаем с восхищением и на благо нашим душам уже полтора века, Чехова и Джека Лондона – примерно век. Только Шекспира читаем около пяти веков и, а возможно, будем читать еще лет двести. А дальше? Какое-то время – иногда очень долгое – сохраняются одни имена с краткими аннотациями по поводу сделанного ими. В таком объеме мы знаем, например, Еврипида, Аристофана, Овидия, Конфуция, Ду Фу. Один Гомер выпадает из общего ряда: переводы «Илиады» и «Одиссеи» еще в обиходе, еще в чести. Кто сейчас может похвастать, что читает Веды, знаком с философией Гераклита, Пифаго-

ра, Платона, Аристотеля, Спинозы, Канта, Гегеля? Кто читал Монтеня и Ларошфуко? Или Ломоносова и Циолковского? И как тогда такой фигуре, как Глеб Кураев, рассчитывать на долгую жизнь своих произведений? Какой срок отмерен его лирике, сотканной из таинственной материи, рожденной пребыванием в диких местах и в одиночестве? Кому через двадцать-тридцать лет будет интересно, как открывали залежи полезных ископаемых нещадно эксплуатируемые геологи для их последующей разработки заключенными ГУЛАГа?

И что отсюда следует? Только то, что считать пользу для других главным предназначением творчества не следует. Да, польза может быть и для посторонних. Но главное в творчестве – это польза для самого творца. Его успех измеряется степенью постижения самого себя и своего отношения к Богу. Он доказывает свою пригодность узнавать и создавать, наперед зная, что за одним сданным как следует экзаменом последует другой, – и так будет продолжаться неведомо сколько раз, прежде чем Высшая Инстанция аттестует его «за весь курс» и присвоит какое-то новое, более высокое звание. Каково оно, это новое звание, наперед не известно. Ясно только, что обладание им обяжет делать еще больше, чем прежде.

Казалось бы, с чего это мне говорить о Боге, о Высшей Воле, вызывающей коловращение миров и перемены во всем Мироздании, если я четыре пятых прожитой жизни о Боге не думал и не помышлял, поскольку охотно принял в дет-

ское еще нутро вдалбливаемое всем суждение, что Его нет, потому что Его не может быть? Мол, природа существует сама по себе и в Нем не нуждается. У нее свои законы, она их выработала, она их выполняет. Но с самого начала мне казалась подозрительной способность природы к самоорганизации: сама выработала разумные законы, сама потом стала их выполнять. Человек ведь тоже часть природы, поскольку объявил сам себя ее венцом. Ладно, пусть венцом. Но, открывая законы естества, разве он не постигал, что всего-навсего уясняет для себя некое творение Другого Разума, значительно (не то слово!) более мощного? Этот Разум явно предпослал природе и всему мирозданию невероятно мудрые и прекрасные законы, – настолько прекрасные, что, лишь отчасти познанные людьми, они поражают их своей глубиной. Чем больше я исследовал природу и как геофизик, и просто как мыслящий наблюдатель, подмечающий кое-какие связи, тем меньше у меня оставалось сомнений относительно невозможности самоорганизации материи и невероятной, непостижимой для людского ума сложности самоорганизации природы. Чего ни коснись – законов ли небесной механики, биологических законов, законов поведения человека, – везде проступала мыслеоснова глобального разума, каким способен обладать только Создатель.

В церковь меня мои открытия не направили, поскольку не церковь обратила меня к этим истинам. Меньше всего я мог себе представить, что выполнение ритуалов способно

открыть мне больше, чем я мог бы узнать из тесного общения с природой, созданной Богом прежде любых церквей. Ощущение единства с природой позволяло мне понимать, что и сам я – хоть и маленькое, но все же творение Божье. Посещение церкви во мне такого чувства не рождало.

Многие из тех, кого я знал, воспринимали природу как Храм Божий, и именно эти люди старались, находясь в ней, вести себя, как паломники в священном месте, а не как толпа мародеров в неохраняемом складе. Если бы меня в этот Храм ввел наставник в клобуке и рясе, со Священным Писанием в руке, а не пожилой геолог с геологическим молотком и горным компасом, я вряд ли был бы более счастлив. Большевицкая советская власть, без устали продолжающая возглашать «Бога нет! Бога нет!», всё-таки ухитрилась подтолкнуть меня к Нему. Что произвело столь парадоксальное действие? Забвение чувства меры, оголтелость пропаганды, забивавшей все уши и головы. Беспреданно преподнося людям ложь, она добилась того, что и ей в массовом порядке стали врать, что в эту ложь верят. Марксистско-ленинское учение, диалектический материализм, или, как действительно справедливей называли его же адепты, диамат смог подвинуть большевиков на убийства священников и разрушение храмов (что при Ленине и Сталине, что при Хрущеве), но добиться безверия оказалась кишка тонка. Даже изначально, с детства, неверующие, не подвергшиеся никакой церковной пропаганде приходили к убеждению в существо-

вании Бога как высшей творческой силы, в верховной власти которой находится всё сущее.

Со временем для меня стало очевидно, что Бог избрал именно внецерковный путь обращения к себе думающих людей как самый незаметный для окружающих и особенно для КГБ. И, кстати сказать, он оказался самым эффективным. Поток мыслей течет бесшумно и незаметно, логика устремляет его к правильным выводам. Ложь разоблачена, истина торжествует. Что может быть изящней такого парадоксального, на первый взгляд, метода, при котором отрицается постылое отрицание? Да еще без посторонней помощи.

Умалчивать и притворяться нас выучили очень хорошо, погрузив в атмосферу непрерывного террора. Казалось, правителям можно было только радоваться. Никакого гласного сопротивления – одиночки диссиденты, о которых народ и не слышал, не в счет, – никакой видимой угрозы владычеству коммунистических господ. Но покоя им не было. Они знали, что все врут, честно глядя им в глаза, как это делали они сами. Врут про грядущее торжество коммунистических идеалов, врут про то, что Запад гниет и вырождается, а мы идем от победы к победе в соревновании с капитализмом, выполняя один пятилетний план за другим. Не скажу, что я слышать всего этого не мог. Мог, потому что давно привык. Но горох уже отскакивал от стенки. У меня, как поголовно у всех, выработался неподобный, высококласный иммунитет.

Разумеется писатели, точнее члены союза писателей СССР, обязаны были не только поглощать демагогическое вранье, но и принимать активное участие в его изготовлении. Именно в этом власть видела главное содержание и смысл деятельности советских писателей. Писателям все это объясняли – и мне тоже. Но «правильно понимающих» свое место и обязанности в социалистическом обществе было на удивление мало – вместо запланированных ста процентов каких-нибудь процентов двадцать пять. Правда, именно они занимали все начальственные посты в Союзе советских писателей, но литературу, притом опять-таки на удивление хорошую и правдивую, делали не эти начальственные попки.

Да, кстати, если я решу частично или полностью осуществить план исчезновения, мне понадобится произвести отвлекающие маневры и перед Союзом писателей. Для упрощения догляда в нем учреждены различные секции, в которых писателям предлагается обсуждать свои творческие планы и законченные произведения, а также откликаться на злободневные нужды и заботы родной страны и кормящего их государства. Писатель, намеревающийся преуспеть, должен активно «работать» в секции и как можно чаще оказываться на глазах начальства, исполняя роль инженера человеческих душ по образцам, одобренным ЦК КПСС. Меня тоже «попросили-обязали» прибиться к какой-нибудь секции, и я после некоторых размышлений выбрал для себя секцию писателей, пишущих о природе. С некоторой натяжкой

тематика моих произведений соответствовала профилю этой секции. От участия в регулярных заседаниях я уклонялся под предлогом удаленности своего жилья от центра столицы и ввиду частых поездок на эту самую природу. Так что в секции я бывал очень нечасто, однако бывал – приходилось.

К этому вынуждали и денежные дела, и необходимость запастись разными справками и письмами, удостоверяющими мои намерения и содержащими просьбу к тем или иным местным властям оказывать мне помощь в сборе материалов и перемещении по подведомственным им территориям. Нередко это действительно приносило пользу. Командировка от Союза писателей открывала доступ в закрытые для свободного посещения зоны. Письмом с просьбой о помощи можно было помахать перед лицом авиационного начальника, когда требовалась переброска по воздуху, а на подходящих трассах не было ни одного борта, – в современных условиях это было нечто вроде тех подорожных, которыми господа проезжающие размахивали во времена Пушкина перед станционными смотрителями, требуя лошадей. Ждать в России приходилось долго во все времена, но лошадей в конце концов давали, как и место в летательном аппарате. Короче,

из Союза писателей целесообразно было исчезать с его же благословения, с выданными им же бумагами. Но сделать это надо было так, чтобы не вызвать никаких подозрений и по возможности сбить с толку преследователей неопределенностью указаний о маршруте следования и целях сбора

материалов.

Плохо только, что в командировке всегда указывался срок возвращения. Существовала опасность, что поднимется шум, если «командированный» не вернется. Тогда пойдут письма о пропавшем писателе соответствующим секретарям крайкомов или обкомов с просьбой о поиске и, разумеется, поставят в известность органы. Если поиски будут достаточно интенсивными, меня смогут найти. Но даже при неудаче поисков получится нехорошо, потому что многим людям придется оставить свои дела, прочесывать труднопроходимую местность, облетать большие территории в надежде обнаружить мой след. Короче, надо было придумать, как избежать подобного поворота событий.

Видимо, лучше всего было выправить командировку на максимально долгий срок, не меньше двух лет – под предлогом «вживания» в шкуру промысловиков для достоверности описания их жизни. Через два-три года обо мне, возможно, забудут. Кстати, тут можно было использовать то обстоятельство, что после выхода в свет «Северо-Восточных полигонов» мною заинтересовалась секция писателей, пишущих на производственные темы. Меня пригласили в секретариат Союза и усиленно советовали подумать о переходе в эту секцию. Значит, можно было по вполне уважительной причине открепиться от секции писателей, пишущих о природе, а после «забыть» о вступлении в новую. В секретариате мне прямо дали понять, что благосостояние «производственников»

куда как превышает благосостояние певцов родной природы, поэтому переход выглядел вполне оправданным. Пользоваться расположением идеологического отдела ЦК мог только член производственной секции. А расположение партаппарата – это и лучшие дома творчества, и членство в разных общественных организациях, находящихся на виду у прессы, и, следовательно, бóльшая известность, и, возможно, получение орденов и государственных премий, а главное – частое переиздание сочинений. Откровенно говоря, тянуло поднажиться, но я все-таки решил не делать этого. Расположение со стороны ЦК – это и особенно пристальный догляд, а на кой он мне нужен, особенно теперь, когда я собрался вообще ускользнуть от какого-либо догляда.

Слава Богу, не поддался я и попыткам затянуть меня в партию. В геологии стандартно отшутился, что я уже не только член, но и начальник партии, а в Союзе писателей поблагодарил за доверие, но опять-таки сослался на свои частые и долгие отлучки, которые не позволяли активно работать в родной парторганизации, к чему обязывает каждого члена партии ее устав. В минус мне это, конечно же, записали – не сомневаюсь: но тут уж, извините, не вам решать. Обойдусь титулом инженера, но только геолога-геофизика, а не человеческих душ. Тем более что мое и ваше понимание души слишком уж сильно разнятся. Навидался я людей, которые не по своей, а по вашей, дорогие партийные лидеры, воле, очутились кто под конвоем, кто без. Они мне много

чего порассказали о знаменитой сталинской заботе о человеке, горячей которой невозможно вообразить. Еще в Вятке я успел послушаться о коллективизации. До какой нищеты это довело нормальных жителей деревни, мне рассказывать не требовалось – всё видел сам, всё прочувствовал. А ведь мать была не крестьянкой, а учительницей – в прежние времена не только уважаемым, но и прилично зарабатывающим человеком, который мог содержать себя и семью.

Короче, с партией мне было не по дороге. Беда, однако, заключалась в том, что партия заставляли идти своей дорогой весь народ, и, хотя он разбрехался и отставал как умел, она своих усилий не оставляла. А народ был мой, и я оставался частицей его, тоже проклятой, как и он, но своей принадлежности к нему не проклинаящей. Просто мне надоело это всё, надоело, что мною, как и всеми, пытаются помыкать те, кто никакого права по своей некомпетентности, бессовестности и бескультурью на это не имел. И раз уж у меня появилась некоторая, с определенными шансами на успех, возможность уклониться от насилия, я как уважающий себя человек, который хочет и дальше продолжать уважать себя, обязан был постараться воспользоваться такой возможностью. Вместе с любящей женщиной или одному, но в надежде, что и в глуши когда-нибудь да найдется женщина, способная заинтересовать меня собой. Короче, надо было решаться. «За» исчезновение говорило много больше доводов, чем «против».

Жизнь в рискованных ситуациях приобретала порой восхитительную остроту и иногда позволяла гордиться собой. Правда, со временем я всё больше склонялся к тому, что основной стороной и существом рискованной жизни было другое. Человеку предлагались испытания не потому, что он любил их, а потому, что он был на это обречен, и, значит, лучше было встречать их одно за другим, готовясь ко все более сложным экзаменам на прочность и уповая на милость Создателя, о которой народ давно и определенно высказался в поговорке: «Бог не выдаст – свинья не съест». До сих пор Бог меня миловал, хотя экзамены предлагал не всегда простые.

Какие-то я сдавал хорошо. Прежде всего на профессионально-корпоративную доблесть. Быть на высоте положения, справляться со всеми напастями, выходить вместе со своими людьми из тяжелых и опасных маршрутов, делать свою работу, несмотря ни на какие помехи и буйство стихий, – со всем этим я достаточно быстро научился справляться. Сдача других экзаменов проходила у меня куда менее удачно.

Любовь, женщины, бытовое устройство жизни – ни на одном из этих поприщ я не добился высоких результатов. Любовь, а чаще увлечения нередко скрашивали мне жизнь между экспедициями, и многие женщины, удостоившие меня своей близостью, были действительно хороши. Но ни разу страсть не была столь сильной, чтобы склонить меня к постоянству. Впрочем, вина лежала не только на мне.

Ну, а экзамен на стойкость к алкоголю я позорно провали-

вал раз за разом. Спасало меня только перемещение в такие места, где спиртное, во-первых, не продавалось, а, во-вторых, не требовалось моему нутру. Однако теперь в этом деле для меня открылись обнадеживающие перспективы. Лечение – я в этом убедился – могло стать вполне эффективным, если заняться им всерьез.

Хуже всего дело обстояло со сдачей экзамена на доблесть гражданскую, ибо сдать его можно было только одним-единственным способом: объявить властям войну за свои попранные права, а также за права народа. Зная, с кем придется воевать и какие средства будут использованы против меня, можно было не сомневаться, что ни сил, ни возможностей для работы по призванию у меня уже не останется. Поэтому, собственно, я на такие экзамены и не ходил – не стоило даже пробовать. И если докапываться до самых глубин моего желания исчезнуть из общества, то, несомненно, коренной причиной было это – тяга души к освобождению от позорной власти.

Говорить об этом нельзя было ни с кем – ни с другом, которого из-за меня могли взять в оборот, ни с женщиной, которая могла нечаянно – и тоже во вред не только мне, но и себе, сболтнуть либо устроить ненужный шум по поводу моего исчезновения, ни с родственниками, у которых мог быть свой интерес к тому, чтобы я не исчезал. Пожалуй, в моем деле надежней было полагаться на помощь совсем случайных или очень мало знакомых людей, разумеется, тоже

не открывая им моих планов и целей. Совсем без знакомых не обойтись – достать необходимые вещи и продукты или повернуть транспортные операции без блата не выйдет.

Выпускники МГРИ разных лет в принципе годились. Принадлежность к родному институту много значила для людей из нашей среды. Альма матер, что ни говори, старалась вылепить нас на один манер, чтобы подготовить к в общем-то весьма тяжелой жизни. Отчасти годились и геологи из других институтов, с которыми доводилось встречаться в поле. Годились, безусловно годились пилоты и бортмеханики периферийных авиаотрядов, с которыми прежде имел дела или просто встречался в удаленных точках. Расширять этот круг за счет знакомых моих знакомых было более рискованно. Им ведь надо было что-то объяснять, чтобы они не поднимали шума, если кто-то после моего исчезновения начнет меня искать. Разумеется, если тревогу поднимут по телевидению или по радио, люди сообщат обо мне всё что знают. И какие же хитрости противопоставить такому ходу событий?

Возможно, пригодился бы метод «заячьей скидки» со следа в сторону. Например, прилетев в некоторое место в верховьях реки, создать впечатление, что я собираюсь сплавляться по ней вниз до устья, а на самом деле вскоре свернуть в приток и, насколько будет позволять его крутизна и водность, подняться по нему вверх. Обыскивать весь бассейн реки вряд ли будут. Плохо только, что ищачить придется ку-

да как больше,. Только настоящему другу летчику можно было заранее признаться во всём. Но таких у меня было только человек шесть-семь, и поди знай, остались ли они на прежних местах, в прежних отрядах. Эти доставили бы на место и молчали обо всём, за исключением заранее согласованных сведений. Такие пилоты изредка могли бы тайно посещать меня и что-то привозить, а что-то забирать. Словом, следовало окончательно решить, как произвести заброску: делая вид, что мне нечего скрывать, и тем самым избежать лишнего внимания, либо потратить много денег и сил на конспиративный вариант без серьезных гарантий, что всё пройдет в тайне. Нарочитая скрытность всегда вызывает подозрения и любопытство, а мне не стоило возбуждать ни то, ни другое. Операции по заброске агента-нелегала за рубеж вряд ли были много сложнее того, что я затевал.

Коль скоро я собирался вживаться в шкуру охотника-промысловика, мне должна была понадобиться и хорошо работающая по зверю и по дичи собака. Говорят, что лучше, когда их две, но для меня завести хотя бы одну – и то проблема. Какую породу брать, сомнений не было – конечно, лайку одной из сибирских пород, разумеется, чистокровную. За оставшееся время ее надо было приобрести, воспитать, успеть подготовить к охоте. Нахаживать лайку – дело тонкое и серьезное, желательно было делать его в обществе взрослой, всё умеющей и понимающей собаки. Но вот кого лучше брать – кобеля или суку? Я не раз выслушивал дискус-

сии на эту тему. Те, кто высказывались в пользу суки, говорили, что она раньше входит в ум, быстрее осваивает науку, практичней и хитрей кобеля. Зато, напирали их противники, кобели сильнее и смелее, что особенно важно при охоте на крупного зверя. Сторонники сук утверждали, что кобелей проще сманить от хозяина с помощью суки, чем сук с помощью кобелей. Сторонники кобелей твердо держались убеждения, что настоящим другом может быть только кобель, к тому же он не беременеет и не выпадает из дела во время пустовки.

Словом, разговоров и доводов в пользу каждого собачьего пола я наслушался вдоволь и в конце концов понял, что только собственный опыт может показать, кто подошел бы именно мне. А вот опыта у меня как раз и не было. Чужих собак наблюдал, некоторых даже в деле. Своих никогда не имел. На что мне в таком случае было решаться? Получалось, что проще не брать, но это был явно ущербный вариант.

В общем, я чувствовал, что собачья проблема будет гвоздем сидеть в голове, а разрешения так и не получит, если только мне случайно не повезет. И так, по существу, обстояло дело не только с собаками, но и со многими другими вещами, которыми надлежало заняться в виду серьезности затеваемого дела. А альтернативой всей этой нескончаемой волынке могло быть только одно – наплевать на всё, схватить два ружья, боеприпасы, топор, спальник, палатку и еще кое-что и, как есть, нырнуть со всем этим в тайгу с расчетом ли-

бо доказать свою жизнеспособность, либо отдать концы из-за голода и невезухи, что, в общем-то, не было моей основной целью. Ведь я хотел еще и писать, а во время проведения такого эксперимента до литературных занятий вряд ли дошли бы руки.

Собственно говоря, даже со всеми запасами, о которых я уже подумал, жизнь в таежном одиночестве все равно не потеряла бы опасной остроты. Она, конечно, мало отличалась бы от жизни обыкновенного промысловика, да только я собирался жить в своей избушке круглый год, промысловик же мог вернуться домой и, разумеется, делал это. Я был обречен находиться в убежище безвылазно самим своим замыслом. Расслабляться во время одиночества невозможно – если ты чего-нибудь нужного не сделаешь, то этого не делает никто, а успевать делать нужно очень многое. Какая доля суток уйдет на обходы своих путиков и на дальние маршруты, какая – на приготовление еды и обработку добытого, на заготовку дров, какая на литературную работу? И сколько после всего этого останется времени для сна? Никакого хронометража у меня не было. Устроить себе предварительную практику? Пожалуй, было бы разумно. Только когда и где? Летом, осенью и отчасти зимой? Фантазии! Когда мне в таком случае деньги добывать? Ведь даже без большого груза – всего с парой рюкзаков – денег на дорогу надо ой сколько! Одалживаться нельзя – как верну? Значит, оставалось делать то, к чему уже был материал. Вот с этого мне и сле-

довало начать, и, видимо, этим же кончить. И халтуры, кроме переделки романа и рассказов для театра и кино, у меня не должно быть. Иначе действительно – зачем я? Терять лицо было бы непростительно перед самим собой. И все же летом или ранней осенью, или ненадолго зимой, я, пожалуй, мог бы куда-нибудь съездить и кое-что неизвестное о себе смог бы тогда узнать ради своей будущей пользы.

V

Обдумывая свой план, я все время испытывал крайне неприятное чувство. Я старательно отгораживался от чего-то очень важного – от необходимости ответить на какой-то вопрос.

То, что обычно смутно будоражило меня перед любой экспедицией или дальней поездкой с неизвестным концом, не вполне напоминало нынешнее состояние души. Если раньше естественным образом беспокоило: «вернусь – не вернусь» (как тут не вспомнить напутствия, каждый раз получаемого перед экспедицией Володькой Образцовым от его жены: «Попробуй только не вернись!»), то сейчас проскальзывало настороженное ожидание другой неизвестности. В глубине меня кто-то силился довести до моего сознания еще один вопрос: «А нужна ли та перемена, которая произойдет во мне или со мной?»

Иными словами, стоит ли добиваться преобразования соб-

ственной личности, не зная, к каким результатам это приведет. Раньше такой проблемы не возникало. Я знал, каким хочу быть после экспедиционных испытаний – закаленным, знающим, уважаемым и авторитетным профессионалом, причем образцы для подражания были мне хорошо известны. Больше того, это не было только моим единоличным стремлением, это было общепризнанным корпоративным стремлением к идеалу. А теперь какой для меня должен был быть ориентир, какой эталон? На эти вопросы у меня до сих пор не было ответа. А правда, каким я собирался стать в результате осуществления своей затеи и ради чего?

Научиться жить отшельником, овладеть еще одним навыком, который может оказаться полезным? Нет, ради такого практического умения не стоило особенно стараться. Пройти курс выживания под руководством специалистов-инструкторов было бы и проще, и полезнее. Погрузиться в одиночество ради духовного очищения от скверны и суеты, ради духовного восхождения к Богу, как это делали и делают отшельники? Нет, этого я тоже еще не осознал в качестве своего глубинного устремления – по крайней мере, пока. Даже мотивы покаяния за грешную жизнь и особенно за некоторые поступки не обрели еще такой силы, чтобы я для этого решился на долгую одинокую жизнь. Писать мне там вряд ли стало бы легче, пускай и появились бы новые темы. А убегать только от гнусной идеологической обстановки и суеты, в которую сознательно или бессознательно по-

гружается большинство преуспевших писателей, мне казалось все-таки не очень оправданным. Лично меня до сих пор особенно не тиранили, сам я давно освоил приемы ускользания, а привычка к роскоши, позволявшая властям крепко держать в своих руках видных «инженеров человеческих душ», у меня, слава Богу, не образовалась. Так что, в полном рабстве я как будто не состоял. Отшельничество могло освободить меня от одних зависимостей и заменить их другими – например, трудным бытом. Составлять календарь природы и описывать ее феномены опять же полезно и интересно, но это никак не главная моя цель – я не Бианки.

Так какая же у меня цель? Исторгнуть из себя грязь, а в душе и уме зародить какие-то по-настоящему достойные мечты? Достичь прозрения? На последнее надежды было мало, лучше сказать, никакой. Твердить: «Господи, помилуй!» – как делал преподобный старец Серафим Саровский, я явно не мог. Медитировать молча, глядя часами на какой-то подходящий предмет и блуждая мысленным взором от себя к нему и от него к себе, мне тоже было явно недоступно. За счет чего тогда я имел бы шансы прозреть? За счет ночных размышлений о суете и хрупкости земного бытия под вой бурана или под стук дождевых струй, бьющих по крыше? Такого в моей жизни было уже вполне достаточно, но к другому видению жизни это так и не привело. Учителя, гуру у меня там быть не могло, на честь же удостоиться услышать голос Бога я и надеяться не смел. А если так, то де-

лать затеянное или не делать? В таком же положении были некогда мореходы, перед тем как отправиться в неведомый маршрут. Разве были они уверены, что обязательно откроют путь в Индию, обогнут Африку, откроют новые континенты? У них ведь тоже не было гарантий, но они все-таки решались и шли.

В давние времена и я, не задумываясь о возможных скверных последствиях, приказал бы себе: «Решайся!» – и шагнул бы в притягательную неизвестность. Теперь меня совсем не тянуло на необдуманные поступки. Что изменилось? Кончилась молодость, когда мне казалось, что мое призвание – доблестная работа полевого геолога. Почему геолога? Потому что путешествовать в качестве географа казалось уже несовременным – время Ливингстонов и Пржевальских безвозвратно прошло. Потом оказалось, что с выбором дела жизни произошла ошибка, причем не простая, а двойная. Да, одним из моих двух призваний действительно были путешествия. Но это вовсе не означало, что путешествующим в двадцатом веке мог быть только геолог. Напротив, со свободой перемещений по лику Земли эта профессия имела не так уж много общего – пожалуй, даже наоборот. В этом заключалась одна ошибка. Другая же состояла в том, что призванием моим оказалась литература. Геология осталась только профессией, в определенной степени добротности освоенной мной. Ошибки, связанные с ней, не были ни драматическими, ни, тем более, трагическими, хотя вполне мог-

ли стать таковыми, будь небеса не столь снисходительны. О чьих-либо еще плаваниях вдоль арктического побережья на протяжении тысячи морских миль со слабосильным мотором на фанерной лодке я пока что не слышал. Как и о других моих полубезумствах – полуподвигах, совершенных ради того, чтобы выжить.

Другие мои ошибки, более явные (и куда более грубые) были осознаны уже давно. Неудержимое влечение к полярному суперменству стало главным смыслом моей жизни в компании с такими же неопытными «полярными волками», хотя его вряд ли стоило бы считать чем-то порочным, не соответствующим благородным устремлениям молодости, если не считать бесшабашного, демонстративно лишого пьянства. Тогда еще не было предчувствий насчет того, чем это может кончиться. Суперменам казалось, что они контролируют свою судьбу. В этом они заблуждались. Сила воли сразу, конечно, не утратилась, на прохождение маршрутов ее оставалось достаточно, но вот после возвращений удерживаться от безмерных возлияний большинство «полярных волков» уже не могло, хотя им еще долго казалось, что бросить пьянку они просто не хотели. Этот грех потянул за собой и многие другие, равно как и наказания за них: потерю женщин, которых любил, соединение с теми, к которым был почти равнодушен; ослабление яростного желания работать по призванию и брать одну вершину за другой; заметная порча прежде абсолютно надежного организма; на-

растание чувства недовольства собой. Можно было даже сделать вывод, что я состарился – или начал стариться – раньше, чем полагалось по возрасту. Жадный интерес к жизни, характерный во времена молодости, не то пропал, не то видоизменился, превратившись в тягу к бегству от цивилизации. Я постепенно переходил в состояние, в котором душа все чаще обращалась к неведомым мирам и мысленно просила дать ей покой от суетных страстей, тело же настраивало себя на готовность к новым испытаниям, хотя ему все меньше хотелось подвергаться им. Не было стремления во что бы то ни стало длить свою жизнь, такой, какой она стала теперь. С утратой достоинства мириться никак не хотелось.

Сохранение же достоинства подразумевало неотступное занятие любимым делом вопреки всему, верность себе в лучшем, способность не разбрасываться, не мелочиться и не дешевить. Мог я и дальше отвечать этим критериям? Пожалуй, да. Тогда для чего нужно исчезать насовсем? Продолжительные и нередкие отлучки не исключались и так. А еще: ничего не имея, ничего и не потеряешь. Я могу оставаться некорыстным писателем, я могу подчинить известность своим целям и не стать ее безвольным рабом. У меня ни разу не возникло чувство, что главное в жизни я уже сделал и теперь имею возможность купаться в самодовольстве и славе. Ради самодовольства не стоило жить. Жить стоило ради удовлетворения любознательности и расширения своего горизонта. Ради восхождения, подъема над самим собой.

И писать я мог хорошо только для себя, для удовлетворения взыскательного судьи, которого Бог поместил внутрь меня, видимо, в тот миг, как велел мне стать писателем. Однако, где бы я ни был – среди людей или в полном одиночестве, – эта парочка – писатель и его безжалостный судья – работала во мне, не обращая никакого внимания на то, кто и что вокруг ждет, советует или требует. Критерий был один – истина. Истина жизни, истина природы, истина моей мысли. Другое дело, как я шел к её постижению. В многолюдье я мало видел хорошего – всё больше скверну, порождаемую перенаселенностью и борьбой за преходящие блага. С одним-двумя надежными спутниками я оказывался там, где никто не мешал мне обогащаться впечатлениями и мыслями о жизни. И всё же в одиночестве я воспринимал действительность еще острее. Хотя, возможно, что и в чем-то искаженно. Да, пожалуй, бесполезно пытаться решить, что лучше – смотреть на жизнь глазами человека, вовлеченного в общение с другими, или глазами отшельника...

Наверное, в разных случаях годилось и то, и другое. Выходит, для начала следовало понять, о чем я собираюсь писать. М-да, долго мне пришлось рассуждать, чтобы сделать вполне банальные выводы. Однако при всей своей банальности они не были вполне очевидны.

Мысли о сюжете нового романа день ото дня угнетали меня всё сильнее. Прямо-таки напрашивалось сравнение с нарывом, который уже давно грозит прорваться, но никак

не преодолевает последней истончившейся преграды. Можно было бы использовать и образ вулкана, приготовившегося к извержению, – это было бы более лестно, но, к сожалению, к тому, что назрело во мне, образ вулкана не подходил ни по красочности, ни по масштабу. Я понимал, что от меня ждут некоего логического продолжения «Северо-восточных полигонов» или, по крайней мере, чего-то близкого. Чтобы был центральный положительный герой, упорный и в какой-то степени умный и благородный. Чтобы в высоких сферах между его начальниками шла борьба на принципиальной основе, причем новаторы и консерваторы были примерно равны силами и потому только простые работники, включая низовое начальство, своим честным, на грани плакатного героизма, трудом, склоняли чашу весов в пользу прогресса. Я ничего плохого не думаю о сюжете своего первого романа, тем более, что в основе своей и во многих подробностях он был взят прямо из жизни, но повторять подобную схему совсем не хотелось. Для описания того, что теперь занимало меня, она не подходила.

Теперь драма должна была разворачиваться внутри одной головы. Противоборствующими сторонами могли быть, на выбор, стремление к едва ли осуществимому идеалу и практицизм, или величайшая волевая и умственная концентрация на чем-то избранном и желание не упустить жизненные удовольствия, или стремление служить науке и попытка заставить науку служить себе. Человек способен тер-

заться и отстранять терзания, он может быть невероятно, безумно самоуверен и может в одно мгновение потерять уверенность в себе и своей правоте при внезапном пробуждении такого эфемерного, дотоле находившегося в состоянии спячки свойства, как совесть. Да и мысль человека, порожденная как будто одним только мозгом, то есть материальным телом, вдруг понуждает отречься от всего материального и искать путь в невидимые миры, существование которых мы по нашему неведению отрицаем. К чему, к каким поступкам толкали людей такие странности и в прежние времена, и сейчас?

Человек, который мыслит себя повелителем вселенной, просто-напросто глуп, постыдно глуп. Человек, который уверен, что выше своей материальной головы не прыгнешь, ограничен и убог. Но человек, который ищет приблизиться к действительному Повелителю вселенной, стараясь становиться лучше, есть то существо, которое оправдывает свое пребывание в любых мирах и может быть достойно вечности и блаженства. Конечно, члену Союза советских писателей разрабатывать такую тематику не положено, но на то он и профессионал, чтобы справиться с решением задачи художественными средствами, то есть не вполне улавливаемым партийной цензурой способом.

До обмана цензуры, однако, было еще далеко. Сперва предстояло представить себе хотя бы канву грядущего повествования. Кем бы ни был мой центральный герой, ему

надлежало получить начальный импульс для духовных поисков. Можно было сделать его ученым, например, биологом, который близок к разрешению тайны жизни, но не может с помощью науки преодолеть остающийся барьер, или астрономом, который случайно прикоснулся к дотоле неведомым для него сокровищницам астрологии, или конструктором космической техники, сопричастным к столкновениям с неопознанными объектами и космическими пришельцами. Последнее, правда, постарались прибрать к своим рукам писатели-фантасты, а не сугубые реалисты, но, как знать, возможно, теперь именно таким окажется столбовой путь развития реализма – кому же еще, как не реалистам, описывать неведомые прежде миры, если им посчастливится познакомиться с ними, не прибегая к фантазии?

Но во всех этих случаях главной трудностью для меня был недостаток знаний. Я не имел серьезных представлений ни о современном состоянии биологии, ни об азах астрологии, не говоря уже о конструировании космической техники или секретных докладах летчиков и космонавтов о столкновениях с НЛО. Глубоко проникнуть в какую-либо из этих областей самому у меня не было абсолютно никакой возможности. Кроме того, космические дела, все как есть, у нас засекречены, а астрологические книги и вовсе не достать – либо уже уничтожены поборниками марксизма-ленинизма, либо ими же упрятаны в спецхраны исключительно для собственного употребления. Хорошо бы связаться со знающим

человеком, который сумел бы не только на словах обрисовать круг проблем и открывающиеся возможности, но и работал бы в той сфере, где самые «продвинутые» специалисты еще не очень удалились от круга обывательских представлений. Пожалуй, для этого больше подходили парапсихологи. Об этом действительно стоило подумать. Притягательный мир – все эти ясновидящие, предсказатели будущего... Что они могут сказать непосвященным о своих способностях? Что на самом деле следует из сообщаемых ими сведений? Погрузиться во все это – разве не заманчиво для человека с интеллектуальными запросами? Может, мой герой и будет таким человеком? Или не совсем таким? – Не очевидно таким. Интеллектуалом скрытным. Пусть все вокруг видят его другим, даже вовсе лишенным подобных запросов. Получается, ученым он быть не может... Но не слесарем же? Кем-то вроде инженера, получившего шанс узнать совсем новый мир.

А что если летчик? Пилот может, к примеру, рано выйти на пенсию, посвятить себя какому-то хобби и даже сделать его своей новой профессией. Летчиков я встречал в своей жизни немало, со многими был достаточно близко знаком, их умственный настрой представляю неплохо. Только в какую новую сферу устремить его интерес? Заняться он может чем угодно. Ну ладно, определюсь позднее. Пока что важно, что я, похоже, нащупал, о ком стоит писать. Скорее всего, как раз о летчике. Его можно куда угодно отправить:

и в охотники-промысловики, и в экстрасенсы, и в астрологи. Чем только ни способен заняться мыслящий, энергичный человек лет тридцати пяти-сорока, который внезапно оказался не у дел, но не расстался с любознательностью! Опытность и нерастраченность – хорошее сочетание человеческих качеств, когда надо начинать жизнь заново и действовать не по шаблону. Всю жизнь подчиняясь внешней дисциплине, бывший пилот может теперь осознанно подчиниться и более строгой дисциплине, устанавливаемой для себя им самим ради обретения чего-то более существенного, важного. Он может быть женат или неженат. Его отношения с женщинами могут быть в духе необязательности и вольности, а могут выдавать в нем человека серьезного и разборчивого. Но пока это неважно – в свое время решится само. Итак, его хобби, женщины, любовь, поиск неведомых объектов и нового смысла жизни... Придется еще обдумывать и обдумывать, прежде чем начать писать. Я бы не хотел делать его жертвой аварии или служебной несправедливости, объясняющих ранний выход на пенсию. Летчикам у нас и без того не дают состариться за штурвалом. Лучше пусть он будет нормальным, достаточно удачливым пилотом, а его заставят изменить привычный образ жизни, когда мысль у него в голове, по сути, дремала, – некий, вроде бы, случайный импульс, толчок, который разбудит любознательность и подвигнет к действиям. Понадобится ли ему для этого компания? Возможно, ведь действовать в одиночку он не привык – про-

сто не был обучен, и до сих пор с ним всегда был его экипаж. Но тут уж у него должны возникнуть сложности – у бывших коллег свои планы. Тогда ему станет ясно, что надо все делать самому, пока единомышленники не найдутся на избранном поприще сами собой. Вот с наставниками у него не поймешь, что будет. То ли он попробует обойтись без них, то ли прошлые знакомства позволят получить. А дальше – вперед и прямо. Найдет ли он то, что искал, достигнет ли чего – это станет понятно по ходу дела. Но что-то ценное он наверняка обретет. Поймет, как мало думал до сих пор о действительно стоящем, как сильно заботили его пустяки. Словом, сделает-таки главный шаг, покинет мир мнимых ценностей, на свой лад исчезнет из него. И пойдет по пути, где вера и знание слиты воедино. Вот это и нужно сделать одной из основных линий романа, если говорить о главном.

Глава 2. «Стратегия исчезновения». Роман

I

С тех пор, как от знакомых пилотов стали поступать известия о наблюдении неизвестных (не хочу говорить «неопознанных», потому что летчики их вполне опознавали) летающих объектов, способных выполнять самый невероятный пилотаж на фантастических скоростях, я начал пристальней наблюдать и за небом, и за землей. Ребята, вместе с которыми мы съели не один пуд соли, врать не могли. Их друзья летчики – тоже. Официальное же молчание по поводу НЛО сначала озадачивало, затем раздражало, а в конце концов стало попросту возмущать. Мало того, что очевидным враньем «ученых» и некоторых продажных писак объявлялось, что это не летательные аппараты, а «оптические эффекты», властям пришлось еще в голову посылать пилотов, общавших о встречах с НЛО, на психиатрическую экспертизу, где их быстро вразумляли угрозой отстранения от полетов.

Однако «объектам» было всё равно – признают их власти или не признают. Они продолжали себе существовать, появляться, иногда даже лезть на рожон, как будто прекрасно

знали, что люди ничего им не сделают. Тем временем и люди, наплевав на строгие внушения сверху, не переставали делиться с друзьями и коллегами всем, что смогли узнать о загадочных гостях нашей планеты.

То обстоятельство, что сам я до сих пор не сталкивался с ними, не только не охлаждало моего интереса, но даже еще сильнее разжигало его. Люди, которые совсем не ждали столкновения с НЛО (часть из них до этого откровенно высмеивала «сказки»), нарывались на них чаще тех, кто жаждал встречи и свято верил в неземные цивилизации, куда более совершенные, чем наша. Так я летал себе и летал и все время вертел головой по сторонам, да еще и вверх и вниз, но ничего таинственного не увидел до тех пор, пока меня не списали по возрасту и здоровью. Собственно, на здоровье мне и сейчас грех жаловаться – никакой патологии у меня вроде так и не нашли, – но в плановой системе я числился отработавшим весь свой летный ресурс. Однако еще более важным было, видимо, то, что кое-кому сильно не нравилась моя независимость, которую я подчеркнуто демонстрировал, делая ряд вещей, не удававшихся другим пилотам, в особенности же тем, которые предпочли пересесть из кресла летчика в начальственное.

Что и говорить, расставаться с воздухом было тяжело. Сам-то я еще не налетался. И все-таки воспринял увольнение на пенсию с удивившим меня самого смирением. Не подошел – не надо. Доказывать вам свою пригодность не буду –

это бесполезно: только нервы себе портить, да время попусту терять. Тем более, наглядевшись со стороны на судьбу старших коллег, я усек, что из нашего летного дела надо уходить вовремя. Господу порой надоедает смотреть на тварь, истощающую Его терпение все новыми и новыми противоземными полетами в аппаратах тяжелее воздуха без средств управления гравитацией. Короче, я предпочел признать в отлучении от авиации перст Божий и волю Создателя испытать меня в чем-то еще, кроме авиации, чтобы дать возможность выполнить в этой жизни все мне предназначенное. Воле Всевышнего можно противиться только от недостатка ума и отсутствия любви к тому, кто тебя создал и наделил не только телом, но и бессмертной душой, – это я понял давно, хотя в земных делах смирением не отличался.

И вот я снова почувствовал себя свободным в выборе занятия, причем даже более свободным, чем в первый раз, когда должен был после окончания школы решить, что мне делать и куда поступать. Тогда я должен был делать это быстро, дабы родная советская власть не успела забрить меня в солдаты. Теперь же ни солдатчина, ни неустроенность быта мне не грозили. Я мог выбирать, не понукаемый ничем и никем. И, помня, что при увольнении не противился воле Господа, я теперь рассчитывал, что Он не замедлит указать мне, чем заняться, чем загореться, что делать. И действительно, было указано (или подсказано – не столь уж важно, каким словом обозначить сигнал свыше), на что потратить, точ-

нее чему посвятить дополнительно подаренные годы. Ведь в том, что они мне подарены, сомневаться никак не приходилось. Могила с пропеллером на скромном обелиске уже давным-давно могла подытожить мою летную жизнь. В свое время я, честно говоря, не очень думал об этом. Мне нравилось испытывать остроту хождения по грани, когда имеешь уверенность в себе и своем умении владеть аппаратом и ладить с ним, но в то же время знаешь, что не тебе решать, проиграешь ты или победишь в каждом новом столкновении с опасной неизвестностью. Может, рискованные фокусы сходили мне с рук только потому, что благодаря им десятки роже-ниц вовремя оказались в роддоме и благополучно разрешились от бремени (и многие из них, произведя на свет мальчиков, назвали их моим именем), опять-таки десятки больших или каким-то образом пострадавших живыми добирались до больниц и уж сотни и тысячи пассажиров доставлялись туда, куда им было нужно или получали то, в чем остро, а порой жестоко, нуждались. Я не хвалюсь, это просто свидетельство правильности моего выбора.

Итак, первую, скорее всего, большую часть своей жизни я отлетал, не очень сильно отвлекаясь мыслями от работы и даже не особо сомневаясь, что подобное профессиональное восприятие жизни и есть нечто вполне приличествующее званию *homo sapiens*. Только уж под конец летной карьеры я осознал, что все это время передо мной развертывались картины драматического напряжения бытия, из ко-

торых можно было сделать важные выводы гораздо раньше, чем получилось на деле. Эта незрелость сознания могла продолжаться и дальше, не споткнувшись я, по милости появления рассказов об НЛО, об одно простейшее соображение: как поразительно мало мы знаем о мире и жизни в нем и как на самом деле интересно и важно иметь о них несравненно большие представления. Ведь каждая прояснившаяся загадка уводит все дальше вглубь мироздания: и вглубь космоса, и вглубь себя. Чтобы в самом деле стать «сапиенсом», надо как постараться. А с моим пилотским образованием это было не очень просто. Не зря значащаяся в дипломе, выданном по окончании высшего авиационного училища, квалификация «летчик-инженер» по традиции читалась как «летчик минус инженер». Надо было образовываться по новой, доставать какие-то книги (а какие?), искать знакомства со знающими людьми.

Я чувствовал, что к делу будет причастна даже философия, если я хочу на самом деле понять, чего ради вращается Земля и ходят по небу светила, а главное – для чего был создан и существую я, наряду со всеми другими наделенными разумом и чувствами людьми. Нынешнее бытие на нашей планете настолько затемняло подлинный смысл творения, что исчерпывающих ответов на эти вопросы, найти никак не удавалось. А ведь скрытый смысл во всем этом определенно был. В конце концов, сама уфология интересовала меня именно потому, что могла открыть новые пути для по-

лучения знаний от тех, кто развит сильнее нас.

Нечего и говорить о том, что в библиотеках я сразу ощутил себя беспомощным. Литература по философии (не считая марксизма-ленинизма) была представлена крайне неоднородно: по античной философии книг было сколько угодно, по индийской, китайской и древнеегипетской не было почти что совсем. Точно так же европейская философия XVIII–XIX веков была представлена множеством авторов и книг, а европейская философия XX века – практически никак. Но главное препятствие заключалось даже не в этом. Я понял, что систематически изучать философскую литературу просто не сумею. Она предстала передо мной бескрайним морем, плыть по которому было ужасно скучно. Улов из этого моря был минимален, а спать хотелось страшно. Работ по уфологии в библиотеках почти не держали. Видимо, идеологический отдел ЦК КПСС запретил освещать данную проблематику. Это не было для меня неожиданностью. Газетные и журнальные статьи по поводу появлений НЛО неизменно убеждали читателей, что серьезной науке о них ничего не известно, стало быть, ничего достоверного тут нет. Это уже не возмущало. Просто свидетельствовало о том, что к истине надо пробираться другими путями. Оставалось искать просвещенных людей.

Не очень быстро, благодаря слухам, я узнал, что в Москве есть неформальная группа уфологов, которая объединяла некоторых физиков, летчиков, философов и любопытству-

ющих технарей различного профиля. Неформальной она называлась ради того, чтобы не слыть подпольным сборищем диссидентов. Власти ее деятельность, направленную на «объективное изучение НЛО и сопровождающих их присутствие эффектов», явно не одобряли и могли в любой момент все прикрыть, но почему-то не прикрывали. То ли сами хотели побольше знать о незнакомцах, ускользающих от «ученых», то ли затруднялись в выборе предлога для репрессий – против марксизма никто в этой группе не выступал, наоборот, там заправляли апробированные доктора и кандидаты философских наук. Кроме того, официальное учение вовсе не отрицало принципиальной возможности существования во вселенной других разумных цивилизаций.

Из дошедших до меня слухов я узнал, что под крышей ВПК создана специальная лаборатория, работающая в режиме полной секретности, в которую направляется вся информация об НЛО из всех доступных отечественных и зарубежных источников. Ну, в эту-то лабораторию мне было не заглянуть: сплошная госбезопасность и внутри и снаружи. Значит, надо было искать подход к «неформалам». Поразмыслив, я решил порасспросить журналиста Пионовского, которого несколько раз возил в разные места по полярным маршрутам. Он давно жил в Москве, был, что называется, пролазист, имел нюх на все новое, модное и, наверняка, сталкивался с ребятами из компании уфологов-общественников.

Вопреки всем ожиданиям, он обрадовался моему звонку и переселению в столицу. Узнав, что я нигде не работаю и ничем покуда не занимаюсь, но хочу войти в контакт с московскими уфологами, он сразу заявил, что может посодействовать.

– Я знаю там нескольких человек довольно давно. А один из организаторов группы и главный, на мой взгляд, энтузиаст Андрей Абаза несколько раз давал мне интервью. Правда, в пристойном виде опубликовать их не удалось – часть выбросил редактор, часть зарубила цензура, – но все же через меня группа заявила о себе и о том, что одними «оптическими» эффектами и иллюзиями явление НЛО не объясняется. Он уж и за это был мне признателен. Хочешь, я ему позвоню и попрошу встретиться с тобой?

– Ну-у, – подтвердил я.

Он рассмеялся:

– Отвык я уже от вашего сибирского «ну»! Ладно, договорюсь с ним и перезвоню тебе. А если вдруг не получится, придумаем что-то еще.

Фамилия «Абаза» казалась мне странной еще с тех пор, как я узнал, что музыку романса на слова Тургенева «Утро туманное» написал как раз Абаза. До этого мне была известна только одна Абаза – небольшой город в Западных Саянах в верховьях реки Абакан, полное название которого было Абаканский Завод. Однако имел этот Андрей Абаза отношение к абаканскому заводу или к «Утру туманному», ме-

ня не интересовало. Лишь бы очное знакомство с ним и его коллегами имело конструктивное продолжение.

Пионовский выполнил свое обещание. Он сказал, что Абаза без особого энтузиазма, но согласился на встречу и передал, где и когда сможет меня принять.

– Здравствуйте, Андрей Владимирович, – сказал я, – войдя в маленькую комнатку, которая была выделена уфологической группе. – Я Николай Михайлович Волгин. С вами обо мне говорил Пионовский.

Навстречу мне поднялся человек лет сорока пяти, высокий, с большой головой, темноволосый, с живыми, внимательными глазами. Мы пожали друг другу руки. Он жестом указал мне на стул и присел сам.

– Хочу без обиняков спросить, Николай Михайлович, что Вас привело к нам? Насколько я знаю, Вы пилот гражданской авиации, вышедший на пенсию. Чем вызван ваш интерес к НЛО?

Его тон однозначно свидетельствовал о том, что приблизительными ответами он не удовлетворится.

– Это интригующая тема для всякого летчика. То, что есть такие аппараты, о которых мы и мечтать не смеем, – это самое первое, что пробудило интерес. Второе – что я, летая сначала в военной авиации, – а я был летчиком-истребителем, – а потом в малой авиации в самых глухих местах, ни разу их не наблюдал, хотя многие мои коллеги – и военные и гражданские – рассказывали о своих встречах с НЛО.

И третье – думаю, что обитатели этих НЛО знают о смысле существования и о будущем мыслящих существ гораздо больше нашего. Хотелось бы приобщиться.

– Это все? – спросил Абаза, не вкладывая в свои слова ничего, что позволило бы понять его реакцию.

Он внимательно смотрел на меня. Я тоже не отводил взгляда.

– Нет, – ответил я. – Хотелось бы узнать у Вас, где они чаще появляются, и если за ними можно вести наблюдения, то я хотел бы принять в этом участие. А для начала я попросил бы вашего совета, что мне надо прочесть и где это можно найти.

Я замолчал. Абаза заговорил не сразу.

– Так, – сказал он. – Вы, разумеется, понимаете, что мы в первую очередь заинтересованы в людях, которые уже располагают определенной подготовкой. Тем не менее, учитывая то, что в нашей стране с информацией об НЛО дело обстоит крайне плохо, нам приходится заниматься не только обработкой сведений, но и в некоторой степени просветительством. Хотя, должен сказать, слово «просветительство» приходится употреблять очень условно: настоящего знания нет пока и у нас самих. Пионовский охарактеризовал вас как человека волевого и располагающего своим временем. Это так?

– Ну, насчет волевого – не мне судить. А насчет времени – да. Я, с вашего позволения, юный пенсионер в тридцать

шесть лет. Работать могу, но пока ни с каким делом не связался.

– Вам случалось летать в верховьях Нижней Тунгуски и Вилюя?

– Нет. Мой район бы к востоку. Низовья Лены, Индигирки, Колымы. Ну, и Чукотка, конечно. Бывал в разных местах вдоль Охотского побережья.

– И ни разу не видели «летающих тарелок?»

– Ни разу.

– Странно. Из тех районов тоже поступают сведения о частых встречах.

– Я и сам удивляюсь. По глухим углам летал вроде чаще других. И некоторые из сослуживцев видели, а я – нет.

– Что же они вам рассказывали?

– Да разное рассказывали. Один – это еще в военной авиации было – рассказывал, что во время его дежурства аэродром прямо сверху был весь залит ярким светом. Кто светил – понятно. Другой – мой командир звена – говорил, что во время ночного полета увидел перед собой огонь. Он, как говорится, дал газу и пошел на сближение. Источник света тоже прибавил скорость и стал удаляться. Мой командир решил не отставать и опомнился только тогда, когда увидел, что летит со скоростью 2,2 Маха, а огонь вдруг развил совершенно невероятную скорость и быстро от него ушел. В гражданской авиации у знакомых тоже бывали случаи встречи с тарелками днем. Говорили, лететь рядом с ними

было неприятно – приборы не работают, стрелки мечутся, как ненормальные. Правда, это длилось недолго. Но на нервы действовало порядком, тем более, пассажиры на борту.

– А двигатели у них не барахлили? – спросил Абаза.

– Если бы барахлили, они сказали бы об этом прежде всего.

– А какая была видимость во время этих встреч?

– Хорошая. Либо чистое небо, либо незначительная облачность. А что?

– Да нет, хотелось понять, могли ли они хорошо видеть.

Это были действительно тарелки?

– Тарелки или Шляпы – что-то среднее. Вели себя пришельцы спокойно, но по всему было видно, что они в любой момент могли уйти, куда хотят. А уж о том, что в любой момент могли угробить самолет – и говорить нечего. Но, видно, это им было ни к чему.

– Да, ни к чему... – раздумчиво повторил за мной Абаза.

– Пожалуй, – продолжил он, – это единственное, что нам понятно. Будь они агрессивны, вторжение давно бы уже произошло. Что бы мы могли им противопоставить?

– Атомные бомбы? – предположил было я.

– Ерунда, – возразил он. – С их возможностями – и не суметь вывести из строя и системы наведения, и системы инициации взрыва? Ерунда! Даже если бы нам, землянам, пришла в голову мысль покончить ядерным самоубийством сразу всему человечеству – они бы и то не позволили.

Я поразился, насколько точно он передал и мои собственные мысли на сей счет.

– Другой бы спорил, я – не буду, – сказал я. – По моим представлениям, мы совершенно безоружны перед ними. Мы выглядим даже хуже, чем дикари, вооруженные копьями, луками и стрелами, в сравнении с белыми людьми, у которых винтовки, пулеметы и пушки. Неужто нас ограждает он полного порабощения этими инопланетянами только их культурное табу.

– Вот именно, – подтвердил Абаза. – Их культурное табу.

По огню, который впервые в течении нашей беседы зажегся в его глазах, я понял, что этим суждением впервые расположил его к себе. Он продолжил:

– Может быть, помните такого героя повести Бориса Лавренева «Сорок первый» — поручика Вадима Говоруху-Отрока. Он сказал малиновому комиссару Евсюкову: «Тебе этого не понять...

– Разница культур!» – подхватил я.

– Именно! И ничто другое!

– Андрей Владимирович! Но неужели им при их культурном превосходстве и, в сравнении с нами, знании интересно наблюдать эпохи первобытного варварства, которые они давным-давно миновали?

Он снова с любопытством, словно ничего подобного и не рассчитывал услышать, взглянул на меня.

– Здесь, увы, я могу высказывать только свои догадки,

и они вряд ли в чем-то серьезно отличаются от ваших. Видимо, их прошлые варварские цивилизации, сходные с нашей, ушли в прошлое настолько давно, что им действительно любопытно произвести натурные археологические наблюдения. При этом они обязали себя придерживаться принципа невмешательства.

– Думаю, так, – кивнул я. – А узнать, к чему они пришли, я имею в виду в социальном смысле, есть какие-то шансы?

– Исключить не могу. Просто рука не поднимается, – признался он, – но, думаю, это крайне маловероятно. Ведь такого рода откровенность с их стороны еще надо заслужить. А чем?

Он пожал плечами.

– Продвижением к их совершенству, – снова предположил я.

– Наверно, но лишь при условии, что мы сами нащупаем правильный путь. А вы ведь сами знаете, насколько по-разному люди представляют себе «правильный путь».

Последние два слова он произнес с нарочитой аффектацией, вкладывая в них скорее презрение, чем сомнение.

– Скажите, Николай Михайлович, – продолжил он после обдумывания какой-то своей мысли, – у вас не прошло желание сотрудничать с нашей комиссией после того, как я вполне откровенно информировал Вас о том, что мы, образно говоря, почти так же голы, как и вы?

– Нет, не прошло. Все-таки это «почти» на сколько-то от-

лично от нуля, – ответил я. – И мне хотелось бы самому принять участие в том, чтобы величина этого «почти» возрастала.

– Как вы это себе представляете?

– Честно говоря, мне почти нечем похвастаться. Единственный опыт, который у меня есть в области прояснения неизвестного, – это анализ причин летных происшествий, случавшихся со знакомыми летчиками. Иногда они ухитрялись выжить, чаще же – нет. Комиссии, которые работали после аварий, на мой взгляд, не всегда докапывались до истинных причин.

– А Вы докапывались?

– К сожалению, не всегда, однако большей частью – да. Думаю, что лишь поэтому я и дожил до пенсии и теперь вот нахожусь перед вами.

– Мне Пионовский рассказывал о Вашей летной репутации, – усмехнулся Абаза. – Не скрою, это одна из главных причин, по которой я согласился на встречу с вами.

– А другие причины? – перебил я, чтобы избежать возможных комплиментов.

– Еще одна, как мне подсказывает интуиция, да и жизненный опыт тоже, – отличный летчик вряд ли согласится работать по заданию органов.

– Что, стараются внедрить?

– Вы даже не представляете, как настойчиво.

– Значит, есть риск, что меня теперь попробуют при-

влечь... – Свой вывод я сделал вслух, и Абаза согласно кивнул.

– К счастью, испортить мне летнюю карьеру они уже не могут. И заслуженную пенсию тоже вряд ли отберут.

– Если вы не будете очень сильно возникать, когда не надо, – возразил он.

– А вам они... – я замялся, подбирая подходящие слова, – уже в чем-то воспрепятствовали?

– Да. Но со мной, ерунда. Почти пустое – не дали защитить докторскую диссертацию. Только и всего. Невелика потеря, – махнул он рукой. – Другим, бывало, доставалось хуже.

– Как, например?

– Лишали допуска, следовательно, попросту увольняли с секретной работы. Кое-кого подвергали психиатрической экспертизе. Наверное, догадываетесь, какой?

Я кивнул:

– Это у них есть в запасе для любого.

– Вот в том-то и дело, – сказал Абаза, – в том-то и дело... Сколько сообщений от очевидцев по этой причине не доходит до нас, а часто и до них!

– Об этом я знаю.

– Скажите, а вы могли бы совершать поездки из Москвы в интересующие нас места с командировочными удостоверениями от нашей комиссии для встреч с очевидцами или для наблюдений? За счет комиссии, разумеется.

– Время у меня есть, готовность встречаться с вашими корреспондентами – тоже. Вот только стоит ли мне брать от вас командировочные удостоверения? Ведь вы, как я понимаю, остаетесь «неформалами». Не лучше ли мне встречаться с людьми без этих бумаг?

– Совсем без бумаг – тоже плохо, – убежденно возразил Абаза. – Могут и за шпиона принять. А так мы – хоть и плохонькое, но все же прикрытие. Как бы... – он тоже не сразу подобрал слова, – неодобрительно они ни относились к нашей деятельности, все-таки нас не разогнали. Правда, и выпрямиться в полный рост не позволяют. Ну, и то ничего.

Я кивнул, соглашаясь.

– Вообще говоря, я согласен был бы отправиться и в длительную экспедицию или засесть где-нибудь в глуши, если есть шанс вести там натурные наблюдения. Вряд ли у вас, я хочу сказать, у членов комиссии с учеными званиями, есть возможность надолго оставлять основную работу. И вообще Москву.

– А Вы женаты?

– Нет, обошлось.

– Если не секрет, почему?

– Так свободней. У меня никогда не было уверенности, что доживу до пенсии. Зачем подводить женщину с ее расчетами на меня?

– Стало быть, Вы действительно очень часто сильно рисковали, – сделал вывод Абаза, не столько спрашивая, сколь-

ко подтверждая про себя то, что, очевидно, слышал от Пионовского.

– Когда говорят – «сильно рисковал», – возразил я, – хочется спросить, что именно имеют в виду. Если игру на авось, то это не про меня. Я, конечно, не хочу создавать впечатление, что, мол, все могу рассчитать. Но все-таки стараюсь рассчитывать свои возможности заранее. Свои и самолета.

– Но я уже слышал, что Вы совершали посадки и взлеты с немыслимо малых площадок. Ни один авиационный специалист не мог в это поверить.

Я пожал плечами.

– У них были все основания не верить. Я бы и сам не поверил, если бы в таких ситуациях кто-то действовал только по правилам.

– Так Вы их еще и нарушали?

– А как иначе? Инструкции же пишутся не просто так, не с потолка.

– Ну да, я знаю – кровью летчиков, – вставил Абаза.

– Нет, я сейчас не об этом. Если маневрировать при посадке так, как предписано, пробег машины по земле молитвами и мастерством сильно не уменьшить. Поэтому, в некоторых случаях – подчеркиваю – в некоторых! – когда не было иной возможности сесть на совсем кучую полосу, я использовал аэродинамические торможения всеми плоскостями почти перед касанием к земле. Вообще это чревато по-

терей устойчивости. При больших углах атаки слишком легко свалиться на крыло или на хвост. Короче, чем-нибудь воткнуться в землю, и если ты не сросся с аппаратом в одно целое, это действительно сильно рискованно. Учить такому я бы никого не взялся. К подобным вещам надо обязательно приходиться самому. Причем пробовать кое-что втихаря, когда никого больше нет на борту. В моем способе сокращать пробег при посадке в мою пользу, пусть и в запрещенном режиме, но все же работает аэродинамика. А при взлете, когда негде разбежаться, еще труднее. Я же не могу по своей воле увеличить мощность мотора или изменить планер. Что есть в машине, то и есть. Иного не появится. Даже при самом горячем желании.

– И как же Вам удавалось взлетать?

– Когда как. Иногда удавалось своими силами на сколько-то метров удлинить полосу. Конечно, она все равно оставалась куцей, но для самолета почти без груза и с небольшим запасом горючего, да при встречном приличном ветре, позволяла взлететь. В трех случаях использовал и без меня известный способ – спрыгнуть с обрыва в конце полосы. В двух случаях в дополнение к тормозам колес использовал трос-швартов, закрепленный одним концом за мертвый якорь на земле, чтобы еще на стоянке можно было разогнать мотор до предельной мощности, потому что без этого одни штатные тормоза на месте самолет на полном форсаже не держат. А так механик по моему сигналу освобождал

конец троса, закрепленный на фюзеляже, и благодаря этому машина начинала разбег с бóльшей тягой, чем при нормальном отпускании тормозов.

– Как же он освобождал швартов? Обрубал что ли?

– Это уж его секреты. Я объяснял, что мне нужно, а он придумывал. Конечно, не в режиме импровизации. Это мы с ним пробовали заранее на полосе нормальной длины, замеряли пробег до открытия и на этой основе уже действительно импровизировали на местности, когда в этом бывала крайняя нужда.

– Крепко же он верил в Вас!

– Как и я в него. Без этого в авиации не то что экспериментировать, но и просто летать невозможно. От работы механика зависит успех всех без исключения полетов, а от виртуозности летчика – только некоторых. Знающий дело пилот ни о чем не поставит себя выше своего механика, несмотря на то, что именно он – командир, а механик – подчиненный.

– Мда-а... – протянул Абаза, снова о чем-то задумавшись. – Знаете, – наконец заговорил он, – я рад, что Вы пришли к нам. Видно, что вы человек наблюдающий, сомневающийся и ищущий. Для начала я готов дать Вам материалы, которые позволят войти в курс дела. Если прочитанное не охладит, я думаю, мы сможем сотрудничать. Если охладит – не обижусь. Идет?

– Идет, – согласился я.

Абаза достал из небольшого сейфа рядом со столом

несколько папок. Раскрыв одну, он спросил:

– Вы знаете иностранные языки?

– По-французски могу говорить, по-английски читать и переводить со словарем.

– Ну, тогда это упрощает мою задачу. У нас есть собственные обзорные материалы, но имеет смысл прочесть кое-что в подлиннике. Тем более, что там есть и фотографии, которых нам порядком недостает. Ксерокопии, к сожалению, тут неважнецкие, но других нет.

Из всех папок, которые он выложил на стол, он отобрал несколько переплетенных тетрадей.

– Вот. Здесь основное и из фактов, и из домыслов. За неделю прочтете?

– Думаю, прочту.

– Ладно, приходите, как прочтете, хотя лучше заранее позвонить.

– Тогда, до свидания.

Я вышел с сознанием удачи. Абаза произвел на меня впечатление сдержанной и умной деловитостью и, что греха таить, интересом к моей собственной, уже бывшей, пилотской судьбе. Однако понять такого человека, как Абаза, было не просто. Не слишком-то он доверчив. Но вот поверил же мне и в меня. Мда-а-а – вслед за Абазой повторил я про себя.

Как я и ожидал, наиболее интересными оказались сообщения летчиков, фотографии и некоторые обобщающие материалы, в том числе статистические. На карте мира были

разными значками отмечены места, которые НЛО посещали особенно часто. На территории СССР тоже были отмечены определенные места. Правда, в пояснениях к карте было указано, что сведения по СССР не полны, поскольку там уфология официально не признается наукой.

Глядя на эту карту, я надолго задумался. Всё это были, главным образом, малонаселенные и труднодоступные территории или редко посещаемые акватории Мирового океана. Чем могли руководствоваться инопланетяне, когда выбирали такие места? И могла ли такая дислокация подсказать, что именно было главным объектом их исследований? Если «гостей» интересуют «натурные социальные наблюдения», их надо бы проводить в густонаселенных районах. Правда, и в таком случае базироваться можно в медвежьем углу, а там, где требуется, разместить незаметную аппаратуру. Но могло быть и другое. Например, пришельцы ищут какие-то важные для них ресурсы. Тогда малоосвоенные территории очень даже подходят: по иронии судьбы главные кладовые нашей планеты приходятся именно на них, а еще на океанические разломы – это кстати, могло бы объяснить, зачем им понадобилось «обнюхивать» пустынные акватории. Сибирь и Арктика предоставляли в этом смысле громадные возможности – сколько хочешь «ненаселенки», сколько хочешь нетронутых богатств! Вместе с тем на карте Сибири было совсем немного значков «НЛО», причем приходились они на наиболее людные районы. Вывод напраши-

вался сам собой – из ненаселенных мест сообщений не поступало, во-первых, потому что наблюдать там некому, и, во-вторых, если и есть кому, то куда сообщить? А, в третьих, если допустить, что информация передавалась, то, скорее всего, она оседала в секретной лаборатории ВПК – КГБ. Неплохо было бы взглянуть на их карту... На ней могли быть обозначены не только точки базирования, но и трассы полетов НЛО, поскольку данные радиолокационного контроля воздушного и космического пространства наверняка передавались именно туда. Мне давно было известно, что радиолокационщики вполне уверенно отличают неземные летательные аппараты от наших, человеческих, что вся территория СССР и акватория прилегающих морей с той или иной интенсивностью контролируется сетью радиолокационных станций. Правда, по приказу какого-нибудь недоумка все эти наблюдения могли потом никуда не передавать, но даже для нашей изумляющей весь мир страны это было бы, пожалуй чересчур.

Что было для меня совершенно ново, так это сведения об НЛО не только в форме тарелки или плоской шляпы, но и в виде сигар. Однако самым впечатляющим стало, пожалуй, то, что среди инопланетных кораблей встречаются особо крупные, несущие нескольких существенно более мелких. Наличие «тарелконосцев» заставило было усомниться в том, нужны ли инопланетянам стационарные земные или морские базы, но тут же подумалось, что и авианосцы зем-

лянь нуждаются в портовых стоянках, как бы ни были они велики в сравнении с кораблями других классов. И еще одна вещь пробудила во мне воспоминания о странном следе, который я однажды наблюдал во время полета в самом дальнем углу восточносибирской тайги. В статье французского автора со ссылкой на американца рассказывалось о том, как тот на отдаленном от населенных пунктов перуанском плато наткнулся на круговой отпечаток какого-то громадного тела, видимо, инопланетного корабля, поскольку почва была обожжена и оплавлена в пределах этого круга и в целом немного просела. Диаметр отпечатка составлял семьдесят метров. Это было очень похоже на то, что три года назад видел я.

Через неделю я снова был принят Абазой.

– Ваши впечатления? Нашли для себя что-то новое? – сразу после приветствия спросил он.

– Да, и довольно много.

– А что именно?

– Характер распределения встреч с НЛО на поверхности нашей планеты.

– Что Вам бросилось в глаза?

– То, что места самых частых встреч совпадали с малонаселенными и труднодоступными местами и, возможно, с местами крупных минеральных залежей.

– Верное впечатление. Что еще?

– Наличие у них «тарелконосцев» – больших кораблей, что снимает проблему наземных баз.

– Так. А кроме этого?

– Сообщение из французской статьи об американце, наткнувшемся на след посадки летающий тарелки.

– А это почему?

– Потому что я сам три года назад видел сверху нечто подобное.

Мой ответ вызвал мгновенную перемену в лице Абазы – как будто он вдруг узрел какое-то чудо.

– Минутку! – сказал он и перегнулся вбок, к нижнему ящику в тумбе своего стола. Выпрямившись, он положил перед собой несколько больших фотографий, быстро перебрал их и две протянул мне.

– Похоже? – еле сдерживая нетерпение и азарт спросил он.

Я не стал спешить с ответом, хотя сразу увидел на той фотографии, которая лежала сверху, что **ОЧЕНЬ** похоже. Однако сперва надо было взглянуть, что на второй. Там тот же след был снят с высоты человеческого роста, и была видна его глубина. Судя по длине топорща, которое торчало заменяя масштабную линейку и возвышаясь над бортом впадины, глубина ее была всего порядка сорока сантиметров. Граница впадины вырисовывалась очень отчетливо. Как тогда, у меня.

– Сколько в диаметре? – спросил я.

– Семьдесят метров.

«Значит, это тот самый след, о котором писалось во французской статье», – понял я. Фотография была очень чет-

кой, отпечатанной сразу с черно-белого негатива, а не пересъемкой с другой фотографии. Это означало, что КГБ не сумел перекрыть все каналы взаимодействия наших уфологов с иностранными. Это порадовало.

– Удивительно похоже, – наконец, подтвердил я вслух. – Я тогда тоже оценил диаметр на метров семьдесят-восемьдесят.

– Расскажите, где и как это было, – попросил, нет – потребовал Абаза.

Как он ухитрился совместить обе интонации, осталось для меня загадкой.

– Это место было в стороне от обычных полетов нашего отряда. Сюда, в общем, некого возить, разве что охотоведов во время авиаучета численности копытных. Это когда лежит снег. Или лесных пожарных во время летней жары, да и то не каждый год. Но в тот раз я выполнял санрейс. Меня направили забрать роженицу из поселка к востоку от наших обычных трасс в другой поселок, с больницей. Ничего сложного в том полете не было: прилетел, сел возле перевалбазы на колеса (снег еще не лег) и взял на борт роженицу. Время поджимало. Схватки вот-вот могли перейти в настоящие роды, а у меня при роженице – только молоденькая медсестра. С белым от страха лицом. В самолете холодно, да и сумерки уже на носу. Лечу напрямик, по радиоприводу. На всякий случай поглядываю на местность под собой и сличаю с картой: мало ли – вдруг еще понадобится здесь

летать? И по привычке ищу, нет ли мест, хоть мало-мальски пригодных для посадки, благо у меня есть право на самостоятельный выбор. Ничего подходящего не замечаю. И вдруг, проходя над плато по пути к перевалу через хребет, вижу в тайге замечательно круглую плешь, ровенькую, как дно кастрюли. Что за черт, думаю. Я даже чуть подвернул к ней, чтобы рассмотреть получше. Шел я над плато на высоте метров шестьсот, снижаться не стал, потому как мне и дальше предстояло набирать высоту перед перевалом. Но видимость прекрасная, солнце невысоко, светит сбоку, тени подчеркивают контур площадки. Заметил, что дно опаленное, по сторонам – радиально поваленные вершинами вовне и тоже опаленные деревья. Ни на какой случайный пожар не похоже. Странное место. Я еще тогда подумал, не ракета ли оттуда стартовала. Только кто бы ее мог сюда затащить? Тем более, ракету такого масштаба? Мысль об НЛО тоже промелькнула, но площадка в тайге ушла назад, я отметил место, где она находилась, и сосредоточился на полете.

– Вы не облетели это место?! – С надеждой и упреком воскликнул Абаза. Он, как оказалось, был мастер совмещения эмоций.

– Нет, конечно. Женщина вот-вот разрешится от бремени в самолете, горючего в обрез – куда мне было облетать эту плешь? Пожалел, конечно, что не могу, но и только.

– И больше не навевывались туда?!

– Нет. Я же говорю: это место далеко в стороне от наших

обычных трасс, а самовольничать даже таким пилотам, как мне, можно лишь в определенных пределах. Малую авиацию, сами, наверно, знаете, из рук в руки рвут – всем надо куда-то лететь, отправлять срочные грузы и все такое. А туда даже на неофициально дозволенный начальством пикник или на охоту не полетишь – и не только из-за того, что слишком далеко, но в первую очередь потому, что на самолете действительно сесть некуда. Уж в этом можете мне поверить!

– Да верю я, верю, – отозвался он, не в силах, однако, совсем скрыть досаду. – Это первый случай, когда обнаружено место посадки НЛО за Уральским хребтом. Но найти-то его вы можете?

– В чем вопрос! Если удастся достать вертолет, я его туда приведу. Он туда в аккурат сядет.

– Нет, прямо на него садиться нельзя, – возразил Абаза.

– Почему?

– А вдруг там высокая радиоактивность? Мы же не знаем, на каком принципе работают их двигатели!

– А как было с радиацией здесь? – я ткнул пальцем на фотографию.

– Здесь не было никакой, кроме фоновой. Но все равно садиться на необследованную площадку нельзя – вдруг повышенная радиация все-таки есть. А, кроме того, это может и не получиться.

– Чтобы обычный вертолетчик не посадил машину в круг диаметром в семьдесят метров? Чепуха!

– Нет, возможно, не чепуха. Американцу, который это снимал, не удалось не только сесть в этот круг, но даже на высоте в три тысячи футов пролететь точно над ним.

– Как так?

– А вот так! Его машину каждый раз что-то отбрасывало.

– Стойте! – вспомнил я, мысленно перенесшись в свой полет. – Я проходил сбоку от плечи, чтобы видеть ее, но достаточно близко. И тогда я точно почувствовал, что как раз с ее стороны в левое крыло словно кто-то слегка наподдал снизу – совсем несильно, но так было. Я тут же выровнялся, и больше меня не трясло, как и до этого.

– Это очень важный признак! – обрадовано воскликнул Абаза. – Вы даже не представляете, насколько ваше свидетельство может облегчить нам организацию экспедиции!

– Вы так думаете? – спросил я, вкладывая по подхваченной от него манере одновременно нотки сомнения и удовольствия.

– Несомненно! Вы ведь знаете, что никто нас официально не признает и не поддерживает. Но кое-какие деньги нам все-таки жертвуют. И не только члены комиссии, среди которых есть видные и довольно состоятельные по нашим меркам люди. Как вы думаете, во что обошлась бы туда экспедиция из четырех-шести человек?

– Ну, я не могу судить обо всех расходах. Но насчет стоимости дороги могу примерно посчитать. Билет на самолет до Магадана в один конец 160 рублей. Кладите 200. Даль-

ше местный самолет, ЛИ-2 или АН-2 – по двойному полярному тарифу – еще около того. Если будет какой груз сверх 10 кг на одно лицо – а так, конечно, и будет, – то за каждый килограмм тоже возьмут по двойному тарифу. Ну, допустим, еще 200. Итого в один конец на самолет – порядка 600 рублей с носа. Но это не все – самое дорогое – вертолет. На шестерых с грузом надо оплатить спецрейс на МИ-4, это 1200 рублей в час. Лететь туда в один конец часа полтора, но возьмут, наверное, за два. Да в обратный конец тоже два. Вот вам уже 4800 рублей или округленно 5000. Если можно управиться с исследованиями за час – полтора, можно улететь на том же вертолете. Если нет, придется заказывать еще один рейс для вывоза в поселок. Это еще 5000 на всех. Ну, и снова 600 рублей на дорогу из поселка в Москву на каждого, если не наберете образцов камней и древесины суммарным весом больше съеденных продуктов. Стало быть, дорога на шесть человек в оба конца обойдется кругом-бегом в... – я на несколько секунд задумался, – примерно в 17000 рублей. Должен предупредить – обязательно надо иметь и резервные деньги на случай продолжительных задержек – погода там, или ожидание очереди на спецрейс, или еще что-нибудь непредвиденное.

– Сколько времени может уйти на эти непредвиденные задержки?

– Да кто вам наперед скажет? В этих краях никому никаких гарантий по времени не дают. Можете в двое суток до-

браться до места из Москвы, если повезет, хотя это не очень вероятно, а можете и в две недели не уложиться.

– Что же, по-вашему, надо на всякий случай резервировать месяц?

– Если исходить из умеренного оптимизма, тогда, наверное, так.

– А если из умеренного пессимизма?

– Тогда, пожалуй что, месяца полтора. Погода там очень неустойчивая. Земля почти необорудованная, летать сложно. Кто ж выпустит самолет или вертолет при плохой видимости? А накроет землю ненастьем, кто знает, сколько тогда ждать прояснения – три дня, неделю, десять дней?

– Может быть, месяц? – с сарказмом спросил Абаза.

– Может быть, и месяц, – кивнул я, – хотя такое случается редко. Но ведь другим способом и за месяц не доберешься.

– Каким другим?

– Караваном лошадей или оленей. Смотря куда идти. Где растет трава – тогда с лошадьми, если нет, то с оленями.

– С ума сойти! В наше время!

– Это точно! Тем более, что в каких-то местах наверняка придется тропу для каравана прорубать. Широкую, потому как лошади или олени пойдут с вьюками. Поэтому лучше и выгоднее сидеть и ждать борта или погоду.

– Нет чтоб человек принес одну только приятную новость!

– Это уж, как водится: в бочку меда уж кто-нибудь, да вольт минимум ложку дегтя. Такова жизнь.

– Ладно, – махнул рукой Абаза. – Вы меня отрезвили!

– Нереально? – спросил я.

– Да нет, просто трудно, а не нереально. На питание, на командировочные суточные, полевые, глядишь, набежит еще тысяч двадцать.

– Возможно, поменьше, но набежит.

– Ладно, потом прикинем поточнее. Но вы-то хоть заранее укажите нам это место.

– Давайте карту, желательно миллионного масштаба. Укажу. Кстати, если у вас есть возможность каким-то образом познакомиться со съемками Земли из космоса по заказам картографов, то это место у них наверняка уже на заметке для карт сотысячного и даже пятисоттысячного масштаба. Тогда координаты будут известны всем абсолютно точно, – сказал я.

– Это мысль, – отозвался Абаза и сразу стал что-то про себя соображать. – А у вас у самого есть подходящие знакомства?

– Среди картографов – нет. У них давно уже свои самолеты с аппаратурой. Мои знакомства больше подходят для другого. Уговорить летное начальство поскорее дать нам борт. Или объяснить что-нибудь сомневающемуся летчику. Вряд ли туда полетят с охотой. Неизвестно ведь, найдется ли рядом с плешью место, пригодное для посадки вертолета, или придется высаживать с трапа в режиме зависания. Для обратной дороги еще можно будет что-то найти и расчи-

стить – для этого не помешает взять с собой «Дружбу» – бензопилу. Ведь на сотни километров вокруг – дикая горно-таежная местность и высокие хребты с гольцовыми вершинами. Неласковый, в общем, пейзаж.

– Ну уж вы, Николай Михайлович, не старайтесь меня расхолаживать! Все равно не получится! Уже разожгли!

– Ладно, не буду, хотя я вовсе не считал, что пугаю. Просто говорил, как есть. Кого вы еще, кроме себя, хотите взять в экспедицию?

– Вы готовы?

– Я готов. Но кроме проводника, то бишь меня, кто еще нужен вам там, на месте?

– Физик с радиационной аппаратурой. Желателен и химик.

– Уже четверо вместе с нами. А вы по специальности кто?

– Механик. Но по теории, а не по машинам.

– Понятно. Кончали мехмат?

– Да. Ну, кое-что соображаю и в астрономии.

– Подойдет, – сказал я. – А кто еще? С точки зрения найма вертолета без разницы – четыре или шесть человек. Хоть восемь. Другие расходы с ростом численности состава, конечно, возрастут. Писатель-фантаст вам не нужен?

– Нет, уж лучше реалист, а не фантаст. А кинематографист-оператор нужен. Безусловно.

– Кто еще?

– Я считаю, стоило бы взять экстрасенса. Иначе как

узнать, есть ли там какие-то необычные поля, которые нынешняя аппаратура фиксировать не способна?

– Действительно, – согласился я, немного подумав. – Неплохо, если он походит с рамкой и по самой плещи, и вокруг. Может, что и обнаружит. Получается шесть человек. Больше никого не потребуется включать? В принципе одна-две вакансии возможны, хотя и не очень желательны. Кроме вас, кто-то будет рваться в экспедицию несмотря ни на что?

– Уверен, что да.

– Берите людей с экспедиционным опытом, хоть с каким-нибудь, даже спортивно-туристским, но обязательно таежным. Там же не курорт, а жить, возможно, придется долго.

– Ладно, я это учту. Сам я ходил и в горные, и в таежные походы, так что могу понять. Гнус свирепствует?

– До самых холодов.

– А охота там какая возможна?

– Возможна любая – и на медведя, и на сохатого, и на дикого северного оленя, даже на горного барана, если экспедиции будет разрешено его добыть. Кроме того, на мелочь – на глухаря, рябчика, зайца, кабаргу. А кто встретится, трудно предсказать. Может быть, и никто. Рыба, пожалуй, будет в любом случае. Еще ягода в подходящий сезон.

– Ясно. Ну, охота и рыбалка – это так, развлечение и подспорье. Не больше. Экспедицию надо снабдить всем по полной норме. Так?

Я кивнул.

– Будем считать, что наша сегодняшняя встреча положила начало экспедиции под условным названием «Плешь». «След НЛО» было бы приличней и солидней. Но кто заранее докажет, что это след и НЛО? А плешь – она и есть плешь, верно?

– Куда уж верней, – подтвердил я. – Только кто ж согласится давать свои кровные деньги – ведь это стоимость трех-четырёх легковых машин – на какую-то плешь?

– Не волнуйтесь. Предоставьте это дело мне. Серьезно. Не смейтесь. Может, на какую другую плешь и не дадут, а уж на эту бесприменно!

II

Очень скоро я убедился, что энергия движимого желанием попасть на «плешь» Абазы действительно неисчерпаема. Мне еще не раз и не два приходилось повторять свои сообщения перед разными лицами, от позиции и щедрости которых зависела в конечном счете судьба задуманной Андреем Владимировичем экспедиции.

После нескольких повторных выступлений я впервые всерьез посочувствовал Амундсену: триумфально возвращаясь из полярных экспедиций, он вынужден был ездить с лекциями о своих странствиях, чтобы заплатить по долгам и собрать хоть часть средств на очередное рекордное предприя-

тие. Конечно, наши расходы были несопоставимы с амундсеновскими, но и круг наших потенциальных жертвователей не шел по своим финансовым возможностям ни в какое сравнение с сообществом английских, американских и норвежских богачей. Однако оказалось, что увлеченных уфологией людей, готовых оторвать от себя гроши единственно ради интереса и под репутацию Абазы, гораздо больше, чем можно было ожидать. Суммы разных величин поступали на почтовый адрес комиссии, и оргкомитет по проведению экспедиции «Плешь» постепенно убеждался в том, что расчет Абазы на энтузиазм адептов НЛО себя оправдал, что было немного удивительно, но не очень.

Куда более удивительным стало то, что Абаза добыл-таки снимки, сделанные нашими спутниками в указанном мной месте, а еще больше – что на круглый объект на поверхности таежного плато картографы при дешифровке фотографий никакого внимания не обратили. Должно быть, дружно сочли его пузырем эмульсии пленки, приходившимся каждый раз на одну и ту же точку координатной сети. Как бы то ни было, но теперь экспедиция точно знала широту и долготу того места, в которое собиралась попасть, а Абаза еще больше уверился в истинности моих слов.

Надо сказать, за ним тоже не заржавело. Он стал регулярно выдавать мне все новые и новые материалы, касающиеся НЛО, которые выдавать случайному встречному было бы действительно неразумно. Как бы ни старались власти отсечь

свой советский научный мир, а вместе с ним и всех интересующихся обывателей от циркулирующей в мире информации об НЛО и деятельности уфологов, давно уже создавших свой интернационал,

с прессой, исследовательскими центрами и общедоступными лекториями, в полной мере это не получалось. А зная об этой забугорной активности, они все-таки не решались обрушить на собственных уфологов слишком грубые репрессии. Единственное, чего ни в коем случае не могли себе позволить члены комиссии по исследованию НЛО, так это взять деньги от иностранных коллег, которые охотно дали бы их, поскольку не сомневались, что внимание инопланетян в значительной степени приковано именно к советскому социуму и к советской территории. Читая статьи иностранных специалистов, я не мог не заметить, что они упоминают то тут то там сообщения Абазы и других членов комиссии.

Надо сказать, что это были действительно авторитетные люди в своих отраслях знания, и на месте ЦК и КГБ стоило бы признать, что серьезные ученые, безусловно доказавшие свой советский патриотизм честным трудом на благо родины, то есть на их, ЦК и КГБ, благо, не стали бы заниматься ерундой, а тем более продавать Родину. Но факт получения денег из-за рубежа, от врагов социалистического строя и империалистов, руководство страны однозначно признало бы доказательством шпионажа в пользу иностранных дер-

жав. И потому серьезные люди собирали необходимые средства у заинтересованных и сочувствующих буквально по сотне, по десятке. Тем не менее денежный фонд экспедиции пополнялся довольно быстро, и мы надеялись, что к нужному времени средств будет достаточно.

Абаза попросил меня написать знакомому авиационному начальству Северо-востока о наших планах и нуждах, а также посоветоваться, как лучше все организовать на месте. Такое задание выполнить было нетрудно. Не одно мое непосредственное начальство, но и важные лица из территориального управления гражданской авиации были мне довольно близко знакомы, потому что летали со мной не только по служебным делам, но и на самую лучшую в их жизни рыбалку или охоту, куда Макар телят не гонял, а приземлиться и взлететь без особых затруднений мог только я. Я очень надеялся, что людьми такие вещи не забываются даже если они поднялись на высокие этажи служебного здания, а ты, наоборот, совсем покинул его.

Надежды мои оправдались. Из четырех запрошенных лиц трое вскоре ответили. Правда, один из этих людей, самый симпатичный, уведомил, что его переводят в центральный аппарат министерства, и поэтому мы не застанем его, но он передаст преемнику наказ содействовать нам и, в крайнем случае (но именно в крайнем), готов будет помочь нам из Москвы. Двое других начальников оставались на месте. Один из них порекомендовал мне двух вертолетчиков, с ко-

торами имело смысл связаться заранее. Им временами случалось бывать в интересующем нас районе, и они могли бы присмотреть, какие точки вблизи от нашей плешки подходят для высадки. Это был очень дельный совет. Вкусы пилотов самолетов и вертолетов в отношении посадочных площадок существенно разнятся, и узнать мнение корифеев-вертолетчиков стоило загодя. Будущее полетное задание вряд ли могло привести их в восторг, но мысль о том, что к ним обращается с просьбой поспособствовать и сам готов с ними лететь известный в недавнем прошлом своей ненормальностью пилот Ан-2 Волгин, могла подсластить пилюлю.

Это вранье, что смелый летчик только и ждет или ищет дела потрудней да поопасней. Я вполне представлял, что даже лучшим в профессии неохота бывает связываться с заданием, о котором они заранее не могут сказать определенно, что оно им по плечу. А вокруг нашей точки всё было сложно. Во-первых, далеко от базы. Поэтому долго перебирать варианты посадки, тратя бесценное в данном случае горючее, недопустимо. Во-вторых, рельеф. Кругом крутые скальные или заросшие тайгой хребты. Само плато невелико и сплошь в тайге. Галечных кос на реках и ручьях, врезавшихся каньонами в скалу, нет. На вершинах гольцов каменные развалы. В-третьих, погода. В этих краях никакая метеослужба не в силах вовремя предупредить обо всех переменах направления и скорости ветра, а главное, о неожиданных ухудшениях видимости во время полета. Пускаться в такое пред-

приятие и лишний раз искушать судьбу нормальный человек вряд ли захочет. Словом, я сразу внял совету своего бывшего начальника и написал обоим рекомендованным вертолетчикам (отметив, кстати, в письмах и это лестное для них обстоятельство), совсем не рассчитывая получить ответ, но твердо зная, что при случае они непременно попробуют уяснить ситуацию в районе плещи.

Я посоветовал Абазе не тянуть с выбором четырех других членов экспедиции. Желательно было еще до отъезда на край земли выяснить, нет ли среди кандидатов какой-то непреодолимой взаимной неприязни. Тем более, что предстояло провести вместе в двух или трех палатках не неделю, а месяц или полтора. Я по опыту знал, что многие интеллектуалы, когда они вынуждены делать бытовую работу: готовить еду, таскать и рубить дрова, мыть посуду и убирать за другими в свое дежурство – очень легко раздражаются и выходят из себя. Предварительное знакомство, конечно, не гарантировало совместимости, но могло сослужить хорошую службу.

За исключением экстрасенсов, специалистов, готовых отправиться смотреть и документировать плещь в тайге у черта на рогах, было предостаточно, но подавляющее большинство из них могли оставить свою основную работу только на время очередного отпуска, то есть на двадцать четыре рабочих дня или двадцать восемь календарных. Я сильно опасался, что в такой срок мы можем не уложиться, и насто-

ял, чтобы Абаза обязательно об этом предупредил. Он поддался нажиму неохотно, и я не сразу понял, почему, однако вскоре догадался. Большинство толковых специалистов молодого возраста, готовых выполнять не только профессиональную, но и всю остальную работу, а также относительно легко переносить холод и полевые неудобства, по этой причине сразу отпадало. Оставались либо доктора наук, либо кандидаты, которым положен отпуск в тридцать шесть рабочих дней, а такой публикой не очень-то покомандуешь, особенно если они возненавидят первобытные условия, в которых им придется жить, а заодно и друг друга. Приходилось надеяться только на то, что доктора докторам рознь, что и среди них найдутся такие, которые продолжают оставаться молодыми людьми, движимыми научным энтузиазмом. Я еще раз вспомнил об этом, когда стал составлять список вещей, необходимых в тайге, поскольку Абаза поручил мне и это. Соображая, сколько надо взять топоров, я автоматически вписал в свой перечень «б» и только потом спросил себя, почему именно шесть. Мысль моя была, вроде бы, предельно понятна: все должны одинаково работать, особенно если придется готовить вертолетную площадку перед обратным вылетом. Значит (перефразируя есенинское выражение «каждому мужику по пинжаку, каждой бабе по паре ведер»), «каждому» мужику надо дать по топору. Выходит, именно шесть. Так, да не так. Неизвестно, все ли они умеют обращаться с топорами, не поломают ли топориче при рубке ле-

са? Там, на месте, делать новое топорщице будет сложно. Значит, надо взять больше. А сколько? Я подумал и записал – 8.

Набор других инструментов я решил сделать экономным по весу и общим, мечтая чтобы им умели пользоваться все члены экспедиции, а бензопилой – минимум двое. Насчет ружей и спиннингов мое решение было очень простым и демократичным – пусть берут все, у кого они есть, однако лучше, чтобы их не было меньше трех. Это и прокормиться, вероятно, поможет, и уверенности людям придаст и отвлечение и развлечет в случае долгого ожидания вертолета. Чтобы жизнь тогда не превратилась в сплошное ожидание, желательно было бы обзавестись радиостанцией. У Абазы есть знакомства среди военных связистов на генеральском уровне, вот ему и карты в руки. Но чего у наших генералов не было, так это воки-токи. А для экспедиции, в которой каждый участник – вполне неповторимая индивидуальность, заполнить переговорные устройства, действующие в пределах нескольких километров, были просто необходимы. Никакие обязательства соблюдать в полевых условиях строгую дисциплину в полном объеме такой публикой выполняться не будут. Непременно кто-то в особом душевном состоянии или в глубокой задумчивости, или будучи чем-то задет, или обижен, или даже внезапно заинтересован чем-нибудь, обязательно уйдет из лагеря, никого не поставив об этом в известность. А там ищи его, где хочешь, хоть неделю, хоть год. Даже если я потребую, чтобы ни один из нас никогда не рас-

ставался с компасом и обладал определенными навыками в ориентировании. Кстати, насчет карт Абаза меня почти успокоил, сказав, что договорится о получении космических фотографий нашей местности и достанет карты стотысячного масштаба. Оговорку «почти» я смогу выбросить из головы только тогда, когда буду иметь на руках и снимки, и карты вкупе с разрешением на их использование, поскольку все они идут в нашей солнечной стране только с грифом «секретно». Я даже не могу решить, что у нас тяжелее достать: достоверную подробную карту местности или воки-токи. Секретить карты в условиях, когда американцы давным-давно охватили всю нашу территорию космической съемкой (как и мы их), глупо, потому что секретность создает трудности только для своих, а не для вероятного противника. Тем не менее попасться с картой, на которой стоит гриф, на глаза любому гебешнику, значит пустить экспедицию под нож, если не будет официального разрешения.

Воки-токи наша родная промышленность не выпускает в сколько-нибудь порядочном исполнении. Тем не менее, моряки торгового флота закупают их для себя, потому что без этих приборов управлять малочисленными экипажами крупнотоннажных судов почти нереально. Это вроде слегка облегчало задачу доставания. Правда, моряки потребуют денег, но с деньгами у нас будет легче, чем с легальной покупкой за рубежом. Еще один возможный путь – получить с десяток воки-токи в подарок от богатых зарубежных собра-

тьев-уфологов и переслать их нам с каким-нибудь сочувствующим дипломатом. На этот вариант я очень слабо надеялся, потому что наша дипломатия на персональном уровне — это осторожность и еще раз осторожность, но вовсе не риск. Впрочем, в семье бывает не без уroda, даже в том смысле, в каком выгодно нам.

Оставалось только позаботиться о пленках, кассетах, элементах питания для видеосъемок, и я с нервной дрожью чувствовал, как быстро распухает экспедиционный груз. Я уже предупредил Абазу, что мои предварительные прикидки транспортных расходов могут оказаться серьезно заниженными, и с каждым днем все более убеждался в этом. Но одной своей мыслью я так до сих пор и не решился поделиться с Абазой. Наш расчет на авиационный транспорт как на единственное средство доставки и вывоза экспедиции был вполне объяснимым и, если так можно выразиться, современным. Но я-то лучше всех знал и его слабые стороны. Обстановка безнадежного ожидания вылета, витающая над сидящими в жестких креслах или лежащими вповалку на полу пассажирами, когда тебе становятся в деталях знакомы их фигуры и лица, когда и тебе делается стыдно за ту систему, в которой ты служишь, за то, что они всё еще здесь, в такой обстановке, а ты не в силах ничего изменить, даже когда твое умение позволяет доставить кого-то из них в нужное место, была мне слишком хорошо известна. Человек, заплативший системе деньги, становится ее невольни-

ком. И мы, члены экспедиции, тоже должны были стать такими невольниками, поскольку добраться до цели со своим грузом иначе не могли. Но! Как раз из нашего пункта можно было, после небольшого перехода, сплавиться к морю, а там в устье реки находился поселок с взлетно-посадочной полосой и более или менее регулярным воздушным сообщением с двумя большими поселками, из которых уже можно далеко улететь, аж до магистральной трассы Дальний Восток – Москва. Не исключено, что я слишком уж серьезно продумывал план эвакуации, но мне действительно становилось легче и веселее на душе, когда я понимал, что выход в «жилуху» мы в принципе можем осуществить самостоятельно. Была бы лодка подходящей конструкции. Или две – например, две ЛАС-5.

Когда Абаза увидел в моем списке две надувные лодки, он спросил:

– Там что, озеро или затопленный кратер?

В его голосе смешивались удивление и ехидство.

– Нет, что Вы! Это на всякий случай. Чтобы можно было выбраться хотя бы самосплавом.

– Сколько времени на это понадобится?

– Примерно месяц. Возможно, недели три.

– За месяц нас и вертолетом доставят.

– Если его за нами пошлют.

– А что, могут и не послать?

– В нормальной жизни – нет, конечно.

– А что тогда значит в «ненормальной»?

– Ну, например, когда случается что-нибудь страшное в крупном масштабе.

– Например?

– Например, какое-нибудь кошмарное землетрясение в Тихоокеанском огненном кольце или рядом с ним. Или война. Тогда о нас могут забыть или, даже продолжая помнить, должны будут нами пренебрегать. Тут уж будет не до нашего спасения.

– Вас послушать, Николай Михайлович, волосы на голове встанут дыбом.

– Изю всех сил стараюсь выполнять ваше поручение, Андрей Владимирович. Вы просили предусмотреть снаряжение на все мыслимые случаи жизни. Вот я их и предусмотрел.

– Хм, – буркнул Абаза и надолго задумался. – А где эти лодки можно достать?

– У военных, из списываемого снаряжения. Они продают его вполне официально. Оплата через отделения связи, переводом. Там же и надувные спасательные плоты – знаете, такие понтоны с палаткой?

– А плоты на сколько человек?

– Есть разные. На шесть, на десять и даже больше. Подобные могут быть и у торговых моряков.

– Так, может, тогда лучше один плот?

– Не думаю. Тяжел, всё в одной упаковке. На воде тихоходен и неповоротлив. Лодки маневреннее и, по-моему, на-

дежней. На них и сплав быстрее.

В конце концов в списке остались две лодки. Видимо, Абазу тоже не устраивало стать случайной жертвой эпохальных исторических потрясений или катастроф. Однако к лодкам я прибавил еще и шесть надувных спасжилетов. Сказав «А», приходится говорить и «Б».

Абаза тем временем вербовал добровольцев. Я уговорил его сначала кликнуть клич в соответствующих кругах и просмотреть кандидатуры откликнувшихся. Затем с подходящими нам познакомиться и даже устроить в природной обстановке сбор на несколько дней. После этого выбрать, но не раньше.

Надо сказать, что голосу моего благоразумия он внял с довольно кислой миной. Да и то сказать, у него был свой идеал: высокий профессионал – интеллектуал, с которым можно до одури обсуждать проблемы. А мне нужен был человек, который не превратится в недовольное и ненавидящее всех животное с гонором, в свою очередь ненавидимое всеми. Но ведь и Абазе хотелось застраховаться от подобной заразы, и он нехотя согласился со мной. К моему удивлению, заявок на четыре вакантных места в экспедиции поступило не так уж мало – в среднем семь на каждую специальность. Абаза ожидал, что будет больше. Судя по всему, меня надо было считать осторожным пессимистом, его – умеренным оптимистом.

В письмо с приглашением в экспедицию мы с Абазой

включили просьбу указать, какого рода работу они хотели бы выполнять, имеют ли они опыт работы в полевых или походных условиях, готовы ли, помимо основных дел, выполнять обязанности бытового характера (приготовление пищи, заготовка дров, установка бивака и т. д.). Я полагал, что людей, которые напишут, что не намерены участвовать в такой работе, не будет, однако ошибся. Целый ряд интеллектуалов считал себя столь ценным приобретением, что, по их мнению, экспедиция сама должна была побеспокоиться о поварах и рабочих. Документы таких претендентов я сразу откладывал в сторону, Абаза же размышлял подолгу, прежде чем последовать моему примеру. Таким корифеям науки и техники мы отвечали стандартным письмом, в котором благодарили за отклик и за готовность отложить на время свои дела ради поездки на край света, однако комиссия рекомендует направить в поле для сбора данных и образцов более молодых и еще не достигших высот в науке людей, надеясь воспользоваться предложенными ими высококвалифицированными услугами при анализе и обработке привезенных экспедицией материалов. Это здорово облегчило нам дальнейший труд по отбору кадров. Первый шаг был сделан, и Абаза стал почти столь же решительным, как я.

Процедура личного знакомства с претендентами была простой. Беседу вел Абаза, я в основном слушал его вопросы и ответы претендента и лишь изредка вставлял свой вопрос. Как он определял их фактическую, а не номиналь-

ную научную компетентность, я понимал не всегда. Но вот в делах походных и житейских мы явно менялись ролями, и уже он не всегда понимал, что мне импонирует в одних людях и кажется неприемлемым в других. Однако я доверял его выводам, а он моим. Кандидатуры тех, кто не прошел ни по критериям Абазы, ни по моим, мы больше не обсуждали. Те же, кто удовлетворял нас обоих, автоматически становились кандидатами второго тура. Над остальными приходилось задумываться.

Поразительно, но нашим общим требованиям удовлетворяли представители только одной специальности – геологи. А вот подходящих фотографа-оператора и экстрасенса мы с первого захода так и не нашли. Среди предложивших свои услуги служителей киноискусства не оказалось ни одного трезвенника – никого, кто мог завязать с выпивкой на всё время экспедиции. Короче, с оператором вопрос на время завис. Не лучше было и с экстрасенсом. Хотя несколько обладателей сверхнормальных способностей и предложили свои услуги, нам не составило особого труда понять, что ни экспедиция, ни уфология их не интересуют. Они явно рассчитывали застолбить не освоенную пока что «территорию» и выйти на новый уровень известности и новую клиентуру. Против этого не было бы возражений, если бы существовала уверенность, что они станут делать свое дело. Но уверенности не было. Абаза решил не торопиться: вдруг кто еще проявится. Пока же я позаботился лишь о том, что-

бы зарезервировать для экстрасенса отдельную палатку. Мне не раз доводилось слышать, что в присутствии экстрасенса многие здоровые люди чувствуют себя плохо. Больным его воздействие идет во благо, а здоровым, пусть и не всегда, во вред. Вообще, может, ну его к лешему! Однако в комиссии все были уверены, что без экстрасенса никак не установить наличие каких-то неуловимых для приборов эффектов – он требовался, даже невзирая на риск, что кому-то или всем участникам экспедиции станет не по себе в его присутствии.

Ну, раз нужен, значит, нужен. Будем ждать.

А пока мы делали каждый свое дело – и Абаза, и другие члены комиссии, и я, и даже часть кандидатов, вполне справедливо решивших, что чем раньше и активнее они примутся за работу, тем выше их шансы попасть на «плешь».

Добывать снаряжение и продукты было непросто, однако к весне имущество экспедиции сформировалось уже в таком виде, что мы могли осуществить тренировочный сбор. Место выбрали не сразу. С точки зрения экономии лучше было остановиться на Подмосковье. С позиций же определения рабочих качеств и совместимости кандидатов лучше было отъехать от Москвы подальше, в более глухое место, притом такое, где действительно нашлось бы чем серьезно заняться. Я поинтересовался у Абазы, не получал ли он известий о каких-либо странностях в радиусе пятисот-шестисот километров от Москвы, где-нибудь в северных районах Нижегород-

ской, Вологодской или Кировской области?

Порывшись в картотеке, Андрей Владимирович нашел сообщение, что в Вятке, то есть в Кировской области, почти у границы с Коми, в лесах, до которых еще не добрались леспромхозовские лесосеки, охотники обнаружили странное место, где на них нападала, что называется, морб́ка: они незаметно для себя теряли ориентацию, их начинало «водить» (хотя раньше в той местности ничего подобного не происходило), а потом возникало ощущение, что их вроде как выталкивают оттуда. Выходили охотники из места порчи в не совсем здоровом состоянии: у кого слегка кружилась голова, кого лихорадило. И все как один клялись, что ни за какие коврижки не сунутся туда снова. Ориентировочно границы «пятна» очерчивались верховьями нескольких рек вблизи водораздела между системами Вятки и Вычегды. Космические снимки ничего необычного там не фиксировали.

По карте выходило, что обследовать надо местность километрах в двадцати от поселка Важелка. Путь от Важелки к «пятну» по весенней тайге вполне подходил в качестве испытательного трека для всех участников, в смысле выносливости и пригодности к работе. На сами исследования и испытания мы с Абазой отводили неделю.

III

Поезд уходил поздно вечером. На предварительном собрании мы условились, что все возьмут с собой экспедиционное снаряжение, свою долю продуктов и ту часть общего груза, которая каждому была ближе по специальности. Я примерно выравнивал эти части общего груза по весу. Брать с собой что-то еще не возбранялось, но в жестких пределах, поскольку на каждого и так приходилось килограммов по двадцать пять. К счастью, геологам-геофизикам и геологам-геохимикам ничего объяснять и не требовалось. Договорились о том, что охотники могут взять свои ружья, а рыбаки – свои снасти. Так должно было больше походить на то, что мы понесем на «плешь». Предвидя возможные трудности с билетами, я включил в свое личное снаряжение аэрофлотовскую фуражку и лётную «демисезонную» куртку синего цвета – атрибуты корпорации, которые, я был уверен, в любом аэропорту помогут сойти за своего.

Поначалу все были сдержанны и вроде бы чересчур деловиты. Однако в поезде за ужином мы довольно быстро отбросили чинность. Я понял, что Абаза взял билеты в плацкартный, а не купированный вагон не только ради экономии. Все шесть человек разместились в одном отделении – обстоятельство, которое сходу стало нас сплачивать. Юмор прорезался сразу у всех, хотя на столике не было спиртного. Абаза

шутил, как и остальные, в том числе над собой. Он больше не был организатором мероприятия и действительно не выглядел таковым.

Вагон погрузился в сумерки. Плафоны тлеи едва-едва. На скорости нас сильно мотало. Сон не шел. Мысли о предстоящем походе все крутились и крутились в голове. Когда перед самым Кировом в вагоне включили свет, стало видно, что никто из нас толком не выспался. Меньше всего сейчас хотелось вылезать из душноватого уюта в холод, сырость и темноту...

Через час мы вошли в бревенчатое здание аэровокзала, и сердце мое сжалось. Все было до боли знакомо: зал ожидания с убогой обстановкой, спертый воздух, люди, лежащие в проходах и по углам, люди в аэрофлотовской форме, отстраненно и деловито снующие мимо этой неприглядности, будто не замечая ее. Неужели именно в такой атмосфере прошли лучшие годы моей жизни?

Абаза сунулся было в кассу и быстро вернулся назад.

– Обстановка такая, – сообщил он всем, обращаясь, однако, ко мне. – Вылетают на Важелку не по жесткому расписанию, а когда есть загрузка. Николай, надо идти к начальству.

– Что ж, пойдём.

Я уже успел заметить обе двери, за которыми исчезали люди в летной форме. Одна, судя по запаху, прорывавшемуся в зал ожидания всякий раз, как ее открывали, вела в столовую летного состава. Следовательно, другая – к помещениям

служб и начальства. Я шел впереди, Абаза за мной. Мне понравилось, что он обратился ко мне просто по имени, правда, еще по полному, но уже без отчества – не так, как всегда. Это значило, что он уже на полдороги до привычного мне обращения «Коля» и «на ты». Про себя я тоже решил называть его только Андреем.

Косясь на таблички, я дошел до двери с надписью «Начальник аэропорта», постучался и, не ожидая ответа, вошел. Сидевший за столом человек в тужурке с негнувшимся от шевронов рукавом не сразу поднял на глаза, и поэтому я первый узнал его.

– Сашка, здорово! Я и не знал, что ты здесь!

Какой-то миг он непонимающе взглядывался в мое лицо, затем оно определенно засветилось:

– Колька! Какими судьбами тут?!

Мы обнялись. Сашка Васильков делал первые шаги в авиацию вместе со мной. В училище мы были дружны. В каникулы он не раз приезжал ко мне, точнее – к моим родителям в Москву. Потом пути разошлись, меня отправили в Среднюю Азию, его – в ПриВо. После сокращения военной авиации мы оба пробились в «Аэрофлот» и вскоре потеряли друг друга из вида. И вот – он еще продолжает карьеру, а я уже за бортом. Ну и пусть, если ему нравится хоть так, на земле, держаться за авиацию. Жаль только, что это уже не лихой, озорной юноша, который много чего умел делать в воздухе.

– Я тут у тебя как вольный человек!

– Да ну! Я о тебе, вообще-то, кое-что слышал!

– Что нарушаю летные нормы? Это что ль?

– Само собой! Где тебя настигло?

– На Северо-Востоке. В полярной.

– Ну-у! Там этим трудно вызвать раздражение!

– Ну, значит, ухитрился. При взаимном желании несложно. А ты как?

– Да как видишь! Чего об этом... – он было спрятал под моим взглядом глаза. Но тут же поднял их и совсем другим тоном спросил.

– А ты по делу?

– Да вот с экспедицией надо бы поскорей в Важелку попасть. Познакомься – наш руководитель Андрей Владимирович Абаза. Александр... – я было запнулся, но тут же вспомнил – тоже Владимирович Васильков, мой давний друг, очень близкий. Последние два слова подсластили Сашке пилюлю. Улыбаясь, они с Абазой пожали друг другу руки.

– Значит, вам надо на Важелку? – произнес мой в давние времена действительно близкий друг, обращаясь к Андрею и одновременно поправляя меня – здесь надо говорить не в Важелку, а на Важелку.

«Ничего. Запомним», – подумал я. Знание местных нюансов всегда полезно для дела.

– А сколько вас?

– Шесть человек, и у каждого по двадцать пять килограм-

мов, Александр Владимирович.

– Почти полная загрузка, – сказал Сашка. Он задумался было, но тут же начальственно взялся за телефон.

– Люся? Есть у нас сейчас кто на Важелку? Ага. Ну вот что, тут на Важелку экспедиция летит. Шесть человек с багажом. Оформи рейс побыстрее.

Он положил трубку и с симпатией посмотрел на нас.

– Ищете что-то, Коля?

– Ищем, Саша.

– Небось, не скажете что?

– Нет, скажу. Мы даже посоветуемся с тобой. С надеждой на помощь.

– А о чем?

– Слышал ты от своих пилотов что-нибудь об НЛО в этих краях?

Добродушная Сашкина физиономия мигом изменила выражение. Из старого приятеля он превратился в официальное лицо.

– А почему вас это интересует?

В ответ Абаза молча протянул ему письмо на бланке Академии наук СССР о том, что комиссия по изучению данных о неопознанных летающих объектах просит официальных лиц, организации и отдельных граждан, наблюдавших эти объекты, оказать содействие в работе экспедиции под руководством кандидата физ.-мат. наук А. В. Абазы и передать им информацию и любые материалы, связанные с наблюде-

нием НЛО. Официальность лица начальника аэропорта Василькова по мере чтения бумаги несколько смягчилась, однако не сошла совсем на нет. Я, кажется, понял, в чем было дело:

– Вам, как водится, из министерства дали указания, что НЛО не существует, и поэтому никаких сведений о них никому не давать?

Поколебавшись немного, Сашка утвердительно кивнул и явно ждал, что я скажу еще.

– Тем не менее, они исправно появляются то здесь, то там. И вашему авиатранспортному предприятию, кстати, тоже приносят неприятности: действуют пилотам на нервы, выводят из строя приборы, создают предаварийные ситуации и явно могут вызвать катастрофы, если только пожелают. Так?

Сашка снова кивнул.

– Так что же? – продолжил я. – Есть у нас право не изучать их, не выявлять хотя бы какие-то их слабости, в то время как наши слабости им хорошо известны? Ясное дело – нет. Демагогия насчет того, что их не существует, имеет целью одно – успокоить людей. Но демагогия демагогией, а о защитных мерах власть задумывается. И для начала надо узнать что-то по существу об этих НЛО, чтобы потом придумать способы защиты или —чем черт не шутит! – сотрудничества.

Я почувствовал, что меня немного занесло. Хорош летчик, туды его в качель! Пусть хоть ненадолго вспомнит, ка-

ким раньше был, когда мы вместе бегали по девчонкам и оба мечтали пройти конкурс в отряд космонавтов или, в крайнем случае, летчиков-испытателей. Теперь, прямо как у Дюма «двадцать лет спустя», бывший потенциальный космонавт довольствовался креслом начальника аэропорта и лишними двадцатью килограммами веса в придачу, и боялся все это потерять из-за такой глупости, как НЛО. Тем не менее сердился я на него, все-таки любя и понимая, что мужчине, скажем так, средних лет действительно уже не к лицу думать, мечтать и поступать, как мальчишке. Такие юноши-переростки, как я, – аномалия, даже если они не гоняются за НЛО. А уж если гоняются – то тем более. Что о них можно сказать? Только одно: что они все еще ходят в коротких штанишках.

Тем временем я продолжал:

– Комиссия по исследованию НЛО получала сведения с разных сторон и из независимых друг от друга источников, причем они были очень сходны между собой. Обобщив эти сведения, удалось понять, что они здесь почему-то болтаются чаще, чем в других местах, и подолгу остаются примерно в одном и том же месте – недалеко от границы между вашей областью и Коми, но все-таки не в Коми, а у вас. Я почти не сомневаюсь, что наблюдения летчиков вашего отряда могут сильно облегчить нашу задачу. Саш, скажи, неужели ты не знаешь? Все равно нам надо его найти и обследовать, иначе все останется непонятным. Но сами мы прова-

ландаемся Бог знает сколько! Саш, помоги, тут ничего криминального нет.

Видимо, Сашку задел подтекст моей просьбы – дескать, не трусь, ничем не рискуешь. Он в решительной манере встал из-за стола и сказал:

– Ладно, кое-что я могу вам сказать. Но сначала посоветуюсь с еще одним человеком, который там бывал чаще меня. А пока, – с улыбкой добавил он, – чтобы тебе, Коля, не было скучно, я устрою тебе встречу с одним человеком. А Андрея Владимировича провожу и помогу побыстрее устроить рейс.

Сашка, не приземляясь в кресло, дотянулся до телефона, набрал двухзначный, явно внутренний номер и без обращения спросил:

– Медосмотр закончился? Зайди ко мне. Прямо сейчас.

Он вышел из-за стола и остановился рядом с поднявшимся со стула Андреем. Чувствовалось, что он хочет дождаться вызванного человека. Дверь открылась, я обернулся и успел заметить взгляд вошедшей женщины в белом халате, сопровождавшийся вопросительным кивком головы снизу вверх:

– Чего у тебя?

Сашка повернулся в мою сторону, и женщина последовала за ним глазами.

– Ты-ы?.. – изумилась Инка, узнав меня с той же быстротой, как и я ее.

– Как видишь, – ответил я, шагнув ей навстречу.

– Невероятно, – отозвалась она.

– Почти, – подтвердил я, взяв в ладони ее локти и привлекая к себе.

– Сколько лет!..

– Уйма.

– Не мог предупредить, – упрекнула она.

– Так я же не знал, что вы с Сашкой здесь.

– Друг называется.

Сказав это, Инка повернулась к мужу (да, именно к мужу – это совершенно ясно) и спросила:

– Ты его когда отвезешь к нам?

– Ин, – встряхнул я ее, – никуда он сейчас не сможет меня отвезти, кроме как на Важелку.

– Причем тут Важелка? Что за ерунда?

– Не ерунда, – сказал Сашка, – он с экспедицией летит туда. Знакомься, вот его руководитель. Андрей Владимирович – Инна, моя жена.

Андрей элегантно, со светской улыбкой поклонился, пожимая ей протянутую руку. Я подумал, что улыбка далась ему без всякой натуги. Инка выглядела прекрасно, даром что двадцать лет спустя. Фигура только чуть пополнела, что, пожалуй, только добавило ей пиканта. Глаза светились прежним блеском, если не ярче. Видимо, за прошедшие годы она стала еще решительней, чем была, потому что я услышал из ее уст совет, нет, приказ:

– Саш, устрой им нелетную погоду!

– Поздно, – улыбнулся я. – Саша уже распорядился

оформить рейс. Но главное – экспедиция очень ограничена по времени пребывания в поле. Я один там вольный человек, которого не ждут на работе.

– Ты на пенсии? – слегка удивилась она.

– Видишь перед собой законченного старика и еще спрашиваешь?

– Тоже мне шуточки! – без юмора возразила она. – А сколько времени пробудете там, на Важелке?

– Неделю. Максимум десять дней, если только не велишь устроить нелетную погоду.

– А на обратном пути сможешь задержаться?

Я посмотрел на Сашку. Он кивнул, подтверждая согласие с предложением жены.

– Смогу, вероятно, – сказал я.

– У них до отлета еще минут сорок, – обозначил себя Сашка, но Инка даже не повернулась к нему.

«Не сделала бы ему больно», – подумал я, проникаясь дружеским сочувствием к мужу, всамделишному мужу своей бывшей любовницы, каковой он ее и знал двадцать лет тому назад.

Сашка взялся за ручку двери и объяснил:

– Я выйду на несколько минут с Андреем Владимировичем. Вы оставайтесь тут. Он мужественно улыбнулся. Я подумал, что эта улыбка далась ему не просто, но виду он все-таки не подал и с прежней смелостью оставил нас одних. На что он полагался? На верность супруги? На порядоч-

ность человека, преемником которого, причем постоянным, он стал, не попрекая ни свою избранницу, ни опередившего его друга? Мне оставалось только гадать. Единственное, что я сразу отверг, – это мысль, что он специально испытывает меня, а еще больше – преданность Инки. Такая лихость была бы для него за пределами допустимого риска, да и для меня на его месте тоже.

– Как ты живешь? – спросила Инка, подступая ко мне.

– В каком смысле? С кем? Один.

– Все еще один, – выдохнула она не то с сожалением, не то с натугой.

Неужели она до сих пор не могла смириться с тем, что после выпуска из училища не дождала меня? Заглянув ей в глаза, я понял, что прав.

– Почему ты не дал знать, что будешь здесь?

– Да повторяю. Я вообще не подозревал, что вы с Сашкой именно здесь. Не будь задержки с вылетом, я бы вообще мог к нему не зайти. А оказывается, здесь живет и работает не только Сашка. Вы когда поженились?

– Да через год после тебя! Ты что, не знал?

– Нет.

– Сашка тебе не написал?

– Об этом – нет, хотя мы в то время еще переписывались.

– Странно, – сказала Инка, глядя мимо меня.

– А ты не находишь, что ему было неудобно сообщать мне это?

– А что тут такого? – возразила Инка. – Неприлично, что ли?

– Да нет, – с досадой ответил я, чувствуя она все равно не поймет. – Мне кажется, так он просто проявил свою деликатность.

– А-а! Какая там деликатность! Есть о чем говорить! Подобных случаев в жизни – мильон! Чего уж тут умалчивать?

– Каждый такие случаи переживает по-своему. Ты лучше скажи, как стала медиком?

– Поступила в медучилище. В гарнизонах или в заштатных аэропортах где женщине, жене летчика, работать? Только в столовой или в медицине.

– Ну что ж, это похвальная дальновидность, – одобрил я и добавил. – Тем более что летчики в основном народ здоровый.

– А тебя за что списали с летной работы? И давно ль?

– Да нет, всего месяцев девять назад. Как достиг пенсионного возраста, так и попросили.

– А сам-то ты уже налетался?

– Если откровенно, то не совсем. Но надоело чувствовать над собой чужую власть. Вот это определено.

– Ты во всём не как все.

– Едва ли, – не согласился я. – Пожалуй, лишь кое в чем.

– Ну, этого твоего «кое в чем» для любого другого за глаза хватит. И для начальников, конечно, тоже.

– Да, для начальников, конечно, – подтвердил я. – Зато

теперь их у меня нет. Разумеется, кроме нашей родной коммунистической партии и нашего родного советского правительства.

– Ай, брось, не трать время!

– А на что мы его можем употребить?

Инка и я посмотрели друг другу в глаза. Может, мне не надо было делать этого. Потому что в её глазах я прочел то же, что и двадцать лет назад – предложение отправиться в постель. Конечно, сейчас я мог сделать вид, что ничего такого не заметил. Но вместо этого сказал:

– Сейчас ничего не получится.

– А когда?

Я пожал плечами:

– Может быть, на обратном пути. Если это действительно стоит делать.

– Ты сомневаешься? – с упреком спросила Инка.

– Только не в тебе и не в Сашке. Теперь ведь всё уже не так.

– Ну и что? – пожала плечами Инка. – Разве у тебя всё прошло?

Я не ответил. Желание обладать привлекательной женщиной, которой ты не внушаешь никаких иллюзий насчет того, что женишься на ней, и перед которой не желаешь нести никакой ответственности, разумеется, не пропало. Но и Сашку обижать было не за что, хоть он и пополнил и оставил, говоря языком Бабеля, «этих глупостей» нашего летного прошлого.

го. Но тут вспомнилось, что расстаться с авиацией меня вынудили такие же бывшие летчики, как Сашка. Наверно, они были не хуже и не лучше его, а их мне совсем не было жалко, как и им – меня. Мы находились с ними по разные стороны невидимого, но реально существующего барьера. И как я им ничем не был обязан, я в этом случае ничем не был обязан и Сашке. Они выбрали служение своим жизненным удобствам, я же пытался сохранить верность мечте. И Инка, наверное, тоже сохранила, хотя ее мечта отличалась от моей.

– Ладно, не будем загадывать – сказал я. – Дай прежде вернуться, а там увидим.

– Обещай, что останешься на обратном пути.

– Если Богу будет угодно, чтобы я вернулся, останусь.

Она быстро поцеловала меня в губы и тут же отпрянула. То ли из-за того, что сюда могли заглянуть посторонние, которым незачем было знать, чем занимается в кабинете начальника аэропорта его благоверная, когда муж на минуту оставил свое рабочее место. То ли из-за того, что сама еще не была готова представить, каким может быть наше новое соединения.

«Теперь начнет деятельно работать над этим», – без тени иронии подумал я.

– Ты голоден? – спросила внезапно озаботившаяся Инка.

И то верно. Любящая женщина всегда считает своим долгом хорошо, как на работу, накормить мужика, с которым собирается лечь в постель.

– Пожалуй, да. Мы еще не завтракали.

– Так пойдем в нашу столовую, – предложила Инка, – там прилично кормят. Я имею в виду летный состав, – добавила она, заметив мой недоверчивый взгляд.

Да, она явно хотела продолжить общение со мной не наедине, а на людях.

– Мне не очень удобно откалываться от наших. Тем более, что им подадут из другого котла.

– Это я устрою, – возразила она.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся я при виде ее решимости смести с нашего пути все преграды.

– Поцелуй меня, – попросила Инка.

Я пригнулся, поцеловал, и мы вышли из кабинета ее мужа.

В столовой я застал вполне привычную атмосферу. В клубах пара, вырывавшихся при подаче тарелок на поднос из раздаточного окна, крутились фигуры поварих и дородных официанток. Крики: «Сúпа, давай, сúпа!», запахи нехитрой еды, стук сыпаемых в ящики ложек, вилок и ножей вернули меня назад, в прежнюю жизнь авиаотряда, когда надо было подчиняться не только регламентам службы, но и – вынужденным образом из-за отсутствия нормального дома – правилам общей трапезы. Не могу сказать, что я соскучился именно по этой стороне моего прошлого бытия, но сейчас она всё-таки несколько взволновала. Инка села за столик напротив меня и что-то негромко сказала сразу подошедшей к нам официантке в белой наколке с красивым деревенским

лицом, замечательной грудью и великолепными бедрами, которая успела бросить на меня быстрый любопытствующий и оценивающий взгляд. Я не остался у нее в долгу и проводил ее взглядом, когда она отошла. Ничего не скажешь – у пилотов местных авиалиний был мощный стимул для питания и работы. Особенно по ночам.

– Ты по-прежнему не можешь оставить без внимания ни одной юбки!

Ироническое замечание Инки вернуло мое внимание к ней.

– Ну уж, скажешь – ни одной! Только некоторые, особо выдающиеся!

– Узнаю брата Колю, – процитировала Инка.

– А я и есть всамделишный Коля! – засмеялся я. – Надеюсь, приблизительно тот же самый, что и много лет назад.

Тогда она очень хотела замуж по примеру своих красивых старших сестер, уже вышедших за молодых летчиков. Инка была ничуть не хуже, поэтому надеялась, что и у самой все получится о'кей, но с «братом Колей» вышла осечка. А о том, что она всё-таки взяла свое с другим пилотом, я еще полчаса назад не знал. Слава Богу, с сестрами она могла чувствовать себя на равных. Словно угадывая мои мысли, Инка сказала:

– Уж если я не сумела заставить тебя жениться, неудивительно, что никто до сих пор не смог.

Я взглянул на нее. Лицо гарной украинской дивчины было по-прежнему привлекательным и свежим. Будь у нее боль-

ше мысли в глазах и голове, я бы тогда, возможно, и не устоял. А так оказалось не особенно трудно оставить ее и перестать нуждаться именно в ее ласках: в каждом гарнизоне или аэропорту можно было найти очень сведущих в этих делах дев и дам, и не каждая из них стремилась выйти замуж, хотя и такое, куда денешься, тоже было.

– Я надеюсь, ты тут не очень скучала, – сказал я.

Двусмысленность моей фразы вряд ли пришлась ей по душе, но она приняла вызов и показала, что способна ни в чем и никому не уступать:

– Ничего, не жалею.

– Ну и прекрасно! Дети у вас есть?

– Есть. Сын и дочка.

– Надеюсь, красивые, потому что должны быть похожи на тебя, особенно мальчик.

Инка покраснела. Compliment пришелся кстати.

– Он и правда красивый, уже почти взрослый. Через год школу кончает.

– Девушки им интересуются?

– Ой, и не говори!

– Смотри, чтоб до времени не женили.

– Я смотрю, – без смущения засмеялась она, уловив мой намек на ее прошлые усилия.

– А девочка?

– А вот приходи – увидишь. Мне кажется, хороша. На два года моложе нашего Коли.

« Вот это номер! – подумал я. – Оказывается, Сашка и это стерпел».

– А как дочку зовут?

– Ира. Пока учится хорошо.

– А парень?

– Когда старается, то очень хорошо. Но это у него не всегда.

– Понятно. А чем он еще интересуется, кроме, надеюсь, девочек?

– Любит гонять на мотоцикле. Читает фантастику.

– О воздухе думает?

– А как иначе? Вырос возле аэродрома! Отец его часто с собой брал.

– Будет поступать в училище?

– Да.

– В военное?

– Нет, в гэвээфовское.

– Ну и правильно, – одобрил я. – Людей возить всегда надо. И летать будет больше, чем в ВВС.

– А ты не жалеешь, что выбрал такую специальность? – спросила Инка, явно думая о том, что я вынужден теперь думать о приобретении новой профессии.

– Я? Нет, конечно! Просто вот немного не повезло с местом рождения. В другой стране мог бы купить себе самолет и летать, летать в свое удовольствие, сколько влезет. Но, думаю, не доживу до того времени, когда у нас это будет воз-

можно, а если, паче чаяния, будет, то денег на свой самолет у меня уже не окажется точно.

– Ну, а чем ты теперь будешь заниматься?

Этого вопроса надо было ждать.

– Если говорить о том, чем займусь сейчас, то тебе это вряд ли покажется солидным. Буду искать следы НЛО. А что дальше – еще не знаю.

– Господи! В самом деле ни в чем не повзрослел! Ты что, до старости будешь вести себя, как мальчишка?

– А кто сказал, что я обязательно дотяну до старости? – возразил я. – Так уж лучше прожить свои годы с интересным занятием.

В ее глазах я прочел сожаление. И прощение. И то верно. Черного кобеля не отмоешь добела. Какой есть, такой есть.

Великолепная официантка снова подошла к нашему столу. Инке она передала кофе и булочку («По-французски!», – успел подумать я), мне – полный летный обед, как «своему». Это был совершенно обычный жест гостеприимства по отношению к члену пилотской корпорации, однако теперь, после моего ухода с летной работы, он все-таки трогал. Я поблагодарил официантку, вкладывая больше чувства во взгляд, нежели в слова и голос, и прочел в ее глазах твердое обещание доброты, если когда-нибудь буду в ней нуждаться.

Мне всегда были приятны женщины ее круга, блюдущие верность своим мужчинам, которым служат искренне и с любовью, дабы им лучше леталось. И в то же время их все-

гда было немного жаль. В общем-то, я не был уверен, что от своих любимых они получали столько же, сколько отдавали. Ну разве можно поставить рядом упоительное удовлетворение, получаемое летчиком, с недостижимостью полного счастья которая с самого начала осеняет каждый новый роман этих женщин? Ведь мечтой их был все-таки брак, и такое иногда случалось, хотя не часто. У одних летчиков были жены, другие, вроде меня, не хотели жениться ни на ком. Воздушные извозчики, что ни говори, отличаются умом и какими-никакими интеллектуальными запросами. Чего не скажешь о женщинах из авиационной obsługi. Вот и мучились «видные» дамы в свои лучшие годы недоумением: чего же любящие мужчины не берут их в жены?

Все это очень быстро пронеслось у меня в голове, но Инка успела почуять мое отвлечение от своей особы и взяла меня под прицел.

– Нравится? – спросила она об официантке.

– Нравится, – кивнул я. – Разве странно?

– Нет, нисколько, – ответила Инка. – Это еще один признак твоего мальчишества. Разве нет?

– Неужто она нравится только мальчишкам? – возразил я. – По-моему, она хоть кого может возбудить, даже старца.

– Ну, а такая, как я, тоже может?

– Ну, ты способна на большее.

– На большее?

– Ты способна не только возбудить и всколыхнуть,

но и привязать.

– Тебя так и не привязала.

– Ну, меня – нет. Зато Сашку.

Она промолчала.

– Разве тут есть о чем горевать? – спросил я.

Инка снова промолчала.

– Что тебя гложет? Что в этой жизни не обходится без осечек? Так это у всех не обходится, исключений нет.

– И у тебя? – спросила она.

– И у меня.

– А с кем?

– Сейчас не об этом речь. Важно другое. Видно, нам так свыше дают время от времени по носу – на место ставят. Из этого я сделал вывод...

– Какой?

– ... что надо смиренно принимать урок и не пытаться во что бы то ни стало переиграть всё в свою пользу. Лучше сказать себе: «Это был не твой час». И «твой» точно придет, если признаешь, что заслуживаешь неудачи и впредь глупостей не будешь делать.

– А как оно придет, это «твое»?

– Откуда я знаю? Это наперед неизвестно. Может, вообще не наградят.

– Кто это наградит?

– Как кто? Вседержитель наших судеб. Кто ж еще?

– Ты что, веришь в Бога?

Я кивнул.

– И давно? – продолжала допытываться Инка.

– Очень давно, – уверил я ее. – Задолго до знакомства с тобой.

– Раньше ты ничего об этом не говорил.

– Зачем? – пожал я плечами. – Ты думала, только атеист может вести самолет? Если так, то ошибаешься. А сама-то веруешь?

Инка не ответила, но я понял, что молить Бога то об одном, то о другом ей случалось.

– Ладно, оставим эту тему, – сказал я. – Вы как, думаете отсюда куда-нибудь перебираться? Или здесь вполне нравится?

– Думаем. Хотелось бы в Москву или на юг.

Задача была не из легких. Сколько я ни знал народу из числа делающих послелётную карьеру, у всех цель была одна: Москва или благословенный юг. Только Москва, как известно, – не резиновая, да и юг заселен выше крыши, в том числе начальством. Мне говорили, например, что штатные должности смотрителей маяков на черноморском берегу разбираются почти исключительно отставными адмиралами.

– Сашка уже прощупывает почву?

– Да, что-то ему обещают. Он старается.

– А ты?

– А что я? Что я могу сделать?

На сей раз пришла моя очередь промолчать. В большинстве известных мне случаев перевода периферийных начальников в Москву или в престижный регион успех предприятию приносили специфические усилия их жен. У меня не было никаких сомнений, что и Инка прекрасно знает об этом. И она поняла, что я знаю.

– Неохота мне быть инструментом его успеха, – наконец призналась Инка. Сказала и замолчала, потому что я ничего не ответил и не спросил. Выразительные темные Инкины глаза, слегка подернутые поволокой, никого бы не оставили равнодушными. Грудь и нижний бюст могли разбудить кого угодно. Но сейчас она старательно подчеркивала, что, зная все это, не извлекает из своих природных ресурсов никакой выгоды. Она очень хотела, чтобы я думал о ней хорошо.

Я посмотрел в ее погрустневшее лицо с обиженно сомкнутыми полными губами и против воли улыбнулся.

– Нашла о чем грустить! Все образуется!

– Тебе легко говорить! Ты коренной москвич. А другим как?

В самом деле, другим-то как? Ловчить, продаваться жуликоватым начальникам-хамам и угождать перед ними? Или покорно сносить, обуздывая в себе жажду столичной экспансии, довольно тухлую провинциальную жизнь? Мне больше полутора десятков лет, проведенных на дальней периферии империи, в самом деле было легко, потому что я мог не думать о последнем, тыловом аэродроме в своей карьере –

он у меня и так был по естественному праву – праву рождения – и по протiwоестественному праву прописки. Кроме того, мне нравилось летать в тех диких краях, из которых большинство провинциалов стремилось поскорее убежать, улететь или уехать. И теперь в их глазах я, и без того казавшийся странным типом, становился еще более странным, убегая из Москвы обратно, в манящую неразгаданными тайнами дикость. В этом моем несоответствии норме и была, кстати сказать, одна из причин, почему я не захотел накрепко связаться с Инкой. Не скажу, чтобы она любила меня за то, что я москвич, но последнее обстоятельство придавало мне дополнительную прелесть, ибо сулило приятную перспективу жить в Москве.

И вот с Москвой до сих пор ничего не получалось. «Ничего, получится, если очень захочет», – машинально подумал я и тут же поймал себя на том, что эта мысль меня несколько не радует. Провинциалкам, стремящимся перебраться в столичный град, куда чаще приходится изворачиваться и поступаться элементарной моралью, чем дамам Москвы, Питера или Киева.

– Иннушка, – позвал я ее, как когда-то, и повторил, – Иннушка.

Она широко открыла глаза, и было в них столько накопившегося отчаяния... Наконец, не размыкая скорбно сжатых губ, она спросила легким кивком головы снизу вверх, мол, «Что? Зачем звал? Неужели всё вспомнил?»

Вспомнить-то я, конечно, вспомнил, потому что и так никогда не забывал: постель в квартире харьковской кухни, Инку, не меньше меня стремившуюся испробовать всё, что возможно. Я помнил, как она после трусиков снимала чулки, поднимая и вытягивая стройные полные ноги, как из лифчика почти выпадала рельефная крупная грудь, как меня распирало там, где и должно распирать, откуда с ее помощью из меня не выскочит заряд на радость ей и мне, чтобы после недолгой паузы и новых ласк все напряжение возродилось и снова ушло в нее – и страстную, и покорную, и требовательную, и побуждающую.

– Помню, – не отрывая от нее взгляда, кивнул я. – Ты забываема. Это так, без вранья.

Я почувствовал вдруг прилив благодарности и к грустной Инке, и к своей памяти о нас с ней. В сущности, что еще я стал бы вспоминать из прошедшей жизни, как не такие вот события и сцены, а не только отчаянно-лихие взлеты и посадки или лучшие из прочитанных книг. Инка осталась в числе добытых мною сокровищ.

Подошел Андрей и, извинившись перед Инкой, сказал, что нам пора выходить на посадку.

– Мне бы надо расплатиться за еду, – заметил я, кивая в сторону рубенсовской официантки.

– Со своих не берем, – ответила Инка.

И то правда – не только по духу, но даже и по одежде я все еще был своим – вроде как залетевшим на запасной аэро-

дром в связи с закрытием своего по метеоусловиям. Только мои метеоусловия были теперь совсем другие. И путь в кабину и кресло пилота заказан. Я теперь обыкновенный пассажир.

Мы подошли к ограде летного поля. Сашка поджидал меня здесь вместе с командиром экипажа.

– Знакомься, – сказал он своему пилоту, – это мой друг Николай Волгин, ас полярной авиации. Коля, полетишь с Валерием Ильиным. Он хороший летчик.

Мы пожали друг другу руки. Парень по виду был моложе меня лет на десять, но молоджавость могла быть и обманчива, тем более что глаза и взгляд тянули на большее.

– Слышал о вас, – сказал Ильин.

– Очень приятно, – ответил я.

Все двинулись к самолету. Наши ребята грузили на борт рюкзаки. Я повернулся к идущим сбоку Сашке и Инке.

– Жаль, что так мало общались, – сказал я первое, что пришло на ум.

– А ты задержись у нас на обратном пути, – солидно посоветовал Сашка.

– Обязательно! – подхватила Инка.

В ее голосе слышалась уже директива.

– Постараюсь, – улыбнулся я. – Мимо вас обратно не проскочишь.

– А ты бы хотел? – спросила Инка.

Посмотрев ей в глаза, я серьезно ответил.

– Нет.

Мы обнялись, сказали все разом «до свиданья!», и я шагнул к трапу.

Командир пропустил меня вперед, потом поднялся сам, за ним закрыли дверь, и гостеприимных хозяев не стало видно. В привычном голом интерьере фюзеляжа, разлинованном стрингерами, я застрял непривычно близко ко входу, на наклонном боковом сидении. Экипаж направился в нос машины. Мысленно я, как и командир, только по памяти контролировал предполетные проверки. Включился стартер, и мотор сразу своим ревом перекрыл его песню. Погоняв по газам, пилот двинул машину в старту. Полет на Важелку начался.

Я следил за разбегом в иллюминатор. Как только дрожь от бежавших по полосе колес перестала передаваться каркасу, я понял, что летчик оторвал машину от земли на нужной скорости. Почти сразу же самолет еще больше задрал нос, расстояние между нами и бетонной полосой быстро увеличивалось, и вот мир снова широко распахнулся во все стороны. На душе стало веселей. Что ни говори, а взлет в чужом исполнении всегда ждешь с трепетом.

Машина набирала высоту, пока мы не остановились на высоте тысяча метров. Я смотрел на проплывавшие под нами лесные и болотистые участки, на мелькавшие кое-где речки и по привычке прикидывал, где можно попытаться сесть, если что-то случится с нашим чудным, но – увы! – единствен-

ным мотором. От этих мыслей меня отвлек свист из пилотской кабины. Кто-то из экипажа сделал мне приглашающий жест. Под понимающими взглядами членов нашей компании и еще двух летевших с нами незнакомых людей я прошагал по вещам, загромождавшим пол, придерживаясь руками за шпангоуты и стрингера. Протиснувшись мимо зазывавшего, прижавшегося спиной к блокам радиоаппаратуры, я оказался между двумя пилотами. После фюзеляжа тут казалось поразительно светло. Первый, командир, показал второму, чтобы он отдал мне переговорное устройство. Я принял наушники и привычно быстро надел их на себя.

– Как вам наши места, Николай Михайлович? – услышал я располагающий к разговору голос командира. – Похожи на ваши?

Оказывается, Сашка успел поговорить с ним обо мне еще до того, как мы познакомились.

– Немного похожи, – согласился я, быстро оглядевшись кругом, – и всё же не очень. Там, помимо тайги, еще и очень резкий рельеф, если ты не над приморской равниной или не над поймой широкой реки, Валерий?..

– Не надо, – ответил он как можно приветливей. – Просто Валерий.

– Ну, тогда и я – просто Николай.

– Не-е-ет, так нельзя, – повернулся он ко мне, – вы для нас фигура почтенная! Без отчества нельзя.

– Вот и ходи после этого в друзьях у начальника аэропор-

та! – с шутовой грустью отозвался я.

– Ну что Вы! Это не из-за вашей дружбы! У вас там, конечно, все сложнее, я знаю. Поэтому и хочется знать, как здесь, на Ваш взгляд.

Я понял, что его во мне занимает, и одобрил. Парень любую встречу хотел использовать для пополнения профессионального арсенала. Дельно.

– С посадочными местами у вас тут тоже не разбежишься, – после секундного раздумья сказал я.

– А что бы Вы сейчас, к примеру, выбрали для вынужденной?

– Давай прикинем, – я и не заметил, как перешел на «ты». – Теоретически можно спланировать в радиусе десяти километров с нашей высоты. Так?

– Так.

– Но столько на нагруженной машине без мотора не пролетишь. Значит, попробуем найти что-то поближе. Проведем-ка границу километров за восемь. Это первое.

– А как? – озадаченно спросил он.

– Если летаешь над одной местностью часто, надо просто запомнить расстояния по карте между заметными ориентирами. Ну, это ты и без меня знаешь. А главное – надо постоянно практиковаться. Взглянув куда-то по курсу или в сторону – прикинул, сколько до ориентира и тут же проверил себя по карте. Да так не раз – и с разных высот. И скоро убедишься, что видение с правильными оценками вырабатыва-

ется. Вон до той речки, которая появилась впереди слева, семь километров. Проверь.

– Да, семь, – вскоре подтвердил он.

– Дальше. Садиться на деревья, на скалы, россыпи, да еще с неубирающимися шасси, сам знаешь, чем кончится. Тут уж лучше что поровнее – болото, но только рядом с кромкой леса, или река. Если есть пляж, галечная коса, обнажившаяся отмель – самое милое дело. Не беда, если узко и можешь зацепиться крылом, но тогда старайся зайти так, чтобы зацепиться сразу и правым, и левым. Если одним – воткнешься куда-то вбок. Садиться на воду тоже можно, но с расчетом, чтобы тебя к кромке берега по инерции поднесло. Тонуть в аппарате тоже не сладко. Но главное – экономно расходовать высоту. Стараться иметь запас возможно дольше. Полезно время от времени тренироваться в безмоторном полете, с большим запасом высоты, ну, и над местностью, где можно сесть без особых проблем. Привыкнуть планировать с малым углом тангажа, лишь бы не терять управления.

Я заметил, что Валерий, смотревший вперед, кивнул мне головой. Наверное, он этот маневр проделывал.

– Еще, на крайний случай, если сплошь всё заросло и нет никакого просвета, постарайся выбрать, где деревья потоньше, да пониже, и над ними потеряй скорость почти до нуля над самыми верхушками, и так парашютируй до земли. Удар, конечно, будет, но, может, его что-то смягчит, за что-то зацепишься, ну, в общем, как Бог даст. Тут уж любой мелочи

обрадуешься. Лишь бы боком не врезаться в толстый ствол. И ему не поздоровится, и тебе. А насчет посадки на россыпь, я одно только смог придумать, но проверять не проверял. Постараться на приличной скорости, когда под крыльями еще хороший воздушный поток, аккуратненько снести шасси о какую-нибудь гребенку, барьер, взяв перед моментом касания ручку немного на себя, чтобы парировать опрокидывающий момент и не скапотировать. Но это не дай Бог. Главное, как в этом потренируешься?

Валерий снова подтверждающе кивнул.

– А что делать, если машина плохо управляется? – спросил он.

– Если шалят рули, пробуй играть элеронами и закрылками. В этом, кстати, можно упражняться сколько угодно. Тут полезен опыт Сент-Экзюпери. Ты читал его «Военного летчика»? Нет? Почитай. Там он пишет, что на десятикилометровой высоте у французских самолетов-разведчиков в начале войны замерзала жидкость в гидросистеме управления рулем. Ниже лететь – немцы собьют. Держать эшелон и в то же время маневрировать не получается.

– И что он?

– Кое-как подправлялся элеронами. Ну, это ему приходилось импровизировать, а нам грех заранее не воспользоваться подсказкой. Пробуй! Только не сейчас.

Он рассмеялся.

– А как садиться на речной и озерный лед?

– О! Это целая наука! Когда мороз устоится, тогда несложно, лишь бы в талик не влететь. Но это все-таки заметно по цвету снега. На талике он темней. Главное же – коснувшись льда, стараться понять, будет ли он держать без аэродинамической поддержки крыльями. Скорость надо держать, если, конечно, нет риска во что-то воткнуться, и смотреть, что под лыжами или колесами сзади – мокреть или что. Плохо – из нашей кабины этого не увидишь. Надо дверь на ходу открывать и кому-то из экипажа смотреть. Если видно воду, взлетай обратно, коли можешь, ищи что-то еще. Ну, вот тут, я смотрю, еще ничего. Речки узенькие, неглубокие, есть шанс, что весь самолет в воду не погрузится. Лишь бы в завал какой не влететь... Кстати, ты на не расчищенную от снега полосу на колесах не садился?

– Нет, не приходилось.

– Тут тоже трудно решить, что делать. Хорошо, если он пушистый. Тогда сильно тормозить не будет. И то хорошо бы, его глубина была не больше половины радиуса колеса. А на более плотный, глубокий и вязкий, по-моему, одно возможно делать без опасения скапотировать – это ухитриться погасить скорость почти до нуля на высоте метров около двух и плюхнуться парашютированием. Тут очень важно знать, что центровка правильная. Вот только сложность в определении расстояния. Что-нибудь темное надо либо высмотреть на поверхности, либо самому предварительно выбросить. А при посадке на гладкую воду, если берег не ря-

дом, ошибиться в оценке высоты еще проще. Я читал – раньше летчики на похожих на наш аэропланах бутылки с бензином сначала кидали в воду и потом ориентировались по пятну. Не то могли воткнуться в воду раньше, чем успевали подумать. Альтиметры вращали – кстати, они и сейчас могут вращать, – так что старайся все время знать, на какой высоте над поверхностью сейчас находишься, не только по прибору, но и по опыту. Ты еще не устал от моей болтовни?

– Нет, несколько! Почаще бы такое слушать!

– Побольше читай воспоминания летчиков, особенно старых. Нам в малой авиации они ближе любых современников. Тем более, что им было во всех отношениях труднее, чем нам.

– А кого порекомендуете?

– Ну, из полярных – Михаила Каминского, Грацианского, и Аккуратова тоже, хоть он и не летчик, а штурман, но очень наблюдательный человек. Громова, конечно, Коккинаки, Сент-Экзюпери, Водопьянова, ну и еще всех, кто много летал и чьи фамилии сейчас не вспомню. Не знаю, писал ли Константин Константинович Арцеулов. Мне не встречалось. А если писал, надо бы прочесть.

– Он кто?

– Старейший летчик у нас. Еще до первой мировой начал летать. Любимый внук Айвазовского. Дед мечтал, чтобы он тоже художником стал. Единственный человек, которому он разрешал бывать в мастерской, когда там работал. А он...

Как мы с тобой.

– Со мной в училище был один, – живо отозвался Валерий. – Уехал из дому сдавать экзамены в консерваторию по классу скрипки и так в летное училище со скрипкой и по-ступил!

– Во-во! Аналогичный случай, – подтвердил я. – Какие подарки делали ребята своим любящим предкам! Ни в сказке сказать, ни пером описать! Твои-то не огорчались, что в летчики пошел?

– Мои – нет. Не очень.

– Ну и правильно. Заранее огорчаться все равно без пользы. Только нервы трепать.

– Николай Михайлович, а в грозу Вы летали?

– Нет. Удирать приходилось, а внутрь, к счастью, не попал. Ничего там в грозовой туче не видно, никакие приборы не работают, кроме, говорят, авиагоризонта, и только и жди разящего удара с любой стороны, а до него тебя так швыряет, что и без молнии крылья могут отскочить. Это уж форс-мажор, непреодолимая сила. В отдалении от хорошей грузовой тучи и то поймешь, что ты никто, мельче букашки в своем «ероплане», а уж тем, кто внутри грозы, и вовсе скверно. Некоторые, правда, выбирались. Но сами не понимали, как.

– И мастерство не помогало?

– А где его там показывать? Так что лучше драпать от грозы во все лопатки. Что, собственно говоря, и предписывает делать инструкция.

Я умолк, почувствовав, что слишком уж разговорился. Пожалуй, полезнее для нашего дела было послушать Валерия.

– Ты давно летаешь в этом направлении? – спросил я. – Не только на Важелку, а вообще на Север, поближе к Коми?

– Да года три. Каждую неделю по два-три раза, а то и чаще. А что?

– Понимаешь, у нас тут экспедиция от комиссии по изучению НЛО.

– Да, я знаю. Васильков говорил. Вас интересует, не видел ли чего такого?

– Да, – подтвердил я. – Так видел?

– Самих летающих тарелок – нет, хотя разговоры слышал. А вот какое-то странное свечение в воздухе, причем пасмурным днем или в ранние сумерки, когда еще в принципе не темно, видел. Причем именно на севере, где-то в районе границы с Коми.

– А какое оно было?

– Ну-у... пожалуй, похоже на полярное сияние. Большие пятна, иногда световые занавесы, только более стойкие, не такие колеблющиеся.

Я кивнул.

– Но что-то все-таки их отличало, кроме меньшей подвижности?

– Пожалуй, да. Гораздо быстрее занимают, им не надо

разгораться постепенно. А ярче намного. В ранние сумерки у нас сияний не видать.

– А подолгу светило?

– По-разному. То несколько минут, то горит все время, пока не удалишься. Не прерываясь, минут по сорок, по пятьдесят.

– А бывают свечения, прерываемые паузами?

– Да.

– И большие перерывы?

– По часам не засекал, но это минутные затмения, не секундные. Повторялись по-разному. От двух до семи раз. Это я запомнил.

– А приборы как себя вели?

– На таком удалении нормально. Это, кстати, тоже отличает такие свечения от обычных сияний. Я смотрел на магнитный компас. Не метался, не колебался. Странно, да?

– В этом деле, почти все странно, кроме боязни властей говорить об этом.

– А что вы рассчитываете найти?

– Если повезет с информаторами, то, возможно, места приземления. И там по ним поползать, поснимать, поизмерять. С приборами мало кто оказывался в подобных местах. Ты, кстати, не видел круглых плешей в тайге?

– Идеально круглых?

– Ну, может, почти – эллипс, овал.

Валерий покачал головой.

– Бывают и болота примерно круглой формы. Поди узнай, обычные они или нет.

– Это верно. А размеры этих круглых болот какого порядка?

– Метров под сто – самые маленькие. Но бывают и больше километра.

– В этой местности?

– Да, и в этой тоже. А вас какие больше интересуют, большие или маленькие?

Вопрос Валерия застал меня врасплох. Я подумал, не посоветоваться ли с Андреем, но решил, что это еще успеется. Главное, «наша» северо-восточная плешь по этой градации была небольшой.

– Больше, пожалуй, малые. Метров по семьдесят или около того, – сказал я.

– Пару таких я держу на примете в качестве запасных ориентиров в этом районе.

– А где?

– Одно еще до Важелки, километров за тридцать, немного в стороне от трассы. Подвернуть туда?

– Если несложно. А другое?

– А другое за Важелкой, к северо-западу, примерно в двадцати километрах.

– На твоей полетной карте они есть?

– Да. Но это я их сам точками отметил. Вот, смотрите – здесь и здесь.

Я всмотрелся в карту. Вокруг обеих точек был обозначен лес. В рельефе не было никаких особенностей – ни высоты, ни впадины. Так, ровная местность. Чуть не подумал: «Как плешь».

– Можно будет перенести эти точки на нашу карту? – спросил я.

– Конечно. Тайны тут никакой. Сами увидите. Как есть болота. Только что круглые и маленькие. Вырубок здесь никто бы таких не сделал. Да и дорог к ним нет. Ни новых, ни заброшенных.

– Любопытно.

– К первой плещи подлетим минут через пятнадцать.

– Пойду тогда предупрежу нашего начальника. Пусть тоже посмотрит.

– Ага, посмотрите. Только не снимайте. А то, если узнают, мне здорово нагорит.

Я кивнул. По секретной инструкции, с которой и меня в свое время знакомили, о нарушающих запрет фотографировать землю с воздуха полагалось сразу же сообщать по радио в аэропорт прибытия, а там уже самолет должны были встречать люди из органов. Недаром долгое время главное управление по геодезии и картографии было при НКВД. Затем при генштабе. Но хрен редьки не слаще – все равно снимать нельзя было даже из-под полы. Раз Валерий предупредил, значит не вполне уверен в ком-то из своих или из пассажиров – могут наступать. А тогда действительно не обе-

решься.

Я вылез из кабины и спустился с «небес на землю». Крича Андрею на ухо, я объяснил ему, что скоро мы подлетим к одному круглому пятну внутри леса, и попросил достать карту. По масштабу она на была вдвое крупнее полетной, но на ней тоже не было обозначено ни одного круглого пятна в районе Важелки. Андрея мое сообщение заинтересовало. Я предупредил, что снимать не получится, иначе подведем первого пилота, а он и так ради пятна отклонился от трассы. Андрей кивнул. В этом смысле он был абсолютно надежный парень.

– Минут через десять подлетим.

– Он посигналит?

– Да, наверное, включит сигнальную лампу.

Я показал ряд из трех разноцветных плафончиков на переборке пилотской кабины,.

– А они работают? Не провороним? – усомнился Андрей.

– Должны работать, – ответил я, однако, подумав, сказал:

– Ты последи за сигналом, а мы с ребятами будем через иллюминаторы смотреть вниз слева.

Андрей понимающе кивнул.

Под нами постепенно перемещались участки леса, обычно довольно молодого, выросшего из посадок, делянки вырубок, исполосованных дорогами и захламленных не выведенной древесиной или порубочными остатками (рубки были все как одна сплошные, самые гадостные из всех), болота, изредка довольно широкие поймы узеньких рек. Через

какое-то время боковым зрением я увидел, что на переборке зажглась сигнальная лампа, и тотчас вытянул шею, вглядываясь вниз и вперед. Валерий уже снизился на пару сотен метров. Нам хорошо было видно небольшое пятно, вокруг которого сплоченно стоял молодой сосняк. Внутри круг был пуст – там не было ни поваленных деревьев, ни обуглившихся стволов и ветвей, ни, как мне показалось, болота, хотя этого с гарантией нельзя было утверждать.

Мы провожали пятно глазами, пока оно не ушло назад и не исчезло из видимости. Андрей переместился ко мне.

– Что скажешь? – спросил он.

– Похоже, – сказал я, пожав плечами. – И дорог к этой плещи не было видно никаких, даже давних. Но здесь непонятна подстилающая поверхность. У меня была видна скала.

– Неплохо было б приземлиться... – задумчиво произнес Андрей.

– Тогда, возможно, не понадобится лететь на край земли.

– Нет, что ты! Одно другого не заменяет. Просто неплохо было бы их сравнить по всем параметрам. В том числе и с тем пятном, которое дальше, после Важелки. Как думаешь, там рядом есть где посадить вертолет?

– Почему нет? Метрах в восьмистах – голая пойма речки. Там можно посадить машину и обосновать лагерь, а оттуда расчистить тропу к плещи. Ты что, хочешь договориться по радио о спецрейсе из Важелки на обратном пути?

– Может, даже и не из Важелки, а из той точки, где мы бу-

дем работать на границе с Коми. Об этом с твоим другом можно договориться?

– Не знаю. Наперед не скажешь. Ты вот что попробуй: Валерий ведь сегодня же вернется на базу. Отправь с ним гарантийное письмо и одновременно записку с предложением оплаты наличными. Если с нашей рации не удастся поговорить с Васильковым, то уж в Важелку-то он сможет прислать ответ.

– Верно, так и поступим, – решил Андрей.

Он был явно доволен: испытательный полигон, выбранный им на севере Вятского края, оказался перспективным полем деятельности, причем гораздо более масштабным, чем думалось поначалу. Но хватит ли у нас времени и сил обследовать все выявленные объекты? Андрей наверняка обдумывал сейчас, как можно ускорить работу на севере. Однако я полагал, что пока у нас в руках слишком мало данных для того, чтобы строить какие-то расчеты. Так оно, в общем, и вышло.

IV

В Важелке мы приземлились на выгон, с которого согнали привычно пасущихся там коров, – дело известное, не пропадать же земле даром. Сколько раз мне случалось гнать коров с полосы, заходя прямо на них и пугая ревушим мотором. На скатах крыши аэродромного домика был написан

номер населенного пункта для ориентации с воздуха. Непонятно только, как эта система работает зимой, когда крыши напрочь завалены снегом.

Улетать обратным рейсом в Киров собралось уже несколько человек. Среди них двое выделялись явно городской одеждой: высокий плечистый мужчина с бородкой, эдакий ушкуйник или вольный казак из флотилии Стеньки Разина, и миловидная очень молодая женщина, явно при нем. Мы сразу перекинулись с ним любопытствующими взглядами. А чуть позже, передавая Валерию бумаги для Василькова, мы снова оказались рядом. И тут выяснилось, что ушкуйник провожает, а не летит. Он обнял женщину, поцеловал ее, затем посадил в фюзеляж и подал вслед чемодан. Пообещав сделать все, о чем мы просим, Валерий попрощался и тоже поднялся на борт. Ушкуйник не уходил. Вот уж изнутри закрыли дверь, потом чихнул и запустился мотор. Аппарат двинулся с места и развернулся для разбега против ветра. Провожающий замахал рукой. Самолет с ревом пошел на взлет. Махать дальше стало бесполезно. Заметив, что я наблюдаю за ним, ушкуйник без церемоний подошел ко мне и представился.

– Я главный врач здешней больницы, Александр Березин. Вы к кому-то в поселке?

– Нет, мы – небольшая экспедиция. Я ее участник, Николай Волгин.

Пожимая его руку, я невольно обратил внимание на то,

как она велика и сильна.

– Вы хирург? – догадался я.

– Хирург, – с удовольствием подтвердил он. – А вы пилот?

– Да пилот, правда, теперь уже бывший.

– Что так?

– Возраст.

– Вам много не дашь, – возразил он.

– А у нас и не держат до старости, – объяснил я.

– А экспедиция, если не секрет, зачем?

– Ищем следы пребывания НЛЮ, в том числе на почве.

– Ну-у! – пораженно воскликнул он. – А где?

– К северу от Важелки, у границы с Коми.

– Seriously?

– Seriously. Можем показать бумагу из комиссии при Академии наук.

– Да нет, я не о бумагах. Мне они... – он прервал сам себя, чтобы не сказать незнакомому, что он о них думает и как вообще расценивает бумаги... – К тому же я и не местная власть, хотя, к слову сказать, все-таки избран членом районного совета. Меня интересует насчет НЛЮ – это вы серьезно?

– Вполне серьезно, – подтвердил я, – и несмотря на всю их неувовимость для науки.

– Тогда приглашаю вас ко мне. Жenu вот проводил, в квартире при больнице места много, никого не стесните.

– Так нам сразу надо на место. Времени у нас мало.

– А куда вы сегодня пойдете? – возразил он. – Все равно

Ивана Абатурова дома нет. Будет только вечером.

– А при чем здесь этот Иван?

– А при том, что он завтра пойдет в свою избушку, как раз в ту сторону, куда вам надо. Лучшего проводника не найти. Вы же дороги не знаете?

– Нет.

– Ну тогда и дождитесь его, только время сэкономите. Так идем?

– Сейчас скажу о вашем приглашении нашему лидеру. А кроме Ивана туда некому провести?

– В данное время нет. Один он свободен. Это я вам точно говорю.

«Точно так точно», – подумал я и пошел сообщать о предложении Березина Андрею.

Тот подумал, взвесил «pro» и «contra» и решил, что даже при полусуточной задержке с проводником мы доберемся до места скорее, чем идя самостоятельно. Я вернулся к доктору и сказал, что мы согласны.

– Вот и хорошо, – обрадовался он. – Пойдемте. Нам на ту сторону.

Поселок от аэродрома отделяла не то речка, не то река. Она была быстра, и в этом месте ее ширина доходила метров до сорока. Подвесной пешеходный мостик был поднят высоко над водой и даже над берегом – до его шаткого настила надо было подниматься по ступеням, как на второй этаж. Сверху провисший узкий мост выглядел пугающе, но тол-

стые тросы внушали доверие.

– С него часто падают?

– Нет, не очень. С пьяных глаз.

– Неужели мало пьют?

– Не-е... пьют как полагается. Падают редко.

– Выплывают?

– Кто как.

– А вообще у вас работы много? Как у хирурга?

– Да, в общем, хватает. То аппендицит, то ножевое ранение, то травма на лесозаготовках, то еще что-нибудь.

– А оборудование? Все есть, что полагается?

– Какое там! – махнул он рукой. – Света и то иногда не бывает. Даже во время операции. В поселке дизель вырубает в одиннадцать часов. Дальше делай как хочешь. Не так давно оперировал одного, пырнули ножом в живот. К концу операции вырубил свет, хотя я и послал сказать, чтоб не вырубали. Пришлось заканчивать при фонариках.

– И как?

– Да плохо. Пациент умер. Назначили экспертизу. Обнаружили, что я не все разрезы зашил. Один маленький – с сантиметр – остался. Его просто не было видно. Пришлось оправдываться перед прокурором.

– Ничего себе! И чем кончилось?

– Да все подтвердили ему, что дело не во мне. А так, худо-бедно, но я почти всем нужным кое-как обзавелся. И то лишь потому, что я ёбаный депутат районного совета!

А так и этого бы не имел.

Я подивился, как он метко окрестил себя, точнее, свою депутатскую должность и масштаб возможностей избранного народом лица, а еще больше – власти всего райсовета. Вскоре мы свернули с грязной улицы, по бокам которой стояли деревенские дома, в какой-то заулочек, к обширному одноэтажному зданию в виде буквы «П». Это и была поселковая больница. Одно крыло занимала квартира доктора. Из трех комнат обставленными оказались только две маленьких, а большая проходная зала оставалась совершенно пустой, если не считать большого стола и двух лавок. Хозяин предложил расположиться в меблированных помещениях, но Андрей и следом все мы дружно запротестовали, доказывая, что нам мебели не надо, у нас при себе в рюкзаках свой комфорт. Березин не стал возражать, и мы устроились на полу.

Неожиданно образовавшийся в наших занятиях вакуум надо было чем-то заполнить. Березин пригласил осмотреть больницу. Он действительно постарался укомплектовать ее чем надо, особенно же операционную. Больных было на удивление мало: женщина, которой удалили аппендицит, бойкий мальчик с рукой в гипсе и пара мужчин, наблюдавших после отравления. Да и больница оказалась невелика. Экскурсия быстро закончилась, и мы решили приготовить обед.

Это было первое испытание наших кулинарных способ-

ностей. Я вызвался варить гречневую кашу. Геохимик Виктор Петрович развел огонь в дровяной плите и принялся за сооружение яичницы. В кухню заглянул Андрей. Березин, пройдя мимо него, вдруг ни с того ни с сего спросил:

– Вам причиняли неприятности почки?

– Было дело. По поводу камней.

– По-моему, они и сейчас там есть.

– А как вы определили?

– Уловил рукой.

Мы с Андреем тотчас переглянулись.

– Вы экстрасенс? – спросил он.

– Что-то в этом роде. А что?

– Нам как раз и нужен такой человек.

– Для чего? Лечить кого-то в экспедиции?

– Нет, чтобы установить, существуют ли в месте предположительной посадки НЛО какие-либо поля или эффекты, которые не в состоянии зафиксировать приборы, но которые, вероятно, мог бы ощутить экстрасенс. Вы с рамкой работали?

– Это которая крутится? Нет. Она реагирует на аномалии?

– Да.

– А у вас она есть?

– Есть. Но в наших руках она вряд ли закрутится.

– А мне можно попробовать?

– Разумеется.

Андрей принес рамку. Саня взял ее и начал ходить по кух-

не. Мы напряженно следили за ним. Проходя за спиной геохимика, Саня вдруг с изумлением уставился на рамку, когда она вдруг весьма заметно отклонилась от прежнего положения. Постояв несколько секунд, он пошел дальше. Рамка вернулась в прежнее положение. Саня вернулся назад. За спиной Виктора Петровича она снова развернулась. Ни у кого не осталось сомнения в том, что таким образом действительно можно уловить нечто невидимое.

– Интересно, – пробормотал Березин и начал водить рамкой вдоль тела каждого из нас. Кое у кого она меняла ориентацию, и Саня в таких случаях объяснял, какую патологию он здесь усматривает голой рукой. Похоже, что даже такая примитивная инструментальная возможность диагностирования казалась ему достаточно ценной.

Обследовав рамкой всех, кто был в квартире, он решил обойти больницу. Итоги испытания «прибора» он передал в следующих словах:

– Рамка реагирует на наличие и даже на интенсивность вредных для человека факторов.

И не успел я спросить: «Почему именно вредных?», как Березин добавил:

– Знаете, мне захотелось сходить с вами к этим плешкам от посадок. Надо все-таки знать, навредили они нам или нет. Если да, то от этих мест надо держаться подальше.

В этот момент я уже знал, о чем теперь думает Андрей: у него наконец появился шанс укомплектовать весь требуе-

мый состав летней экспедиции.

Наша трапеза за общим столом затянулась. К экспедиционной еде, включавшей, помимо яичницы и каши, консервы, колбасу и сыр из Москвы, Саня Березин выставил и свои две «поллитры». И хотя на этот счет у Андрея возражения явно были, он промолчал. Словно читая его мысли, Саня сказал:

– Литр водки на семерых мужиков – это не о чем говорить. Просто выпьем с вами за знакомство.

Оно и в самом деле. На каждого выходила почти символическая доза.

Тем не менее и ее хватило, чтобы у большинства развязались языки. Беседы шли вокруг разных странных случаев и в экспедициях, и в медицине. Наши коллеги-геологи, то есть геофизики и геохимики, за свою еще в общем недолгую жизнь в избытке навидались и наслышались всякой всячины. И о найденных месторождениях жильного золота, которые не удавалось найти во второй раз, хотя из первого открывателями были доставлены весьма впечатляющие и по качеству, и по массе образцы. И о целых народах, исчезнувших в Арктике. И о нескольких крупных осколках таежных и тундровых племен, которые ухитрились на пять десятилетий пропасть из поля зрения советской власти. И о староверческих тайных поселках, где жители истово придерживаются обрядов и, главное, морали средневековой, дониконовской Руси. И о бесследных исчезновениях партий и экспедиций, на поиски которых бросались крупные силы.

И о встречах с людьми гигантского роста, с которыми не удалось при этом вступить в контакт и о которых вообще ничего нельзя было выяснить ни из расспросов старожил, ни из легенд. Не было только рассказов о личных наблюдениях НЛО, и Саня Березин не преминул это отметить.

– Я-то думал, что все вы ищете то, что однажды уже видели и что больше от себя не отпускаете, – сказал он.

– А нас и без этого не отпускает, – усмехнулся в ответ Андрей.

– То-то и странно! – обронил Саня.

– Ты что, сомневаешься в нашем психическом здоровье? – улыбаясь, спросил я.

Мы уже с ним уже твердо перешли на «ты», в то время как остальные еще путали «ты» и «вы».

– Да нет, – ответил он. – Чего я буду сомневаться в вашем здоровье? Мужики вы явно нормальные, только интерес ваш какой-то странный.

– А вот с этим я как раз и не согласен, – вмешался Андрей. – Если бы мы своими глазами видели инопланетный корабль, то, вопрос, существуют НЛО или нет, отпал бы сам собой. А так мы вынуждены собирать доказательства, большей частью косвенные или субъективные, которые убедили бы в реальности НЛО других таких же не видевших, как и мы.

– С этим действительно нечего спорить, – согласился Саня. – Но ведь вы уже уверены, что НЛО – не выдумка,

не фантазия. На чем же основана эта ваша уверенность?

– Пожалуй, на двух вещах. Первая – это вполне разумное предположение, что мы не единственные мыслящие существа во вселенной и, тем более, не венец мироздания. Вторая заключается в том, что люди, по большому счету, ничего не умеют выдумывать.

– Как не умеют?

– Да так. Исказить виденное могут, и даже обязательно это делают. А вот вообразить нечто совершенно небывалое не умеют. Я, во всяком случае, такого не знаю. И потому верю тем, кто утверждает, что наблюдал НЛО и еще что-то, что с их появлением связано. Но официальная наука, то есть те люди, от которых зависит, придать ли серьезный масштаб исследованию этой проблемы, только и твердят о жертвах галлюцинаций и надувательстве. А в результате мы не можем сделать так много, как хочется или как надо бы, но все же сохраняем надежду на то, что постепенно наберем столько данных, что от них уже не отмахнешься. Вы, Саша, ведь не случайно же хотите пойти с нами?

– Ну, конечно, хочу сам в чем-то убедиться. Любопытство меня подталкивает так же, как и вас.

– Давайте выпьем за наше любопытство.

Все чокнулись и выпили.

Саня ушел из-за стола по каким-то своим делам, пообещав, что, как только в поселок явится Иван Абатуров, сразу приведет его сюда.

Он появился вместе с Иваном где-то уже в седьмом часу. Мы с любопытством вглядывались в лицо и фигуру проводника. Он выглядел молодым, хотя что-то явно огрубляло его раньше времени. Тем не менее черты лица и, главное, взгляд светло-синих глаз располагали к себе. В поселке Иван работал кузнецом, а в тайге охотником, промышлявшим пушнину в течение промыслового сезона. Плечи его, как и должно быть у кузнеца, выглядели могучими, а рост едва ли был больше среднего, тем не менее, выглядел он очень крепким человеком, и я, в отличие от Андрея, не очень волновался, когда Саня Березин наливал ему стакан за стаканом из новой пол-литры.

На тихий полувопрос-пролупротест Андрея: «Как же он завтра нас в тайгу поведет?» Саня ответил: «Не волнуйтесь, для него это привычно, поведет как миленький. Сами не проспите, будьте готовы к выходу в шесть часов. А сейчас надо же показать ему наше уважение, верно?».

Верно-то верно. Но когда Иван ушел от нас домой, сильно покачиваясь, я тоже начал жалеть, что проявлять уважение на Руси каким-либо другим способом было не принято. Тем не менее Саня, тоже выпивший больше любого из нас, хотя и поменьше Ивана, повторил: «Не волнуйтесь. Как договорились, так и выйдем в шесть часов. Сами-то будьте готовы».

Мы постарались подготовить все, что можно, заранее, и в половине одиннадцатого легли спать. Маленький походный будильничек поднял меня в пять утра. Я сразу пошел

кипятить чай и готовить бутерброды, затем устроил побудку и вышел из дома наружу. Поселок спал. Заря еще нигде не пробивалась сквозь тьму. Было облачно, холодно, но сухо. Когда я вернулся, народ уже был на ногах, каждый занимался своим делом, и внешне это выглядело как суета и разнобой. Тем не менее до шести мы успели слегка перекусить, приготовить кое-какую еду на дорогу и упаковать рюкзаки.

Прибирать Саня не велел, возложив этот труд на свою санитарку. Впрочем, особенно мы и не насвинячили, и даже посуда была у нас в основном своя. Так что кроме рюмок, тарелок и стаканов из буфета Березина убирать санитарке ничего не пришлось.

V

Иван явился к больнице точно в назначенное время. В свете фонаря у входа в больницу он осмотрел нас, согнувшихся под внушительными рюкзаками, и явно неодобрительно покачал головой. Сам он был с небольшим рюкзаком. На плече висела ижевская одностволка, фуфайку перепоясывал патронташ «бурский пояс». Сбоку патронташа в специальную стальную скобку было продето топориче среднего по размеру топора. Я подумал, как ловко Иван устроил это – топор всегда под рукой, но ничуть не стесняет действий. Такие вещи надо заимствовать без раздумий. У ног Ивана крутились две его лайки – Дамка и Тарзан.

Мы двинулись вперед за нашим проводником. Только-только светало, промерзшая за ночь дорога была плохо видна. Судя по обилию сброшенных вдоль нее раскряжеванных древесных стволов, дорога была лесовозной. Я подумал было, что по ней стоило проехать в грузовике – все проще, чем переть на себе рюкзаки, – но вскоре Иван остановился и, показав рукой на узенькую просеку, у начала которой стоял квартальный столб лесоустроителей, сказал: «Пройдем по грани». Я понял, что просека является границей между соседними кварталами. Лесоустроительная экспедиция прокладывала Эти прямые пути были довольно узки, едва достаточны для того, чтобы человек не задевал плечами деревья с обеих сторон. Идти было тяжело. Мы совсем еще не втянулись в маршрутную жизнь, а пройти нам сегодня предстояло километров двадцать.

Где-то впереди громко залаяли обе собаки. Немного послушав, Иван изрек: «Глухаря лают», – быстро, уже совсем новой походкой, лавируя между деревьями, пошел на шум. Я без промедления двинулся за ним и вскоре увидел, что Иван сбрасывает ружье с плеча и берет его в руки. Я тоже перекинул через голову погон своей двустволки. Иван оглянулся на меня, поднес палец к губам, призывая к молчанию и осторожности, но неудовольствия не проявил. Мы подошли уже достаточно близко к месту, от которого несся лай. Иван сбавил темп и теперь внимательно всматривался перед собой. Вот он поднял руку, показывая мне, что видит и что-

бы я стоял, а сам сделал еще пару шагов вперед, замер и вскинул ружье. Ствол глядел куда-то вверх, но я, как ни силился, ничего не успел рассмотреть. Выстрел громом разорвал тишину. Спустя несколько мгновений тяжелая черная масса птицы повалилась, перекидываясь с ветки на ветку, вниз. Иван поспешил к петуху. Тарзан уже победно придерживал шею подстреленной дичи зубами. Хозяин ласково и одобрительно потрепал за шею пса, полез в карман фуфайки и дал ему угощение.

– Смотри, – довольно сказал Иван, держа птицу и сам любясь ею.

Шея глухаря отливала зеленоватым золотом. Красные брови, борода под клювом, а главное, величина действительно вызывали восхищение.

– С полем! – сказал я.

– Спасибо, – ответил Иван. – Большой. Килограммов шесть будет.

Он снял рюкзачок и упихнул туда глухаря, видимо, сразу удвоив вес своего заплечного груза.

Мы вернулись к «грани», и снова в однообразном движении пришлось мечтать о скорейшем привале, лишь бы дать передохнуть наливающимся болью плечам. В конце концов мысль об этом вытеснила из моей головы любые другие. Наконец, мы вышли из мрачной чащи на свет Божий и оказались на берегу речки, которая вся целиком, насколько хватало глаз, была сплошь забита раскряжеванными стволами.

– Рояльная древесина, – коротко пояснил Иван.

– А зачем она мокнет несколько месяцев?

Этого Иван и сам не знал, но, очевидно, так полагалось.

– Нам на тот берег? – спросил Андрей.

– Да, – ответил проводник. – Так по бревнам и перейдем.

Главное, переступить надо быстро, иначе в воду уйдешь. Держитесь за мной.

Не говоря больше ничего, Иван спустился к урезу воды и точно выверенными короткими прыжками перескочил на другой берег. Все заморожено провожали его глазами, и каждый, наверное, подумал, что преодолеть речку по «рояльной древесине», пожалуй, трудней, чем сыграть «Чижик-пыжик» или «Собачий вальс». Когда очередь дошла до меня, я тоже рванулся по бревнам вперед, опасаясь одного – как бы не оскользнуться и не соскочить с закрутившегося бревна в темную глубину. Соскочить-то не соскочил, но в одном месте помедлил, примериваясь к прыжку, и тотчас ушел ногой в воду по колено. К счастью, я успел опереться двумя руками в другое бревно перед собой и в таком положении застыл, перестав погружаться глубже.

– Быстрей, Коля! – крикнул Иван.

Я рванулся, как спринтер из стартовой стойки, и дальше уже поскакал бодрым козликком, пока не очутился, наконец, на другом берегу и не перевел дух. Пожалуй, мне форсирование «рояльной древесины» удалось хуже всех. Не потому ли что я все-таки перегрузился? От груза у нас никто не отлы-

нивал, просто, видимо, сам перебрал. Ничего, впредь такое пойдет в науку. Сплавщик ты или не сплавщик, а раз оказался перед плотно забитой модем рекой, изволь уметь перескакивать и с грузом, и без груза. Другого пути всё одно нет.

На берегу был сделан краткий привал. Иван предложил всем по куску сахара и достал из сидора кружку, чтобы попить у реки. Все с видимым наслаждением воспользовались его добротой. К этому времени из двадцати километров до Ивановой избушки мы одолели от силы шесть.

Я с тоской представил себя в роли пешего скитальца. Наверное, после работы воздушным извозчиком прелесть пешего странствия и могла издали показаться привлекательной. А вблизи, как выяснилось, это был труд, труд и еще раз труд – нескончаемый и изнуряющий. Однако уныние, как известно из Библии, есть смертный грех, так что лучше стараться не унывать.

Тем временем отдых кончился. Иван убрал кружку. Мы навьючили рюкзаки. Примет энтузиазма я ни у кого не заметил. Оставалось только стараться не показать свою слабость.

И мы старались почти дотемна, пока наконец не достигли Ивановой избушки. Она стояла на маленькой полянке, со всех сторон окруженная тайгой. Я не сразу оценил, как умело спрятал ее Иван от нежелательных визитеров. По узкой, с резким поворотом дороге от нее было метров семьдесят до речки вроде той, через которую мы перескочили

по бревнам, но с берега избушку не было видно. Дорога словно упиралась в стену леса. Слава Богу, в этой речке рояльную древесину не держали. Да и то сказать – в той, где замачивали, ее бы явно хватило для всех роялепроизводителей мира.

Вернувшись от речки с полными ведрами, я застал Ивана за работой. Он уже напил коротких чурбаков и теперь раскалывал их на аккуратные мелкие полешки. Заготовив дрова, Иван забил ими почти все пространство внутри железной печки, стоявшей в зимовье.

Они вспыхнули почти разом. Вскоре в сумраке избушки вся печь засветилась малиновым светом. Сколько раз согрел меня – и душу, и все существо – огонь щедро набитой дровами железной печи в тех местах, куда заносило полетное задание и где подолгу держала непогода! Я уж и думать перестал, что снова буду когда-то захвачен тем блаженным ощущением уюта, бесхитростного жилья, защищающего от буйства стихии, – уюта, дороже которого, пожалуй, ни в каком другом доме ни за что не узнать. Через какое-то время сладкого безделья, наполненного созерцанием огня, я вышел по надобности наружу. Небо было уже совсем темным. Над головой и до кромки леса вокруг избушки сверкало дивно яркими звездами небо. Но в его бесконечную глубину вторгалось еще что-то, кроме звездного света. Я оглянулся и замер. Из железной трубы над крышей зимовья снопом вылетала струя оранжево-красных искр, словно печка сама праздничным фейерверком отмечала наш долгождан-

ный приход. Я смотрел как зачарованный. В голову почему-то полезли мысли, что скорее всего точно так же в ночи, нет, не дымили – искрились первые паровозы на железных дорогах и первые пароходы на водных путях. Вот и наша избушка летела куда-то, оставаясь на месте. Должно быть, летела вместе с Землей. Жизнь внутри меня, казалось, зависла от этого неиссякаемого энергетического фонтана, который толкал и толкал ее в космическую даль...

В избушке уже изготовились ужинать. Вряд ли, правда, можно было рассчитывать, что мясо глухаря приготовилось. Его сколько ни вари – все равно останется жестким. Впрочем, глухариный бульон тебе ни в одном ресторане мира не подадут. Народ немного оживился, придя в себя после трудной дороги. Еда быстро исчезла со стола.

Но особенное наслаждение принес всем божественный напиток, коего было сварено целое ведро. Саня высыпал в него пачку чая, а Иван сдобрил пуком голых побегов дикой черной смородины. Раньше мне доводилось пить чай только с листьями черной смородины. Но чай с побегами оказался гораздо вкусней. После долгого пути всех потянуло в сон. Вот только места в избушке было явно недостаточно. На нарах вдоль стены могли устроиться, да и то в тесноте, не более пяти человек. На полу могло улечься еще двое. Одному места все равно не хватало. Кто-то предложил тянуть жребий, кому спать в первую очередь, а кому дежурить у печки, пока не освободится лежанка. Я представил себе тесноту на нарах

и сквозняки на полу. И то и другое мне совсем не глянулось.

– Знаете, – сказал я, – спать надо всем сразу. Можно, конечно, разыграть, кому спать на нарах, кому на полу. Но я пойду ночевать на улицу. Ночь ясная, дождя или снега не предвидится. А холод я, надеюсь, в спальнике на надувном матрасе перенесу.

Все начали возражать, уговаривать не делать этого. Но мне и впрямь хотелось провести ночь под звездами, наедине с ними, а не в тесноте и духоте переполненного зимовья.

Я вышел наружу с матрасом и со спальником в руках. Место не надо было долго искать. Трава, подернутая инеем, по которой еще никто не ходил, была совсем рядом. Я постелил постель и, сев поверх нее, разулся и по привычке согнул голенища высоких сапог, чтобы внутрь их не смогла попасть никакая влага. Потом, прямо как был, в куртке, втиснулся в мешок и стал ждать, когда же он меня согреет. Но спальник не спешил. Через одежду мое собственное тепло не имело шансов быстро пробиться к стенкам спальника, чтобы снова вернуться ко мне. Согреваться надо было по-другому. Я вспомнил, как это сделать: по уверениям медиков, занимающихся проблемами выживания, искусственно вызванная дрожь повышает теплоотдачу организма сразу вдвое – и уже через минуту почувствовал, что мне действительно стало теплей. Над моим лицом, обращенным к небу, застыли звезды. Я отметил знакомые созвездия, немного по-

думал о сегодняшнем долгом, однообразном пути, во время которого единственным «экзотическим» моментом был переход речки, не считая, конечно, добычи Иваном глухаря, оценил наше продвижение к цели как пристойное, потом вспомнил Инку и ее предложение тряхнуть стариной. Странно, что она все еще хотела этого. Я попытался представить, каков мог быть ренессанс. Инка не потеряла привлекательности, конечно, но все же о чем бы я мог с ней говорить? О любви? Но ее бесполезно придумывать. Об удовольствиях секса? Их лучше достигать молча. А вот чего мне точно не хотелось, так это выслушивать, почему ей скучно с Сашкой или за что она намерена воздать ему связью со мной. Если бы я вознамерился вернуть ее себе и жениться, тогда, вероятно, другое дело. А так – расслабиться и позволить захватить себя, о чем несомненно пришлось бы пожалеть впоследствии, зачем это мне? Зачем вторгаться в семейную жизнь бывшей любовницы и приятеля, пусть и не такого дорогого, как прежде. Я чувствовал, что не просто отвык от Сашки, он мне разонравился – он перестал быть таким, каким был вместе со мной в курсантах училища. Тогда он любил полеты, упивался счастьем от них, когда все получалось или могло получиться в скором будущем. Оно представлялось нам тогда как широко распахнутое небо, только не черное и не в звездах, не то что сейчас. И вот теперь он пришел к выводу, что с него хватит, и не стал дожидаться, когда его попрут по состоянию здоровья или по сокращению штатов лет-

ного состава. Он правильно решил. Начальство на его уровне сокращать не будут. А если и сократят, найдут что-нибудь другое...

И тут я прервал себя. Неужели я готов был переспать с Инкой за то, что Сашка отказался от романтических глупостей, которым, казалось, он будет верен всю жизнь? Что такого необычного, в конце концов, он сделал? Повзрослел и избавился от благоглупостей. Только и всего. И за это считать себя вправе наставлять ему рога? Не здорово это получалось, не здорово. Так что делать, если при новой встрече Инка возьмет инициативу в свои умелые руки? Что мне тогда – уклоняться и отступать? И вообще получается, бывший друг в беззащитном положении просто откровенно взывал к моему товарищескому великодушию, наперед зная, что сам ничего поделывать не сможет ни с Инкой, ни со мной, что тут ни предпринимай.

Угревшись, я думал и думал об этом, пока не заснул.

Проснулся я от холода. Надо мною по-прежнему были ясная черная ночь и звезды. Я прикинул, что они сместились по азимуту градусов на сорок пять. Значит, прошло три часа. Вытаскивать из спальника руку, чтобы свериться с часами не хотелось. Зачем мне вообще проверять, верный я сделал расчет или нет? На кой-черт это посреди ночи! И тут над кромками деревьев небо озарилось ярким, но рассеянным светом. В удивлении я приподнялся на локте. Ночь была безоблачной, поэтому заревом, отражающим свет, идущий

с земли, этот свет быть не мог. Тем более, что никаких населенных пунктов в той стороне – примерно к северу от нас – на карте не значилось. К тому же я мог биться об заклад, что небо над лесом было темным еще несколько секунд назад. Пожар не смог бы заняться так быстро. Да и сам свет казался холодным, даже ледяным. Я взглянул на часы: три сорок семь. Вытащив жидкостной компас, с которым никогда не расставался в лесу, я определил направление. Двадцать градусов к востоку. Еще сколько-то времени я продолжал смотреть на свет, как вдруг он погас. Я снова посмотрел на часы. Было три часа пятьдесят минут. Новых вспышек в небе не последовало. На всякий случай я достал полевую книжку и записал в ней время наблюдения и азимут объекта.

Что же это могло быть? Самолет? Вертолет? На свет обычной лампы-фары, какими освещают землю самолеты, он не походил: он был гораздо более широким и при этом такой силы, какую без концентрации лучей в узкий параллельный пучок известные мне световые приборы не дают. Но теперь он погас. Стоило ли в таком случае будить Андрея? Решил, что не стоит: лучше не доспать одному, чем двоим.

Над моей головой снова были только звезды, а перед глазами по-прежнему стоял конус света. Нет, светил не вертолет! А кроме него, кто мог висеть на одном месте? Дирижабль или НЛО. Дирижаблей уже давно нет. Стало быть, я видел свет от НЛО, внутри которого, надо надеяться, есть все, что может быть на дирижабле, и еще кое-что, о чем

мы даже не мечтаем. И, конечно, светильники необыкновенной мощности, работу одного из которых я наблюдал в течение трех минут. Что они делали, эти пришельцы, светя с высоты? Ведь источник света явно не снижался. Смотрели – и больше ничего? А зачем смотреть целых три минуты на одно место, особенно ночью? Днем-то виднее... С этим я и заснул.

Проснуться меня заставил голос Ивана:

– Николай! Не замерз? Вставать пора!

– Нет, не замерз, – ответил я. – Иван, скажи, в том направлении есть какой-нибудь аэродром или посадочная площадка для вертолетов?

Иван посмотрел сначала в указанном мною направлении, потом на меня. В глазах его было удивление.

– С чего ты взял? Нет там ничего такого.

– Точно?

– Точно. А что?

– Да вот в четвертом часу там горел яркий свет.

– Не знаю, – ответил он. – Там тайга. Километрах в шести отсюда холм. Больше ничего. Хочешь туда сходить?

– Видимо, придется. Надо Андрею сказать.

Андрей выслушал меня не перебивая. Вопросов по моему сообщению он тоже не задавал. Достал карту:

– Иван, где мы сейчас?

Немного подумав, Иван указал точку на берегу реки.

– Ты уверен? – спросил Андрей.

– Да, вот тут приток недалеко, метров триста ниже по течению. И река только здесь не идет с запада на восток.

Я поставил азимутальный круг компаса на двадцать градусов плюс склонение и прочертил карандашом линию от точки, указанной Иваном. Линия действительно прошла недалеко от точки с отметкой высоты 458,6 м над уровнем моря, в шести километрах от нашей избушки. Судя по горизонталям, пологий холм возвышался метров на сорок над подножьем.

– На вершине лес? —спросил я.

– Да, – ответил Иван.

– Густой?

– Нет, не очень.

– А вершина обширная, плоская?

– В общем, да.

– Что скажешь, командир? – спросил я Андрея.

– Надо сходить, – согласился он. – А раньше ничего такого тут не видели?

– Я не видел, – сказал Иван. – Ночью-то сплю. Выхожу редко.

– Понятно, – сказал Андрей. – Завтракаем и идем.

– Палатки и спальники берем?

– Все надо взять. Туда-сюда не набегаешься. Тропа туда есть, Иван?

– Есть. Не прямо, правда, но подойдем.

VI

Мы были в пути уже два часа, когда, наконец, тропинка, повернувшая на восток, начала подниматься вверх. Можно было надеяться дойти до вершины минут через двадцать-тридцать. Иван действительно оказался прекрасным проводником. И охотником: по дороге он умудрился хлопнуть еще одного облаянного собаками глухаря.

Вчерашняя усталость и подъем заставляли жаждать привала. Но надо было дойти до вершины. И мы не пожалели. Вершина действительно представляла собой плато больше половины футбольного поля размером. По периметру рос лес. Но внутри леса не было. Это был правильный круг (во всяком случае, так казалось еще до измерений), и внутри него было чисто, будто оплавлено.

– Что скажешь? – поинтересовался я первыми впечатлениями Андрея.

– Перст Божий был тебе прошлой ночью, вот что.

С этим смешно было спорить. В конце концов, перст Божий это и есть Свет. Свет, проявляющий для нас нечто, скрытое тьмой.

Было ясно, что где-то здесь надо устраиваться биваком.

– Подожди, – сказал Андрей, когда я поделился с ним этой мыслью. – Сначала надо достать радиометр и счетчик Гейгера. Померим – тогда решим, где.

Оба наших геохимика принялись за дело. Перво-наперво Андрей послал их обследовать круг по внешнему контуру. С этим они справились минут за десять и сообщили, что никакого скачка от фоновой величины не наблюдают. После этого Андрей разрешил войти внутрь круга. Оба геолога принялись колотить молотками по оплавленным камням, геохимики передвинулись со своими приборами к центру, а мы с Андреем, взяв стометровую рулетку, занялись промерами диаметра пятна по разным румбам, фиксируя данные в полевой книжке. Везде получилось по семьдесят семь метров. Разница составляла сантиметров шесть-восемь. Скорее всего, это объяснялось тем, что мы протягивали ленту не совсем точно через центр круга. Геодезисты могли бы справиться с этой работой гораздо лучше нас, но и без них было ясно, что корабль, отрабатывавший вертикальную посадку, шел по намеченной линии очень точно. Тем временем ребята установили, что и в центре плечи радиационных аномалий нет. Стало быть, культура пришельцев позволяла им пользоваться другим видом энергии, то ли вовсе безопасным (в чем лично я склонен очень и очень сомневаться), то ли таким, опасность которого мы просто не умели выявлять. Но нет ли тут остатков какой-либо химической отравы, особенно такой, которая не сказывается немедленно, а действует постепенно. Образцы, взятые из грунта, ребята, конечно, исследуют, но только когда? Когда все, что может на нас подействовать, подействует уже в полной мере. Тем

хуже для нас. Чрезмерное любопытство наказуемо не только в легендах о «Синей Бороде».

Все это время Саня Березин и Иван наблюдали за нами со стороны. Андрей не разрешил им входить в круг, пока его не проверят на излучения и радиоактивное заражение. нас, экспедиционный состав, он еще в Москве застраховал на приличные суммы – друзья из Важелки страховки не имели. Но вот настал Сашин черед. С рамкой, вращающейся вокруг вертикальной оси, он пошел по периметру плечи, не входя в круг. Так мы договорились. Вернувшись в начальную точку, он сказал, что изменений поля пока не отметил. Тогда Андрей разрешил ему войти в круг, наказав, что, если рамка покажет серьезное возмущение энергетического поля, он сразу выйдет за границу пятна.

К этому времени я уже набросал на планшете эскиз пятна, проведя оси по основным частям света и указав промеры. Нам с Андреем было видно, что рамка у Сани в руках вертится. Не как пропеллер, но все-таки довольно ходко.

– Уходи из пятна! – крикнул Андрей, но Саня только досадливо отмахнулся. То ли возмущение поля не казалось ему особенно сильным, то ли он просто не хотел отставать от нас. Завершив круг, Саня сказал:

– По периферии внутри пятна возмущения везде. Думаю, одинаковые. Рамка крутилась ровно, не ускоряясь и не замедляясь.

– А ты считал обороты в минуту?

– Нет. Давай замерим. Засекай время.

Саня снова вошел в круг и устремил взгляд на рамку. Я сделал то же самое. Андрей дал сигнал. Через минуту он выдохнул:

– Стоп!

– Девяносто! – сказал Саня.

– Девяносто! – подтвердил я.

– Ты считаешь, такая интенсивность не опасна? – спросил Андрей.

– Думаю, нет. С такой скоростью рамка крутится порой и дома, в больнице. Теперь надо в центре посмотреть, как считаешь?

– Пойдем, – сказал я Сане. – Я тебе помогу.

Мы пошли к центру круга, следя за поведением рамки. Я шел справа, чуть сзади, выглядывая из-за Саниного плеча. Изменения скорости вращения я, пожалуй, не заметил.

Когда наблюдатели, занявшие посты в точках пересечения круга диаметрами север – юг и восток – запад, велели нам остановиться, мы измерили скорость вращения в центре.

– Девяносто восемь, – сказал Саня.

– Девяносто семь, – сказал я. – Запишем девяносто восемь, я переводил взгляд на часы. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Не больше, чем тебе. Немножко гуще к середине. Не более чем на десять процентов.

Мы вернулись к Андрею.

– Ничего особенного, – сообщил я, предупреждая его вопрос. – Там девяносто восемь оборотов в минуту.

– Все-таки у меня впечатление, что это немало, – отозвался Андрей. – Ты бы своих пациентов, – обратился он к Сане, – оставил в таком месте или поместил туда, где рамка не вертится?

– Пожалуй, не оставил бы.

– Значит, и нам надо устроить бивак в стороне от этого места.

– А в любом случае в стороне, – вмешался я. – Бивак надо разбить у воды. Тут ее не достанешь. Надо Ивана спросить, где здесь ручей.

Вслед за Иваном мы спустились по западному склону почти до самого подножья холма. Там был ключ. Несколько выше его и сбоку нашлась площадка, на которой среди деревьев вполне могли уместиться наши три палатки.

– То, что надо, – сказали оба геолога-геофизика, Валентин и Матвей.

К этому времени всем уже здорово хотелось есть. Иван оципал глухаря, и тот отправился в котелок. Мы открыли четыре банки сардин и бутылку коньяку, которая полагалась обнаружившему «стоянку» НЛЮ, наподобие того приза, который ожидает в геологической партии первого, кто обнаружит образец с ископаемой фауной, позволяющий произвести датировку пласта. На этот раз в роли «открывателя» оказался не кто иной, как я.

Мы выпили за удачу, потом еще раз – за знакомство с Иваном и Саней, а потом навалились на еду. Организм, промытый свежим лесным воздухом, реагировал на алкоголь довольно заметно, несмотря на скромность принятых доз. Чуть ли не каждый, вставши на ноги, сразу чуть оступался и только затем, мобилизовав сознание и волю, заставлял себя подчеркнуто устойчиво держать курс. К выпитому коньяку добавилась бутылка водки, вынутая из рюкзака Саней Березиным. Здесь я заметил, что все экспедиционники плеснули себе по кружкам совсем немного, и в результате Ивану, к его вящему удовольствию, достался почти целый стакан. На его широком, открытом и добром лице было прямо написано, что ему хорошо, хотя вряд ли он разделял нашу радость от обнаружения посадочной площадки. Что ему, местному жителю, с того, что в двадцати пяти километрах от его постоянного дома и в шести от охотничьей избушки высаживались на Землю инопланетные существа, которые никого не трогали, ничего не отнимали и не навязывали своих правил? И есть ли на самом деле все эти пришельцы, о которых мы без конца твердим? Но людьми мы оказались приличными, самого Ивана слушались и уважали, отнеслись к нему как к равному и кое-что умеющему делать лучше нас, и это было справедливо.

Иван хотел сразу после обеда вернуться в избушку, но Андрей решил не брать грех на душу и отпускать его в пьяном виде одного. Чтобы не вынуждать Ивана упрямиться, наста-

ивая на своем, Андрей тихо попросил Саню Березина подействовать на него как на пациента и соседа.

– Иван, – сказал Саня серьезным, не допускающим возражений тоном, – сегодня ты на охоту все равно не пойдешь. Так?

– Так, – подтвердил Иван.

– Значит, незачем тебе торопиться. Здесь в палатке переночуешь. Я тоже остаюсь.

– Там у меня тепло, печка, – возразил он.

– Здесь тоже не замерзнешь. Ребята нам теплые куртки дадут. И под себя подстелить, и укрыться.

– Ты нам лучше скажи, – добавил я, – встречал ли где-то еще такие вот круглые полянки или круглые следы?

– Не-е, таких – нет. Это ты, Коля, раньше всех усмотрел.

– А пожары в лесах по неизвестным причинам случались? – спросил Андрей.

– Пожары бывали, а как же, когда лето сухое. Тут от чего хочешь загорится, в том числе по непонятным причинам. А ты думаешь, ракеты?

– Я не знаю, вот и спрашиваю.

– Не-е. Ракеты тут не падали.

– Почему так думаешь?

– Потому что туда, где они падают, команду из военных присылают. У нас один из Важелки в такой команде служил. Он и рассказывал. Здесь таких команд не было ни разу.

Было ясно, что других находок с его помощью мы не сде-

лаем.

– Скажи, Саня, забыл тебя тогда сразу спросить, – обратился я к Березину. – Мы с тобой только на рамку смотрим. А сам ты на плечи что-то особенное чувствовал?

– Чувствовал.

– И что?

– Сказать, что тепло, было бы неверно. И не похоже на то, как бывает, когда ведешь руки вдоль тела и натыкаешься на место, где у человека болит. Ну разве отчасти. Возможно, мой организм просто очень слабо воспринимает это энергетическое поле.

– Но это не значит, что само поле слабое?

– Нет, конечно. Я о том и говорю. А вы сами что-то в себе замечаете?

– Я ничего не заметил, – сказал я.

– Я тоже, – подтвердил Андрей.

– А здесь, по прошествии времени, не стали чувствовать себя хуже, чем утром? Головной боли нет?

– Боли нет, – ответил Андрей, – только голова какая-то не совсем своя. Может, от выпитого?

Саня отрицательно покачал головой:

– У меня тоже голова не совсем своя. А выпил я по моим меркам совсем ничего. Здесь что-то не так. А у тебя? – обратился он ко мне.

– Не знаю. Может, действительно от выпитого. Чуть трудней двигаться против обычного. Вроде больше ничего.

– Давай попробую узнать, есть что или нет. Саня взял мою голову, так сказать, в дистанционный охват своими ладонями, сначала с боков, затем со стороны лица и затылка.

Потом он то же самое проделал вокруг головы Андрея.

– Что скажешь? – спросил тот.

– У тебя легкое возмущение. Я его снял. У Николая действительно все в порядке.

– А у тебя? – спросил я.

– А ты попробуй сам определи.

Я попробовал, наперед зная, что это попытка с негодными средствами. И, тем не менее, возле его висков я как будто обо что-то слегка споткнулся.

– Что-то в височных областях ощущаю, но не знаю что.

– Угу, – удовлетворенно кивнул Саня. – А теперь ты попробуй, – велел он Андрею.

Андрей так же, как и я, с полным неверием в собственные способности начал манипуляции возле головы Березина.

Он повторил их несколько раз, прежде чем сказал:

– Действительно вроде что-то есть возле висков.

– А теперь над макушкой ладони подержите. Чувствуете?

– Чувствуем, – друг за другом признались мы.

– Что же получается? Вы мне раньше говорили, что никаких экстрасенсорных способностей за собой никогда не замечали. Так?

– Так, – подтвердили мы.

– А теперь они вроде как у вас открылись. Выходит, внут-

ри этой плечи действует что-то, влияющее на скрытые или дремлющие способности?

– Может быть, – отозвался Андрей. – Помнится, такого рода сообщения уже были. Ты испытай сейчас всех, ладно?

Не прошло и пяти минут, как Валентин и Матвей, Игорь и Виктор Петрович по очереди обследовали голову Березина и затем по одному, в отсутствии других, отчитались в том, что возле висков и макушки Сани они что-то ощущают.

– Интересное дело, – подвел итог Андрей. – Что же это в нас прорезалось?

– А не будем спешить, – посоветовал Саня. – Может, что-то еще заметите. И в бодрствовании, и во сне. Мало ли, может, целителями станете, откуда нам знать.

– Хорошо доктор, как скажете, – сказал я. – Вдруг и впрямь сможем стать Вашими помощниками и начнем сочетать приятное с полезным.

– Что приятное и с чем полезным? – спросил Саня.

– Приятное – это сознание, что ты не совсем обычный человек, а нечто большее. Ну, а полезное – это если у нас получится исцелять.

– Ну так пробуйте, – разрешил доктор. – Главное только, помнить, что на этом грех наживаться. И что этим нельзя задаваться перед другими.

– А принцип «не навреди»?

– Конечно, надо стремиться не навредить. Хотя не всегда понятно, что это такое. Наперед и не узнаешь. Я имею в виду

в каждом конкретном случае. Медицина ведь всегда чем-то вредит.

– Одно лечит, другое калечит? – спросил Андрей.

– Да. В этом роде. Даже если не калечит, а просто несколько подавляет. В любом случае надо лечить вышедший из гармоничного состояния организм, а он у всех разный. Вот и попробуй извне восстановить равновесие внутри неведомого существа. Хорошо будет, если в основном поможешь и лишь немного навредишь.

– Невесело ты закончил, – заметил я.

– А где ты видел особое веселье в медицине? – возразил Саня. – Болезни никого не украшают, и лечение их тоже мало напоминает чисто плотное занятие. Гной, кровь, злокачественные образования, увечья, уродство, лишний жир, накопец.

– Что-то ты вдруг стал мрачен, – сказал я. – Есть же радости и в медицине.

– А кто спорит? Есть, конечно, только мало.

– Как и в любом виде творчества. Много неприятных или тягостных трудов и очень мало свершений, за которые можно себя уважать, – сказал я. – Разве не прав?

– Да нет, все верно, – подтвердил он. – Но у меня ощущение полной безвредности лечения не возникает даже при экстрасенсорном воздействии. Кто его знает, какие оно дает результаты. Одни поля и структуры выправляются, другие в то же время, вполне вероятно, как-то деформируются,

но мы, в частности я, не можем этого знать.

– Саня, – вмешался Андрей, – а, может, это вообще принципиально запрещено – исправлять в других то, что они сами, по высшему счету, заслужили?

– Карму? Вполне возможно. Я и сам это подозреваю.

– Но лечить все-таки лечишь? – не выдержал я.

– Надо, вот и лечу. Без этого стало бы и того хуже.

Вы не находите?

Он обвел нас глазами.

– Находим, – почти в унисон ответили мы.

– Полное знание уничтожает карму познавшего, – добавил Андрей.

– Наверное, – отозвался Саня, – только где его возьмешь, полное знание?

– А ты часто представляешь свою профессию в подобном свете? – поинтересовался я.

– Не очень, но в последнее время чаще.

– И почему?

– А лучше стал представлять ограниченность и целителей, и исцеляемых. Действуя на кого-то извне, мало чего можно изменить, если ты не чудотворец. Я не чудотворец. Отсюда и вывод – лучше всего было бы помогать людям самим исцелять себя. В подавляющем большинстве случаев это нереально, особенно если болезнь запущенна, как и сам человек. А в самой начальной стадии к врачам и целителям никто не обращается.

– Что-то ты сегодня мрачен. – повторил я снова. – Уж не «плешь» ли подействовала?

– Считаешь, что мозги прочистились? А по себе не замечаешь? – парировал Саня.

– Нет, я не о мозгах, я о восприятии. Скажем, возможно, что там нас охватывает чувство подавленности. А в каких-то других случаях может возникнуть оптимистическое настроение. Тебе не кажется, что такое возможно? Я вот смотрю на всех нас, и на себя в том числе. Вроде удачный день, сразу попали на нужное место, обследовали его, как могли, – радоваться надо. А вместо этого все мы как бы слегка пришибленные. Случайно ли?

– М-да-а, случайно ли?... – повторил Андрей. – Для радости у нас, конечно, были основания. Да только что мы сделали? Измерили рулеткой, взяли несколько проб. Убедились, что радиации нет. И всё. Не считая Саниного обследования с рамкой. Убогие знания, очень убогие. У меня, наверное, из-за этого упало настроение. Даже сомнения возникли – надо ли ехать в чертову даль, на Северо-Восток, чтобы сделать там то же самое, что мы сделали здесь?

– И как ты себе на это ответил? – спросил Саня.

– Сначала ничего не ответил, – признался Андрей. – Не нашел доводов ни для отказа от экспедиции, ни, наоборот, для ее проведения. Но потом понял, что выбора нет, во всяком случае, у меня. Та плешь, которую видел во время своего полета Коля, все равно когда-то должна быть

обследована. Это же обязанность науки, даже самой мало-мощной. С примитивных наблюдений начинались все естественные дисциплины, потом только, иногда через века или даже тысячелетия, на смену примитивным средствам познания приходили более изощренные. Нам вот, в частности мне, выпало появиться на свет во времена становления уфологии. И пусть я уже изощренный механик и астрофизик, но здесь я, как и любой из землян, грубо говоря, вооружен только дубиной с зарубками и ничего другого делать не способен, кроме как измерить дубиной длину оставленного следа. Но даже эту малость важно сделать сейчас, как только след обнаружен, а само обследование становится доступным. Ведь, вероятно, потом, когда у исследователей будут другие возможности, что-то в самом явлении изменится, а наши примитивные описания дадут ниточку, за которую им удастся размотать весь клубок.

Некоторое время все молчали, переживая свое положение чернорабочих науки, столь очевидное именно в нашем случае. Мое личное разочарование представлялось наименьшим из всех. Кем я был в этой экспедиции, если не вспомогательным работником? «Летчик минус инженер». Действующий летчик из этой формулы уже исчез. Остался «минус инженер». Так что? Отказываться от участия в исследованиях? Ждать, когда появятся специалисты? А кто тогда будет начинать? Скорее всего, такие же неучи, как и мы сейчас. Другого не будет, по-другому не случится, если толь-

ко инопланетяне сами вдруг не объяснят всего на доступном нам языке. Но не на таких напали! Ни к чему им открывать существам из неразвитой цивилизации свои секреты. Так что нам без собственных исследований не обойтись. Выходит, прав Андрей: нет другого выхода, кроме накопления материала для науки будущего. Сделать открытия в этой области мы не сумеем. Останемся безвестными тружениками, таскающими первые веточки и хвоинки в общечеловеческий муравейник науки. Долго ли он простоит – неизвестно. Что в наших силах, надо осуществлять сейчас, даже не имея шансов удовлетворить любопытство и честолюбие, тем более оставить свое имя в истории. Печально? Да. Но совсем не ново. Сколько поколений сошло на нет, не оставив после себя видимых следов, сколько народов исчезло! А чем мы лучше их? Чем лучше я?

До сих пор где-то в глубине души жила надежда получить известность на новом поприще, работая с Андреем и его коллегами. Но теперь надо было распрощаться с ней. Славы тут не добудешь, это точно. И для будущей науки тоже много не наберешь, как ни старайся. Однако мысль и о том, и о другом почему-то привела не к унынию, а к успокоению. Делай, что можешь, на что способен, и старайся достичь большего. А о славе и не вспоминай. Не разочаруешься в занятиях уфологией – продолжай заниматься дальше. Разочаруешься – постарайся найти другое интересное и полезное дело. Не изменяй только самому себе – лучшему в себе. Осталь-

ное, возможно, приложится.

VII

Мы лежали в палатке – Андрей, Саня и я. Уже наступила ночь, но не спалось. Каждому было о чем подумать. Я все прикидывал, как после сегодняшних скудных результатов мы могли сагитировать Саню Березина отправиться с нами в экспедицию к черту на кулички, когда там вряд ли найдем что-то принципиально новое и более значимое, нежели здесь? Ведь даже у Андрея – не то что у меня – закралось сомнение в ее целесообразности. Да и то сказать, пролететь туда и обратно около восемнадцати тысяч километров ради того, чтобы побегать вокруг «плеши» с рамкой в руке – занятие для большого любителя. И я решил, что самостоятельно заговаривать с ним об этом не буду. Пусть, если хочет, это делает Андрей.

Андрей захотел, несмотря на то, что тоже, взвесив реальные шансы на успех, вряд ли пришел к утешительному выводу. Однако начал он совсем с другого конца.

– Саня, я вот о чем хочу тебя спросить. Ты пошел с нами сюда, чтобы внести хоть какое-нибудь разнообразие в жизнь земского доктора?

– В общем, да, – почему-то после раздумья ответил он. – А что?

– Ну и как? Не считаешь, что даром потерял время?

– Конечно, нет! Слава Богу, отвлекся немного от больничных дел. А то что я здесь вижу?

– Я вот почему спрашиваю. Дать тебе возможность отвлечься от твоих обыденных медицинских дел...

– Добро бы только от медицинских, – перебил он Андрея, но тот продолжил:

– ... – это единственное, чем мы можем тебя заинтересовать?

– А на сколько времени вы меня предполагаете отвлечь?

– Точно ответить не берусь. Может быть, на одну неделю, может быть, на полтора месяца, смотря как повезет. С погодой и полетами. А дел, собственно, там будет вряд ли много больше, чем здесь. Что можно намерить, кроме того, что мы здесь намерили, не представляю...

– И ты хочешь знать, хочу ли я полететь вместе с вами?

– Да.

– На неделю я, возможно, и согласился бы. А на больше нет.

– Неделю не гарантирую.

– Понимаю. Иной раз из Важелки неделю в Киров не улететь, а здесь у нас все-таки не северо-восток Сибири. Ребята, поймите, больше недели никак не могу. Мы и так с Наташкой мало времени вместе живем, пока она учится. Жизнь врозь, сами знаете, всегда чревата. И ей всякое может прийти в голову, и мне. Тем более что кое-кто на Важелке насчет этого очень старается. Видели у меня операционную сестру? Так

вот, она распространяется насчет того, что я взял ее силой, а перед этим даже трусики на ней разрезал. Хорошо, Наташка не поверила. На кой-мне на ней трусики разрезать, если она их сама заранее снять готова?

– Видимо, ее устраивает сценарий с насилием, – заметил я.

– Я тоже так думаю, – подтвердил Саня. – Но ведь какую славу обо мне распускает! А я ведь все-таки – как это называется? – сельский интеллигент! Да и мало ли чего она еще выдумает!

– Ох, и плохо быть таким видным парнем, как ты! – почувствовал я.

– Плохо ли, не знаю. Но тяжело. Ты тут на виду, как и все остальные, и даже больше. Нинке, этой операционной сестре, в общем-то, в поселке не поверили. Никто и мысли не допустил, что я мог сделать такое. Ну, а не пользуйся я известным уважением – все-таки вытянул кое-кого с того света, – могли бы и поверить, то есть не то чтобы поверить, но дать делу ход. Вам в Москве, небось, так рисковать не приходится. Хотя тебе, Коля, пока ты летал по всяким отдаленным местам, небось, тоже случалось?

Саня был не прав. Трусики я, правда, не резал. А вот преподносить такие предметы случалось, равно как и заставлять немедленно произвести примерку. Тонкие трусики были там в большой цене. Бог мой, какая бывала радость и у них, и у меня! И с какой радостью они после этого отдавались!

Не из-за подарка, конечно, но все-таки и в связи с ним! И ни одна из девиц, которых я старался завлечь в постель, никогда никому не жаловалась на меня. И рискнуть обвинить меня в сексуальном принуждении не решилась ни одна. Да и те из них, кто интересовались мной без взаимности, не устраивали скандалов. Впрочем, мы с Саней оба владели весьма ценными профессиями, отчасти оберегавшими нас от облыжных обвинений. Он спасал жизнь и здоровье одним способом, я другим. Поэтому оба мы, каждый в своих условиях, были необходимы. Репутация работала на нас, симпатии и благодарность вырученных и спасенных тоже. Без этого пришлось бы нам с ним много солоней...

Я не уловил, в какой миг своих рассуждений заснул и оказался в каком-то дачном поселке. Навстречу мне шла Инка. Похоже, она здесь обитала. Инка была одета по-летнему, в белое платье и белые туфли. Мы молча шли по тенистой лесной дороге, и я понимал, что она неспроста ведет меня в лес из поселка, но это не беспокоило. Я вообще не чувствовал ни возбуждения, ни настороженности. Сама же Инка казалась напрягшейся и замкнутой. Наконец, она свернула с торной дороги на узкую тропу, которую плотно укрывали кусты. Временами здесь приходилось перешагивать через упавшие стволы деревьев. Это подтверждало, что гуляли здесь не часто. Тропа вывела нас на поляну. Она была залита светом. В середине ее росло несколько низких кустов. Инка не оборачиваясь зашагала прямо к ним. Я догнал

ее и притянул к себе. Только тогда я ощутил возбуждение. В Инкином лице проступило испугание, глаза горели страстью. На мои поцелуи она отвечала куда горячее и инициативнее! Инкин напор передался мне. Теперь я уже очень хотел ее. Я опрокинул ее на спину, и мы оказались на кровати в каком-то помещении. Раздался звонок. Я остановился и посмотрел Инке в лицо. Она открыла глаза, но продолжала молчать. Я понял, что она соображает, стоит ли отвлекаться, даже если в дверь звонит ее муж. Ну, будет скандал, ну, будет развод, зато она сможет поехать со мной в Москву. Продолжая неотрывно следить за ее взглядом, я отрицательно покачал головой. Инка мгновенно впорхнула в халат, метнулась в ванную и чуть погодя вылетела оттуда с головой, обмотанной махровым полотенцем. Я продолжал лежать в чужой супружеской постели голым. Раздался щелчок замка, и до меня донесся Инкин голос:

– Я положила на голову простоквашу. Пойди, купи еще пару бутылок шампанского. Видишь я не могу.

– А где Николай?

– Он сказал, что встретил пилота, который стажировался у него на севере и тот пригласил его зайти. Коля сказал, что ненадолго.

Затем снова щелкнул замок. Послышались шаги. Только Иннины.

«Высший класс»! – произнес я про себя. Инка появилась в дверях и на ходу сбросила с себя халат.

– У нас еще есть время? – не скрывая удивления, спросил я.

– Есть, – ответила Инка.

Она снова заняла свое место в постели и я довел дело до конца.

Немного погодя, я спросил:

– Так к какому стажеру мне надо идти?

Инка ответила лукавой улыбкой.

– Подумай, может, сам все же вспомнишь.

И тут я проснулся, пытаясь понять, кого или что мне надо найти в своем прошлом. В палатке было темно. Саня Березин тихонько похрапывал. Андрей спал беззвучно.

«Черт-те что! – подумал я. – Зачем мне все это померещилось? Неужто именно так будет выглядеть мой «дружеский визит» к бывшей любовнице и бывшему однокашнику?».

К большому моему облегчению, моя постель оказалась чистой и сухой, хотя само по себе это казалось странным. Пережитое во сне было вполне способно вызвать реальные физиологические реакции. Неужели меня настолько ничего не трогало, что я, представляя себе «всю любовь», на самом деле не испытывал ни возбуждения, ни разрядки? Тогда как надо было понимать весь этот сон? Как прогноз? Или как предупреждение? Ну и сюжет!

Интересно, для чего же, в конце концов, я оказался в этих краях: чтобы «выследить» НЛЮ или чтобы попасть в сферу жизненно важных интересов Инки, которые, в этом можно

было не сомневаться, она непременно будет отстаивать изо всех сил? И какие выводы я должен был сделать? Ставши, хотя бы условно, уфологом, я не перестал быть тем, кого для краткости можно было бы именовать «женихом». На всякого мудреца довольно простоты. На уфолога, конечно, тоже. Вывод: не думай, что, водясь с очень умными людьми, ты настолько поумнел, что обычные в быту ловушки тебе не угрожают. Еще как угрожают! Чуть только позволишь представить себе, что у тебя все в порядке, и все под контролем, как тут же появятся зримые доказательства противоположного. Смирения и сдержанности – вот чего мне недоставало, иначе зачем бы предупреждать меня через сны? По большому счету, нужна мне Инка? Нет, давно уже нет. И незачем портить жизнь вполне нормальному начальнику-карьеристу, каковым заделался Сашка Васильков? Тогда незачем и заезжать к ним в гости на обратной дороге.

И откуда вдруг у меня это – как бы его назвать – дальновидение, что ли? От пребывания на «плеши»? Чего она от меня хочет? Зачем я тут очутился?

Я понимал, что дело не только в интересе к таинственным явлениям. Главным здесь было другое. И точно не стремление изменить окружающий мир. Последнее нормально для юности, но зрелость на то и зрелость, что на смену этому стремлению приходит желание совершенствовать себя, сначала себя, потом уже мир, в котором почти каждый мучается именно из-за того, что занялся не собой, а другими, переина-

чивая их для собственного же удобства. Но, понимая, я по-прежнему не знал, как это сделать. А от этого зависел итог всей жизни. Узнаю ли я чуть больше об НЛО, или чуть меньше, особой роли не играло. Главного пришельцы из иных миров мне все равно не откроют. Что из этого следует? Что поприще, на котором я смогу найти ответ на жизненно важные для меня вопросы, надо искать не в таких местах, как здесь, возле Важелки, или на крайнем Северо-Востоке. Получалось, что мой первый шаг в поисках нового дела после ухода из авиации был сделан в неверном направлении. А какие шаги следовало сделать, я до сих пор не представлял.

Я впервые по-настоящему почувствовал, что оказался на пороге самостоятельного построения жизни. Когда-то решали родители, потом командование ВВС и Аэрофлота, теперь должен был делать выбор я и только я. И даже принявший меня на правах конфиденанта в свое любимое дело Андрей Абаза не имел права направлять и ограничивать меня. Ведь мы же договорились: если мне не понравится, я уйду. Жаль только, что все же придется сопровождать его с экспедицией на Северо-Восток. Самое смешное – я слышал это, когда он думал, что меня нет рядом, – в «точку Волгина»! Так, оказывается, в научном обиходе предполагалось назвать указанную мною плешь. На «точке Волгина» мне, видимо, было суждено побывать. Да и то: как еще я мог оказаться в дорогих мне и самых памятных местах, где так просто было остаться навсегда под какой-нибудь фанерной пирамид-

кой с пропеллером?

Неожиданно ход моих рассуждений прервался. «Господи! – мелькнуло в голове. – Почему мне должно быть жалко поехать с Андреем в экспедицию, которую мы вместе затеяли? Разве не в глуши я скорее пойму, чем действительно стоит заняться, чтобы жизнь наполнилась смыслом?»

Вдруг вспомнилось, как целую неделю я провел на краю высокогорного плато в ожидании летной погоды. Я привез тогда в геологическую партию продукты и снаряжение, но выгрузиться до появления обвального фронта облаков не успел – тучи так и валили через хребет со стороны океана, быстро заполняя горные цирки, изумительный вид на которые открывался с небольшой ровной площадки. Я понял, что застрял надолго и до прояснения небес мне придется немало времени провести в непривычной тишине. Геологи выделили из своих запасов, существенно пополненных нами, две палатки и спальные мешки.

Я взял себе маленькую маршрутную палатку, в которой можно было лишь сидеть и лежать, и поставил ее в стороне от бивака. Остальной экипаж устроился в палатке побольше и поближе к самолету, который на всякий случай я распорядился закрепить на швартовых. Большую часть дня я, разумеется, проводил на людях – среди геологов, которые из-за непогоды тоже сидели без дела.

Центром бивачной жизни была палатка-столовая, около которой на костре готовили еду. Там мы рассказывали друг

другу истории: геологи нам, а мы геологам. Но когда наступала усталость от болтовни или память иссякала, все разбредались по палаткам. Я с детства не умел сыпать днем. Ночью, кстати, мне здесь тоже неважно спалось. И я лежал без сна и думал, думал, думал. Кажется, никогда раньше я по столько раз не прокручивал перед внутренним взором свои взрослые, а иногда и школьные или вовсе младенческие годы, когда жил в Харькове у бабушки и дедушки, а мама, у которой были тогда проблемы с моим отцом, оставалась в Москве. Дедушку и бабушку я помнил даже с более раннего возраста, нежели маму, а отца не запомнил совсем.

Но больше всего я размышлял о своей теперешней жизни. И именно тогда я понял ценность временного одиночества: оно позволяло посмотреть на себя со стороны, совсем по-новому. Без оправданий себя и своих прошлых действий. Я жаждал правды, какой бы она ни была. Оказавшись лицом к лицу с необъятным миром, я не мог не осознать своей исчезающей малости и временности, а претензии на изменение миропорядка переставали что-либо значить. Зато крепла уверенность, что именно так, в одиночном предстоянии природе, когда неуместно любое вранье, и в первую очередь – самому себе, можно обрести решение, открывающее истинную линию жизни.

Там, на плато, оно пришло ко мне только отчасти, но я уже знал, что потом обязательно выясню и остальное. Открытие свелось к тому, что есть дела и обязанности поважнее любых

конкретных житейских обязанностей и дел, и именно в пользу первых я должен выбирать, иначе проиграю в главном. И когда меня в мои тридцать пять лет отлучали от авиации, я помнил об этом. Важнее отлучения от профессии, которую я любил и в которой знал толк, была решимость не допустить отлучения от самого себя – того, кто мог быть и пилотом, и кем угодно еще, но кто в любом случае должен был отстоять себя как отвергающий чужой диктат человек. На «их» условиях – тише воды и ниже травы – я служить в авиации не собирался, да еще под началом у тех, кто летал хуже меня.

Что давало мне силы идти дорогой, которая пока еще непонятно куда вела и только-только начала проступать из тумана? Самые дорогие впечатления, которые подарила мне жизнь: ощущение воздуха – стихии полетов, пугающей и влекущей, и проникавшее в самую глубину ощущение женщины – Нины. Она была несколько старше меня, эта женщина, которая могла ничего не делать, ничего не изображать, но просто быть. От нее неудержимо стекала дивная приводящая в трепет струящаяся (уверен в этом) и, тем не менее, невидимая, только ощущаемая благодать, которая вызывала во мне благоговейное желание полить ее своим семенем, равно как и влить его внутрь нее. Что это представляло собой, я так никогда и не смог понять – ни в то время, когда смотрел на Нину – одетую и обнаженную, ни потом, когда задним числом вспомнил. Неведомое науке, но реально существующее начало, потому что оно проявлялось не раз и не два,

а в каждом случае, когда я оказывался рядом. Нина была замужем, но я знал, что она способна оставить мужа ради меня. Таким образом, дело было за мной, и мое семя вполне могло в ней прорасти, но... Но кто я был тогда? Сопляк, мальчишка, влюбленный в воздух и летное искусство, овладевать которым ему все более и более удавалось именно тогда. А где я летал? В самой незавидной глубинке, в убогом захолустье, если говорить не о воздухе, а о людских поселениях. Куда бы я позвал за собой такую дивную женщину, да еще при явной перспективе оставить ее вдовой? Принять же ее помощь по переводу на летную работу в Москву, в центр, на магистральные линии, я тоже не захотел. Кому нужны в Москве пилоты «Ан-2»? Разве что лесникам и председателям колхозов для опыления всякой дрянью лесов и полей. Благодаря покорно, мне роль летчика-отравителя была ни к чему. Нина это понимала и потому была готова использовать свои знакомства для того, чтобы пересадить меня на большой самолет. Надо сказать, аэрофлотское начальство таких трансформаций не любило и не одобряло. У них там даже половица сложилась для ответа обращающихся насчет работы в большой авиации летчикам-истребителям и вообще из малой авиации – «воробьи не нужны». Поэтому судьба моя даже при благоприятном стечении обстоятельств была ясна: переучиваться («да, сэр!», «нет, сэр!»), потом долго, неопределенно долго летать вторым с одного бетонного аэродрома на другой, высота – десять тысяч, скорость 900 километров

в час, за бортом минус тридцать градусов даже летом, аппаратом рулит автопилот, время прибытия в аэропорт назначения столько-то часов пятьдесят минут. Кроме грозы, смерча, внезапных нисходящих потоков и отказа одного, максимум двух из четырех имеющихся двигателей, в норме ничто не грозит, разве что встреча с НЛО. И это против того, что у меня каждый третий, если не второй полет можно было с полным правом считать памятным событием. Насыщенность жизни эмоциональными пиками, экспромтами ума и обилием находок в области мастерства ведения полетов при почти полной самостоятельности в моем захолустье была несравнима с той, которую обещала подмосковная авиационная рутина с ее примитивным пилотированием при подавляющем неусыпном контроле со стороны начальства, старших коллег и даже капризных чиновных пассажиров. Я не готов был оставить тот мир, в котором мог, так сказать, творчески развиваться изо всех своих сил. В результате Нина осталась при муже в Москве, а я при Северо-Восточном территориальном управлении гражданской авиации. Но память моя так и не отпустила от видений, в которые я мог вглядываться без конца в надежде что-то понять – чудесное обаяние женщины, источающей первоосновную материнскую энергию, всей мудрости и всей жизни, женщины, находящуюся в коконе из невидимых глазу энергетических струй, которые непостижимым образом доходили до меня (по меньшей мере до меня, не знаю, как до ее мужа). Жаль, но в последние

годы эти видения не так уж часто посещали меня, а зря. Зато после долгого перерыва вспомнились здесь ночью, в палатке и в спальном мешке.

Почему я до сих пор после возвращения с Северо-Востока не попытался повидаться с Ниной? Вряд ли, конечно, такая встреча могла изменить теперь ход ее и моей жизни. Кто знает, чем теперь она обременена, что и с кем ее связывает? Просто у меня отпало то обстоятельство, которое прежде мешало соединиться с ней. Но нельзя же было позволить себе рассуждать, что все это время Нина только того и дожидалась. Нет, правильнее было считать, что в ее жизни все вполне устоялось, что если она и ощущала нехватку в любви, то давным-давно устроила себе компенсацию без такого ненадежного авиалюбовника, каким оказался я. Просто интересно было бы знать, сохранилась ли в ней до сей поры та самая волнующая до основ моего существа особенность – истечение и струение вокруг ее тела невидимых флюидов женственности, о которых я мог знать только по своему резонансу и знал с ней всегда. Да, разбегаться в мечтах насчет соединения с Ниной не следовало, но и отказаться от мысли о новой встрече было бы грешно. Если ей это без надобности, она может отказаться от встречи сразу. Хотя вряд ли. Думается, и ей было чем-то хорошо вспоминать и меня. Ведь было же время любви, упоения, восхищения и восторга. О чем еще стоило бы вспоминать, если не об этом? Я остался ей навсегда благодарен. Правда, благодарность моя ока-

залась не столь велика, чтобы я положил к «ее ногам» свою летнюю карьеру. Может быть, в этом действительно была моя ошибка, может быть. Рассуждая о других, я всегда одобрял решения тех, кто сделал выбор в пользу любви, а не карьеры. Почему же я столь легко одобрил свой собственный выбор совсем противоположного рода? И вот у меня уже нет летней карьеры, хотя я и остался цел и невредим, и нет со мной женщины, которой было не жаль посвятить всю свою жизнь до последнего дня. Вот к чему привело то вроде бы логичное и правильное, даже гуманное, но на деле очень сомнительное решение. Тот ли выбор надо было делать по самому большому счету – это действительно стоило окончательно понять. А насчет того, возможно ли счастливое оживление сюжета ибсеновской драмы, в которой роль Сольвейг согласилась бы сыграть Нина, если она готова будет принять нагулявшегося и набродившегося на стороне Пера Гюнта, было пока бессмысленно даже гадать. Ах, Нина, Нина!.. Ах, Колька Волгин... Ты как был дурак, так и остался!.. К несчастью, таких в мире полным-полно. Господи, даруй нам разумение в подходящее время – нашего-то, когда надо, всегда не хватает. Сколько счастья – и пользы от счастья! – бывает упущено по недомыслию. Видимо, в наказание за бездумие, за торопливость, за нетерпение или за разумный эгоизм. Во всяком случае, мне это было присуще все сразу – оттого-то и сама встреча с Ниной, и состоявшееся было обретение гармонии закончилось именно так – то есть ничем, кроме воспомина-

ний, и не стало главной ценностью жизни, обретением чуда на все отпущенное время бытия. Впору было каяться и перед Богом, даровавшим эту встречу, и перед Ниной – за ее обманутые ожидания, и перед собой – за то, что летать-то я летал почти, как мечталось, но любви из-за пренебрежения даром небес больше так и не налетал. Локти кусать я не привык, да, в общем, это мне до сих пор и в голову не приходило. Может, по недомыслию надеялся, что встречу другую с не меньшими достоинствами. Но не встретил. Подобных Нине не оказалось. Об этом стоило бы в назидание рассказывать другим мужикам, которые еще верят в беспредельное везенье. Но это ведь не рулетка, где в кои-то веки два раза подряд может выйти «зеро» или что-то еще в этом роде. Любовь – куда более редкое выпадение счастья и удачи, причем она всегда парная целевая награда, а не следствие случайного столкновения двух еще недавно не ведавших друг о друге особей из миллиардов других. Кто же даст ее во второй раз, если в первый должным образом не оценили? Зачем метать бисер перед свиньями? Зачем? И почему это я вспомнил о Нине именно здесь и сейчас? Видно, наступало назначенное время – время сожалеть и раскаиваться. Значит, страдай и сожалей. Вот так, оказывается, можно платить за счастье вольных полетов.

Прошлое снова так близко подступало к моим глазам, словно я рассматривал его через увеличительное стекло. Тепло женщины – более юное, чем ему полагалось по возра-

ту, глаза, свет и невидимые истечения из ее существа, в которые я погружался, не видя их, но чувствуя неведомым шестым чувством. Нинина нежность и начальная сдержанность, которая постепенно уступала место яркой страстности и самозабвению. Буря и штиль. И снова вихрь и буря. И снова ускользание от понимания той тайной силы, которая влекла меня к Нине и делала упоенным и счастливым, хотя и ненадолго. Никогда так быстро, как при ней, у меня не наступало восстановления. Возможно, это противоречило китайским представлениям об отношениях между женским и мужским началом, согласно которым Инь только поглощает живую энергию, а Ян ее отдает, но так у нас с Ниной было, и ее вклад в наши соития был ничуть не меньше моего. Почему раньше я не уделял таким вещам должного внимания? Что занавешивало от меня, от моего сознания этот важнейший факт? Теперь оставалось только разводиться руками: дурак и еще раз дурак. Тем более что я всегда видел в Нине человека надежного, человека, который никогда и не подведет, чего нельзя было наперед сказать о многих других знакомых женщинах, да и о мужчинах тоже. Жалко было увозить ее из столицы в глухую провинцию, туда, где яркому цветку действительно легко завянуть. Ну, и послал бы сам глухую провинцию по известному адресу, остался бы в Москве, попробовал бы, например, пробиться в летчики-испытатели. Данные-то к этой работе у меня определенно были, это доказала моя пилотская жизнь. Жаль бы-

ло, видите ли, подвергать ее риску остаться вдовой в случае гибели мужа от обычного профессионального заболевания, только не тридцать восьмого калибра, как у фолкнеровского героя-гангстера, и не в кресле Нью-Орлеанского парикмахера, а при взрыве в воздухе или при столкновении с землей. Заболевание точно было вполне обычным для профессии. Но ведь нельзя по глупости не обращать внимания на другую возможность – на милость Божию. Кто мог заранее сказать, что вседержитель судеб устремил нас друг к другу только для того, чтобы Нина осталась вдовой, а не для того, чтобы мы долго и счастливо любили, помогая друг другу делать добро? В общем, очень однобоко представлял я себе перспективы собственной и Нининой жизни, а в результате сам выпустил из рук драгоценнейший из даров, лучше сказать – бесценный.

Такая вот метаморфоза произошла в моих мироощущениях и самооценке жизни. Неужели от того, что я с коллегами слонялся сегодня по этому круглому пятну, по следу, оставленному в лесу залетным аппаратом? Хм!.. А если и вправду так? Что и говорить, о Нине я давным-давно не вспоминал! А тут – бац, и... Такая странность требовала объяснения. Если мне одному было устроено радикальное промывание мозгов – значит, ерунда, не стоит внимания. Если же кому-то еще из нашей экспедиции, то это уже другое дело. Тогда оно могло означать, что нам всем, приобщившимся к поиску НЛО, устроили серьезную умственную пе-

ретряску, дабы мы уяснили себе, что является действительно жизненно важной ценностью, а что нет.

И мне так страстно захотелось прямо сейчас разбудить для разговора Андрея, что я с трудом заставил себя отложить обсуждение этой проблемы до утра.

Проснулся я поздно – должно быть, сказалось долгое бдение со странными открытиями. К Андрею я присоединился только за завтраком и до выхода на плешь успел только сказать, что хочу с ним поговорить. Видимо, мое усталое не выспавшееся лицо подсказывало, что со мной не все в порядке. По дороге к вершине холма мы отстали от остальных, чтобы нас нельзя было слышать.

– Андрей, – сказал я, решив обойтись без вступления, – сегодня ночью без сна мне пришло понимание, что я совершил коренную ошибку в своей жизни, не женившись на одной женщине, с которой был счастлив и которая любила меня.

Андрей коротко взглянул мне в лицо. Он был удивлен. Я продолжил.

– Я тогда решил, что не имею права тянуть ее из столичной обстановки в страшное захолустье, а сам от жизни в этом захолустье не желал отказываться, потому что там мне замечательно леталось. Но я говорю тебе об этом не потому, что раскаялся и хочу поделиться с кем-нибудь. Я о ней даже мельком не вспоминал долгие месяцы, а тут – раз, и все ошибочное вмиг стало ясно. И я подумал – а вдруг это оттого,

что мы побывали на плечи, на месте посадки пришельцев, а там осталось нечто действующее на наше сознание, встряхивающее и активизирующее наши мозги? Вот и хотел спросить у тебя – ты по себе ничего похожего не замечаешь?

Пораженный Андрей так и замер на месте. Он с трудом сглотнул слюну и только тогда ответил:

– А я думал, это только со мной.

– Любовь? – спросил я.

– Нет, как раз наше нынешнее занятие.

– Уфология? В целом?

– Да. Я всегда ведь был уверен, что занимаюсь стоящим делом.

Можешь смеяться, но в какой-то момент я страшно испугался за судьбу человечества перед угрозой вторжения инопланетян. И это тогда, когда остальные боялись чего-то более реального – ядерной войны. Герберт Уэллс, конечно причастен к этому. Но я воображал и кое-что пострашнее его «Войны миров». Я вдруг ясно понял, что они знают об устройстве мира неизмеримо больше нас. Что в таких условиях мы могли бы им противопоставить, даже с ядерной бомбой в руке? Мне представилось, что мы – это муравьи, пересекающие тропинку, по которой шагает, человек, даже не замечающий их и давящий их сотнями. Получалось, что вероятность сохранения на Земле нашей человеческой породы была не выше, чем у тараканов, против которых в каждом жилище ведут нескончаемую химическую войну. Но та-

раканы-то жизнеспособней людей! Так что же нам делать, если пришельцы разрушат нашу цивилизацию? То, что они попервоначалу ничего против нас не предпринимали, еще ничего не значило. Мало ли – может, пока еще только послали разведчика, а главное начнется потом. Но в любом случае нам пока явно давалась пауза, и я подумал, что, в частности, мой личный долг состоит в том, чтобы самому попытаться узнать о них как можно больше, вдруг и у них обнаружатся какие-то слабости и это даст нам какой-нибудь шанс. Я даже и не думал, что собирается предпринять в отношении пришельцев наше родное советское правительство, равно как и правительства других стран. Я сразу понял, что обращение к правительствам не то что за спасением, но даже за помощью в исследованиях совершенно бессмысленно и бесполезно. Они заняты только одним – запретить нам думать об НЛО и пришельцах и что-либо о них узнавать. Тут все были поразительно единодушны – и капиталисты, и коммунисты, и церковники. Массы не знают – значит, нет проблем. Тогда-то я и приступил к самостоятельному сбору и обобщению всех данных, которые был в силах добыть из любых источников. В первую очередь я пытался выявить из всех полученных фактов нечто свидетельствующее о причинах их интереса к Земле и ее обитателям. Никакой ясности! Военные конфликты они внимательно наблюдают, но в войну не вмешиваются. Для внесения определенности в нашу будущность – почти ничего не следует. Наблюдают за нами.

Слегка, как говорится, над нами экспериментируют. Иногда балуются, озорничают.

– Как?

– Например, по своему произволу разгоняют, невзирая на попытки машинистов противодействовать этому, железнодорожный состав, потом сами его притормаживают. Нашими техническими достижениями не интересуются. Скорее – демонстрируют к ним свое крайнее пренебрежение. В их присутствии глохнут работающие моторы, останавливаются часы, врут самолетные приборы. В общем, шкодят помаленьку, как ребятишки. Только им по шее не надаёшь. Будут ли они серьезно вмешиваться в наши дела, захватывать нашу среду обитания – до конца непонятно. Во всяком случае, такие возможности перед ними открыты, а их сдержанность может быть временной. Впрочем, можно, пожалуй, сделать вывод, что захват планеты и истребление человечества нам пока не грозит. Хотя уже давно ясно – их тут в сумме столько, что только дай сигнал – и дело будет сделано. Заинтересованы ли они в захвате земель в качестве рабов или экспериментального материала, тоже пока непонятно. Некоторые уфологи подсчитывают, сколько людей исчезает с планеты бесследно. Счет идет на тысячи. Раньше у меня была надежда, что хотя бы некоторых из них забирают за тем, чтобы научить тому, чего мы не знаем. Но сегодня ночью – я тоже долго не засыпал – я с полной определенностью понял, что никакими своими знаниями, каких нет

у нас, они с нами делиться не будут. Ни из гуманных соображений, ни из каких других. Благодетелями для людей они не сделаются и чудодейственного облагораживающего воздействия на нас не окажут. Их позиция – покуда развивайтесь, как умеете, а мы посмотрим. Конечно, и на том спасибо, что не станут истреблять, как тараканов и крыс. Но к чему я это говорю? Сегодня все занятия уфологией в пределах наших возможностей бесперспективны и бессмысленны. Мы будем знать о них что-то сверх той малости, которую уже знаем, только в тех случаях, когда они сами этого пожелают. Но становиться объектами изучения с нашей стороны они не желают. И не допустят.

Вот, что я надумал сегодня ночью после пятнадцати лет усилий и, если хочешь, служения этой идее – мощный вывод насчет главного занятия жизни, не правда ли? – заключил Андрей чуть дрогнувшим голосом.

Дрогнуть, действительно, было от чего. И ему, и мне.

Оставшийся путь до вершины холма мы проделали молча. Хотелось найти утешительные доводы, чтобы не дать самим себе пасть духом, но в голову ничего не приходило. И мы занялись рутинной, повторяя вчерашние наблюдения с радиометром и рамкой так, словно ничего не произошло. И все-таки мы уже знали, что так долго продолжаться не может. Вот вернемся назад из этой пробной экспедиции, и тогда придется решать. Все сразу. И насчет уфологии, и насчет познания. И насчет любви... И только то, что и тебе, Андрей,

и мне в одну и ту же ночь после посещения плещи пришло ясное понимание теперешнего нашего состояния – это действительно феномен. И в нем очень даже стоило разобраться.

– Я рад, Коля, что ты поделился со мной, – обронил вдруг Андрей. – Знаешь, надо бы, ну, само собой, деликатно, выспросить у ребят, чего там с ними – было что или нет?

– В интересах исследования надо бы, – подтвердил я. – Я, пожалуй, готов поговорить с Саней Березиным, а с остальными лучше попробуй ты. Все-таки дело интимное. Об иных вещах и с самим собой говорить нелегко.

Андрей подумал, прежде чем ответить.

– Да, тайны у всех могут быть. Но нас-то интересует не сам предмет этих тайн, а было ли внезапное разрешение связанных с ними проблем.

Как всегда, его формулировки отличались строгостью и законченностью. Я подумал, что и мне не мешало бы добиться от себя подобного же прояснения смысла в устной речи, какое свойственно обычно только письменной. Может, у Андрея так выходило оттого, что он много писал?

– Поговори с Саней, – продолжил он. – А я знаешь, о чем вспомнил? О «Солярисе» Станислава Лема. Помнишь, как разум-океан действовал на психику людей, материализуя то, что их беспокоило? Все-таки гений этот пан Станислав. Тебе нравится этот роман?

– У Лема мне почти все очень нравится, – сознался я, –

всегда готов снять шляпу перед его умом и думаю, что ему дано было видеть куда дальше нашего. Великое достояние человечества... А уж какой у него дар сатирика – залюбуешься! Чего стоит образ перегревшихся искусственных мозгов-«генияков»! Или перевод нормальной бытовой польской ругани на формализованный язык инопланетных киберов: «А, мать вашу сучью, дышлом крещенную!» – «Предок четвероногого млекопитающего по материнской линии, подвергнутый воздействию частью четырехколесного экипажа в рамках религиозного обряда». Это из «Вторжения с Альдебарана», – пояснил я.

– Да я помню, – рассмеялся Андрей.

– Слушай, – сказал я, – а может, Лем прав и в том, что оборониться от вторгшихся киберов можно будет облаками перегара этилового спирта?

Андрей снова рассмеялся и пожал плечами.

– Обожди! – пронзенной одной догадкой, выкрикнул я. – А что, если у Ивана, который выпил больше всех, не было никаких изменений за прошедшую ночь?

Андрей, не снимая моей руки, которой я ухватился за его плечо, повернул ко мне лицо и вдруг очень серьезно подтвердил:

– А что? Очень может быть. Надо только выяснить, думал ли он о чем, или спал без задних ног.

– Мог не думать, но видеть во сне что-то знаменательное или подсказывающее, – продолжал настаивать я. – Саню по-

прошу узнать. На Саню он не обидится. Вот будет номер, если славянская защита по Лемму в окажется эффективной!

– Ну, пока не стоит заглядывать так далеко, – сдержанно улыбнулся Андрей. – Тем более что к такому способу самозащиты наши народы всегда в состоянии полной готовности – что русский, что польский. Хорошо бы узнать, нет ли чего-то еще – как бы это выразиться – чего-то более современного?

Нам стало весело. Вполне угрюмо начавшийся день вдруг обернулся приподнятым настроением. И отчего? А просто вспомнились шутливые высказывания великого человека. Боже, спасибо тебе за таких людей, как доктор Станислав Лем!

Саня Березин выслушал меня со вниманием. Мы уже вернулись с плечи, проведя повторные наблюдения. За сутки никаких заметных изменений в тех «параметрах», которые мы вчера определили, не произошло.

Саня, как человек непредвзятый, был настроен скептически. По себе он ничего особенного этой ночью не заметил, если не считать того, что ему пришло в голову насчет диагноза, поставленного им одному поселковому пенсионеру. Саня не стал вдаваться в подробности, но теперь клиническая картина ему представилась в новом свете, и он подумал, что надо бы направить пациента в город для еще одного обследования. Неожиданно Саня сам спросил меня:

– Ты что, думаешь, это не случайно?

В ответ я пожал плечами:

– Не знаю, Сань. Тут тебе видней. Но если ты раньше несколько не сомневался в своем диагнозе, а тут вдруг взял и усомнился, то это, возможно, и неспроста. Ты этим пациентом давно не занимался?

– Да месяца три.

– И, уходя с нами из Важелки, не думал о нем?

– Нет.

– Тогда степень неслучайности повышается.

– Пожалуй. И все же...

– И все же ты бы не спешил?

– Да.

– А я и не спешу. Просто запомню, что троим – Андрею, тебе и мне ночью пришли-таки в головы необычные умозаключения. Это не часто происходит по ночам. Ведь так?

– Так. А у других не спрашивал?

– У них Андрей спросит. А тебя я прошу узнать у Ивана.

– А о чем мне его спрашивать?

– Да о том же. Быстро ли заснул? Если нет, думал ли о чем и пришел ли к неожиданным выводам. Если не думал, а спал, не снилось ли чего странного или удивительного. А почему спрашиваешь – вон Андрею, Николаю, да и мне в голову лезло то, что обычно на ум не приходит.

– Ну, вот ты бы его сам и спросил. Все складно, все путем.

– Да нет, – отмахнулся я. – Мне он может постесняться ответить. Я посторонний, а ты для него все-таки свой.

– Ладно, попробую, – пообещал Саня. – Неужели такое возможно – пришел человек на какую-то плешь, а у него от этого мозги иначе закрутились?

– А почему нет? На сеанс гипноза, например, приходят, а там выдвывают то, о чем и представления не имели.

– Ну, то гипноз. Сознательная манипуляция чужой психикой.

– А почему им, инопланетянам, это не доступно? Кто их знает, насколько они продвинулись в психиатрии и психологии? Мы ведь пока, насколько я представляю, все еще на младенческом уровне знаний о психической энергии. Если они настолько обошли нас в области летательных аппаратов, могли обставить и в этом деле.

– Допускаю. В таком случае нам-то что делать?

– Прежде всего, наверное, остерегаться их. В частности, поменьше времени проводить в местах их приземлений. Мы уже подверглись, а, возможно, еще и пострадаем. Но другим-то зачем поступать неосмотрительно, вроде нас?

– Сыграем, значит, роль подопытных кроликов?

– Да нет, наверное, свою собственную роль. Как всегда у людей. С помощью обычного метода проб и ошибок.

– Ничего не скажешь, обрадовал! И чего это я, дурень, связался с вами!

Саня неожиданно расхохотался:

– Думал, приличные, умные люди. А они вон во что втравили!

Я пытался понять, смеется он над собой или обвиняет нас. Саня лукаво посмотрел на меня.

– Ну что, умники? Мало того, что сами неведомо куда лезете, да еще и честной народ подбиваете черт знает на что?

У меня отлегло от сердца.

– Как же, – в тон ему ответил я, – тебя собьешь! А вдруг ты и впрямь теперь лучшим лекарем станешь, чем прежде? Все равно останешься недоволен, что втравили тебя?

– Нет, этим недоволен не буду, – серьезно сказал Березин. – Ради такого не жалко.

– Ну, смотри. Теперь ты знаешь, что мы потенциально опасны и, в общем, не совсем те приличные умные люди, за которых себя выдавали.

– Совсем не те.

– Как считаешь, нам есть смысл понаблюдать за собой еще одну ночь?

– А мне что? Наблюдайте. Медицине никак не обойтись без клинических наблюдений.

– А сам-то что? Не желаешь больше подвергаться?

– Нет уж, меня на Важелке больные ждут. Хорошо бы сегодня к вечеру с Иваном до дому добраться. Сами-то без него не заблудитесь?

– Нет, за нас не бойся. А ты дорбогой, будь любезен, Ивана порасспроси.

– Да нет, я уж лучше сейчас расспрошу, а то вы тут будете подпрыгивать от нетерпения.

– Давай! – кивнул я.

С Иваном Саня разговаривал недолго. Он вернулся ко мне с расплывшимся в ухмылке лицом.

– Спросил Ивана, как прошла ночь, а то другие жалуются на бессонницу и на то, что в голову лезла всякая ерунда. А он мне: «Не-е. Я спал хорошо. Как лег, так уснул». «А во сне, – спрашиваю, – что-нибудь удивительное было?» В ответ он плечами жмет, думает. «Нет, – говорит. – И во сне ни о чем не думал. Только сильно пожалел». «Кого пожалел-то?» «Да не кого, а чего. Помню, на свадьбе у брата столько выпивки было, я прямо заранее обрадовался. А выпить вровень со всеми так и не пришлось – надо было срочно в кузницу идти, ремонт трактору вот так потребовался». Саня, копируя Ивана, чиркнул ладонью по горлу. «Когда вернулся, всё уже упили. Уж так я тогда расстроился. А сегодня, во сне, расстроился еще больше».

– Так ему выпить хотелось? – спросил я Саню.

– Я тоже так подумал. А он говорит – нет. Просто жалость страшная пришла по этому поводу. И все.

– А он вообще как, здорово пьет?

– Пьет-то, конечно, как следует, но чтоб совсем запойным был – нет, этого пока нет.

– Значит, необычной была только эмоциональная острота воспоминания?

– Точно.

– Но и то результат. У одних неожиданное прозрение,

у других странное обострение чувств. И там, и тут что-то необыкновенное.

– Ну, скорее, просто отличное от сложившегося стереотипа, – уточнил Саня.

– Вот именно, – согласился я. – Чем это все-таки вызвано? У геологов наших тоже обнаружилось прочищение мозгов. Андрей выяснил, что у двоих, как и у меня, – личного, любовного характера, еще у одного – насчет того, кто его подставил так, что ему в ВАКе зарубили диссертацию, еще у одного, что его призвание – не чистая геохимия, а история глобальных катастроф. Так что видишь, Саня, все мы на сто процентов дружно подхватили способность лучше чувствовать или соображать. Надолго ли, неизвестно, но на сегодняшний день вроде бы так. Что можно сказать по поводу данной клинической картины?

В ответ Саня сочувственно пожал плечами:

– Еще раз поночуйте, вдруг все пройдет.

– А вдруг все усилится?

– Считай тогда, что это тяжелый клинический случай.

– А не феномен развития способности извне?

– И это возможно.

– Ладно. Так и будем думать. Вы с Иваном сейчас пойдете?

– Да, сейчас.

– Ну, счастливо.

– Надеюсь, завтра или послезавтра вернетесь?

– Постараемся.

VIII

После ухода Ивана и Сани мы с Андреем остались на время вдвоем. Руководитель экспедиции выглядел более задумчивым, чем обычно. Я не знал в точности, что его занимает, но думал, что мысль его вертится по существу вокруг одной проблемы – случайно ли проявились изменения в нашей ментальности, или нет. Неожиданно Андрей взглянул мне в лицо и задал вопрос:

– Скажи, Коля, а ты действительно до этой ночи не думал, что ошибся, прекратив отношения с той женщиной?

Я удивился.

– Действительно не думал.

– А тебе не кажется, что все дело в том, что ты ее недавно видел?

– Я? Видел?

– А что, нет?

Я начал лихорадочно соображать, что он имеет в виду. Андрей, видя мои затруднения, поспешил напомнить:

– Ну, в Вятке, в аэропорту, мне показалось, что жена твоего друга и ты... в общем...

– ... были любовниками? – закончил я за него. – Действительно были. Еще до того, как она вышла замуж за Сашку Василькова. А-а! Так ты решил, что прошлой ночью я думал

о ней?

– А разве нет? Я решил, что это она. Такая эффектная женщина... Неужто нет?

– Хм! Женщина она действительно эффектная. Спорить не о чем. Но я думал совсем о другой. Ее воздействие было много сильнее. Не знаю, как бы об этом сказать. Вот! Ты представляешь себе героиню рубенсовских картин – его вторую жену Елену Форман?

Андрей кивнул.

– Ну так вот, я думаю, что Рубенс чувствовал в своей жене то же самое, что и я к той, о которой тебе рассказывал. По крайней мере, я не вижу иных причин, почему Рубенс не хотел или не мог писать других женщин.

Андрей снова кивнул. Он молчал И я понял, что встреча с Инкой оказала на него несравненно большее воздействие, чем на меня. Пожалуй, впервые я подумал об Андрее не только как о человеке, посвятившем себя служению науке. Или это участь любого из нас, у кого с той или иной частотой изнутри распирает брюки, – думать о посвящении себя чему-то, а потом обнаружить, что посвящать себя прежде всего нужно совсем другому делу и уж, конечно, не неопознанному объекту – ум значил тут много меньше других ценнейших качеств – способности чаровать или возбуждать своей красотой. Как плохо мы знаем себя и других! Ждем одного, наблюдаем другое и порой ведем себя так, словно это были не мы. Где оставались при этом наши прежние вку-

сы и принципы? Как это все отступало! Ведь принципы-то не испарились, а вкусы не менялись на противоположные. Просто внутри происходило очень быстрое и неожиданное преобразование под влиянием особых свойств наблюдаемого объекта, наделенного привлекательностью и красотой. Красота подавляла сопротивление, если только оно возникло. Сомнения она тоже разрешала в свою пользу. Действительно, что надо было бы считать всеобщим эквивалентом – золото или красоту? Красота могла достичь большего, чем золото, даже несмотря на то, что за него очень нередко покупали и красоту, только не очень-то прочно и надежно. Если судить о причинах, которые заставляли мужчин выдающихся творческих способностей и ума вступать в связь или в брак с женщинами, не обладающими ни тем, ни другим, то виновницей опять-таки выступала красота как высшая ценность и действительно всеобщий эквивалент.

Я подумал, что ничего не знаю о личной жизни Андрея. Единственное, о чем я получил определенное представление, так это о том, что он слегка позавидовал, когда заметил Инку и ее пристрастие ко мне. Возможно, эта зависимость еще больше усилилась после того, как он услышал, что эффектная и прекрасная Инка сильно уступала другой красавице, опять-таки равнодушной ко мне, от которой я по собственной дурости улетел на свой крайний Северо-Восток. Видимо, в жизни Андрея с женщинами обстояло не благополучно, и об этом действительно стоило пожалеть, даже если

именно из-за этого уфология обрела своего рыцаря. На самом деле его шансы обрести скрытые от нас знания об инопланетянах были существенно ниже шансов рыцарей круглого стола – таких, как сэра Персиваль или сэра Галахад, – добыть Святой Грааль. Но вот дал же человек слово хранить верность новой науке! Однако и ему становилось не по себе, когда в поле зрения попадались такие, как Инка, которые любого проймают и заставят не раз подумать, а то ли они выбрали для своего служения?

У меня и раньше не было случая невзначай расспросить Андрея о его семье, а теперь это стало и вовсе неудобным – все равно как специально взять, да и надавить на больное место. Так что если он сам не скажет, уж не узнаю. А жаль.

Новая ночь наступала не очень скоро. Я маялся в ожидании темноты. Вечерний холод как будто старался пораньше затолкать нас в палатку, однако долго лежать в ней без сна не хотелось. Я притащил несколько упавших тонких сосновых стволов. Против ожидания, положенные в хорошо нажаривший землю костер они горели совсем неплохо, и около огня было вполне тепло. Мы, оставшиеся шестеро, сидели на бревнах по обе стороны костра и умиротворенно беседовали после еды, попивая чаек.

Андрей поинтересовался, довольны ли ребята, что выбрали в поле. Геологи только усмехнулись.

– Сколько лет, бывало, мы только и ждали этого дня, – сказал Игорь. – В городе забываешь все тяготы экспедиционной

жизни, и начинаешь страшно скучать о вольной жизни, когда не надо ездить на службу, когда большую часть суток ты сам себе хозяин, даже в том, что касается работы. Да что тут объяснять? Кругом тайга или тундра или степь или горы – вот и иди, куда тебя ведут мечта и служебное задание. Вспоминаешь, что для этого ты, собственно, и родился – бродить по свету, узнавать, смотреть, понимать. Бывает, конечно, что и на ходу мучаешься мыслями о поиске породы, но это редко – чаще о грузе на плечах. А сбросишь его – и видишь мир и красоту.

– Красотой, конечно, любишься, – подхватил тему Матвей. – Это конечно. Но только когда бываешь без груза. А с грузом тогда уж наоборот – о городе с нежностью вспоминаешь и начинаешь себя проклинять: эх ты, дурак-дурак!

– Ну, это в порядке вещей, – согласился Игорь. – Ни в городской, ни в полевой жизни совершенства нет. На лоне природы обычно совсем не рай, но иногда он там все-таки бывает. Зато в городе, самом по себе, рая не может быть безусловно.

– В самом по себе? – переспросил Андрей.

– Ну да, в самом по себе, – подтвердил Игорь. – Хотя и там может случиться райское житье на несколько дней.

– Это как? – спросил Андрей.

– После приезда. В постели с любимой женщиной, – объяснил Игорь. – Но ведь любимая женщина – это не исключительно городская принадлежность, даже если женщина

по преимуществу горожанка?

– А ванна, чистые простыни, шампанское и стол на двоих? – вставил Валентин.

– Все это хорошо, очень хорошо, – кивнул в знак согласия Игорь. – Но разве хуже, если ты со своей экспедиционной спутницей в прочной и непроницаемой для колгаров и дождя палатке, и у вас теплый уютный спальный мешок на двоих, особенно если не холодно, и можно лежать поверх него, если до этого вы выкупались в озере или реке, а ради любви и азарта выпили какую-нибудь ягодную настоечку на разбавленном спирту? Господи, да за такое счастье все на свете отдашь! Что, с тобой не бывало? – закончил Игорь, обращаясь к Валентину.

В ответ тот загадочно улыбнулся. И в этой загадочности мне ясно привиделась смесь радости и гордости за то, что такое действительно бывало, пополам с грустью из-за того, что оно прошло. Он поймал мой пристальный любопытствующий взгляд и, не желая открываться, своим вопросам перевел внимание собеседников на меня:

– А с тобой пилот, такого не случалось?

Вопрос Валентина застал меня врасплох. Я как раз вспоминал, как провел день, ночь и еще одно утро в отдаленной геологической партии, когда дождь и низкая облачность прочно прижали мой самолет к земле. Начальницей там была женщина лет двадцати восьми. Невысокая, но ладная, с волевым лицом и исключительно выразительными глазами. Соб-

ственно, она увидела меня, а я увидел ее и еще то, что она во мне увидела. В партии ее явно уважали, потому что изо всех сил старались не тревожить нас. У Лили была своя палатка. В ту пору я все свое еще носил на себе. Переодеться было не во что. Сверху лило. Я промок.

Она просто сказала: «Пойдемте ко мне». Мы вышли из-под навеса, укрывавшего обеденный стол, и прошли к палатке, стоявшей на отшибе от остальных. Войдя туда вслед за хозяйкой, я сразу почувствовал – здесь сухо. Собственно, и внутри самолета было сухо. Но в холодном наклонно стоящем металлическом фюзеляже не могло быть так уютно, как здесь. Дождь шелестел по брезенту по домашнему уютно и действовал успокаивающе – не то что внутри пустой металлической коробки, из которой капли и струи выбивали раздражающе звонкий шум. Внутри палатки стояли две обычных городских раскладушки, поверх одной был постелен спальный мешок.

Лиля наклонилась к обшитому зеленым брезентом вычужному ящику, явно заменявшему ей комод или гардероб.

– Сейчас я достану для Вас сухое.

– Стоит ли так хлопотать, – попытался остановить ее я, хотя, честно говоря, и без особой настойчивости.

– Стоит, – серьезно возразила она. – Иначе кто нам будет подбрасывать еду, если Вы заболете?

Резон в этом был, ничего не скажешь.

– А у Вас есть одежда моего размера? – усомнился я.

– Не вся, но есть. Белье трикотажное, на вас налезет. Штаны будут коротковаты, а брезентовый плащ велик, как для всех.

– Я не буду выглядеть огородным пугалом?

– Не будете. А если да, то перед кем Вам здесь красоваться? – искренне удивилась она.

– Перед Вами.

Она смотрела на меня, видимо, так и эдак прикидывая в уме услышанное, и, наконец, зарделась. Даже сумрак палатки не смог укрыть внезапно проступивший румянец щек. Она хотела что-то ответить, но сдержалась, и только плотно сжатые губы, да рельефно обозначившиеся скулы позволяли судить о том, что она подумала обо мне.

– Поверьте, я не хотел вас обидеть, – стараясь быть как можно убедительней, сказал я. – Просто представил себя перед Вами, как бы это сказать, во фраке с чужого плеча, ну и сконфузился.

Она улыбнулась, и я понял, что прощен.

– Говорить о фраке в тайге не больно-то уместно, – заметила Лиля. – И боязнь выглядеть пугалом в моих глазах тоже не очень логична. Ведь это я Вас одеваю в то, что здесь есть, а не Вы вдруг оказываетесь передо мной, одевшись так в другом месте.

– Да, верно, – подумав, согласился я. – Вам в логике не откажешь.

Лиля усмехнулась.

– То-то! Больше не спорьте! Снимайте мокрое. Мы аккуратно подсушим. Тогда Вы снова сможете стать столичным или провинциальным денди. Каким захотите.

– Ну, так высоко я и в мыслях не залетаю! – отшутился я.

– А вот это напрасно, – возразила Лиля. – Костюм вам действительно к лицу, хоть он и форменный. И тогда уж, извините, мне придется думать, как я выгляжу во всем своем (она оглядела себя – брезентовую куртку, ковбойку, зеленые из плотной ткани походные штаны) перед залетным мужчиной.

Тут уж горячо запротестовал я, останавливая ее речь обеими руками с выставленными вперед ладонями.

– Ваша одежда не может быть предметом критики и стеснительности. Она абсолютно уместна, удобна и прекрасно сидит на Вас. Знаете, какое сравнение по этому поводу напрашивается у меня?

– Какое?

– Со словами Печорина. Помните, в «Княжне Мери»: «По части черкесского костюма я – совершенный денди. Оружие дорогое, но в простой оправе».

– Спасибо за «дорогое оружие», – усмехнулась она и вдруг заметно повеселела.

– Переодевайтесь. Я сейчас выйду. А потом мы придумаем с Вами, что можно сделать еще. Только обязательно выньте все из своих карманов. Не дай Бог сгорит.

– Зачем Вам выходить? Теперь я Вас не очень стесняюсь.

Не смотрите в мою сторону – вот и все.

Лиля не возразила.

Я быстро вылез из своей формы.

– Держите, – сказала она и, не оборачиваясь, кинула через плечо полотенце. – Оботритесь. А то не сразу почувствуете себя сухим.

Я повиновался и через пару минут сказал:

– Можете посмотреть.

Она посмотрела.

– Ну, что я говорил, – продолжил я, заметив ее лукавую улыбку, – смешно ведь, разве не так?

– Напротив. Если хотите – трогательно!

– Из небожителя превратился в мальчика в коротких штанишках?

– Есть что-то в и этом роде, – подтвердила Лиля и с легкой иронией взглянула мне в глаза. – Не все же Вам свысока смотреть на нас. Вы ведь смотрели?

Ее вопрос звучал скорей как утверждение. Я кивнул.

– Вот видите. Зато теперь можете понять, что действительно на всякого мудреца довольно простоты...

– ...и на всякого летуна, – подхватил я, – довольно земной юдоли.

– Вот именно. Ну что ж, пойдете к огню сушить вашу одежду. Все ж она Вам больше к лицу.

Мы вернулись под навес, рядом с которым горел костер. Несмотря на дождь, пламя было мощное. Я воздал должное

походному умению хозяев бивака. Лиля ввела руки внутрь моей тужурки, развернув ее, как на плечиках. Я расправил перед огнем свои штаны.

– Не забывайте поворачивать брюки разными сторонами, – предупредила Лиля, – а то сгорят.

– Знаю, – отозвался я, больше думая, однако, о том, что у костра никого кроме нас, почему-то не оказалось. Никто не сушил подмоченную одежду. Никто не хотел коротать время в блаженном тепле у огня.

– Еще не поздно, а здесь никого нет, – сказал я. – Лежат по палаткам?

– Все очень устали в последних маршрутах, – ответила Лиля. – Если б не дождь, нам и сегодня пришлось бы вкалывать, как проклятым. Так что непогода пришлась очень кстати. Люди придут в себя.

Я подумал, до какой же степени изнурения дошли они все, если Лиля – начальник партии с невообразимо огромным планом работ (у геологов всегда так, потому что кабинетному начальству выгодней забить в план объемы, выполнимые лишь при благоприятнейших стечениях обстоятельств) – рада вынужденному простояю.

– Лиля, сколько лет Вы уже проработали в поле?

– Как инженер – уже семь.

Я только головой покачал. Лиля заметила и спросила:

– Это Вы насчет чего?

– Да ведь это до черта трудно, даже мужикам. Он снега

до снега.

– Даже дольше, – возразила она. – Ничего не поделаешь, профессия такая. Сама выбирала и не жалею.

– Ясное дело. Иначе давно уже вышли бы замуж и жили в городе.

– А я замужем, – отпарировала она.

– И все же в поле. А кто у вас муж?

– Тоже геолог.

– А он сейчас где?

– В Казахстане. Ищет нефть.

– А вместе Вам нельзя работать?

– Не получается. У меня другая специализация. Рудные месторождения. А они с нефтяными, как правило, несовместимы.

Я подумал и решил спросить напрямую:

– А в браке Вы совместимы?

– Пока да, – сказала она.

– Представляю, каково вам. Даже моряки чаще видят своих жен.

Она долго молчала. Потом спросила:

– А у Вас как?

– Мне проще. Я не женат.

– А-а! Довольствуетесь случайными связями?

Я подивился прямоте вопроса, однако сказал:

– Не знаю, случайными или неслучайными. Непостоянными – так было бы правильной утверждать. Но и то с поправ-

кой, не так, как в песне: «Нынче здесь, а завтра там».

– Странно, – возразила Лиля. – Вы должны нравиться женщинам и сам по себе, и как известный своей лихостью пилот.

– А Вы обо мне что-то слышали? – искренне удивился я.

– Слыхала.

– Ну вот, теперь сами можете убедиться, что слухи о лихости сильно преувеличены.

– Это почему?

– Вот взял и не улетел от вас.

– Так ведь такая плотная низкая облачность, дождь!

– А лихость на что?

– А что, можно было лететь? – с напряжением спросила она.

– По инструкции, разумеется, нет. А при крайней нужде можно. Тем более что на базе аэродром открыт.

– Значит, Вам не захотелось, – поняла она. – А отчего?

– Откровенно? Тоже, в общем, устал. Зачем рисковать впустую? Захотелось побыть в покое и тишине. Хотя бы немного. А потом заинтересовался Вами. Нет! – я протестующее выставил руки с брюками перед собой. – Не подумайте худого! Просто захотелось побыть рядом с воплощением женского благородства.

– Интересно, с чего это Вы взяли, что я воплощение? Не думаете, что можете ошибиться? – спросила Лиля.

Лиля перевернула мою тужурку подкладкой к огню. Сле-

дом за ней я повернул свои брюки. От них тоже шел пар. Неожиданно она сказала, не поворачивая ко мне головы:

– Вы даже не представляете, как приятно слушать такое после нескольких месяцев пустоты, даже если Вы все преувеличиваете.

Я подложил поленьев в костер. Неожиданно для себя я произнес вслух:

– «Я смотрю на костер угасающий, Пляшет розовый отблеск огня», – и осекся, поняв, что договаривать этот куплет геологической песни рядом с Лилей было просто бестактно, потому что дальше следовало: «После трудного дня спят товарищи, Почему среди них нет тебя?».

– Вот как? – не сразу отозвалась Лиля. – Вы и это знаете? Откуда?

– Мой одноклассник – потомственный геолог. Однажды он привел меня встречать седьмое ноября в свою студенческую компанию. На третьем курсе, по-моему, дело было.

– Вам там кто-то из девушек очень понравился? – догадалась Лиля.

– Да, действительно. Очень.

– Как ее звали?

– Риточка Фрейберг. Тоже, по-моему, геолог во втором поколении.

– Ну, и во что это вылилось?

– Ни во что, если не считать абстрактной мечты.

– Почему?

– За ней ухаживал Гошка, мой одноклассник.

– А он женился на ней?

– Не знаю. Я там больше не бывал.

– Чтобы не расстраиваться?

– Да.

– Может, напрасно?

– Нет, я лишь успел ощутить, что могу ее полюбить.

– Так была хороша?

– Да, очень. И внешностью, и душой. Прирожденная светлая блондинка, а лицо благодаря глазам еще светлей. Вот вроде, как у вас. Я сказал и запнулся. Мы с Лилей встретились глазами.

– Вы полагаете, мы с вашей Риточкой похожи? – голосом, в котором сквозила не то жесткая взыскательность, не то неприятие того, что я сказал, спросила Лиля. – Или Вы считаете, что все женщины-геологи на одно лицо?

Лиля смотрела на вновь разгоревшееся пламя. Она молчала, и я молчал. От моей одежды уже перестал идти пар, и лишь местами ладони ощущали оставшуюся влагу.

– Пойдемте в палатку, – сказала Лиля. – Больше сейчас все равно не просушишь.

Я кивнул и спросил:

– Огонь оставлять или залить?

– Зачем? – удивилась она. – Сейчас в тайге ничего не загорится. Да и дождь сам зальет костер.

Лиля шла впереди, временами подсвечивая путь себе

и мне фонариком. Лиля застегнула полотнище входа. Затем нагнулась и достала из-под своей раскладушки скатанный спальный мешок.

– Устраивайтесь.

Моя сумка-планшет уже находилась в палатке. Расстелив мешок, я придвинул сумку к себе и нащупал посудины. Одна из бутылок звякнула.

– Что там у Вас? – спросила Лиля.

– Есть коньяк, бутылка водки и самодельная настойка на клюкве.

– Давайте клюковку.

– Отлично. Наши вкусы совпали.

– А зачем тогда носите с собой водку и коньяк?

– Да, в общем, либо как презент кому-нибудь, кого, может быть, наперед не знаешь, либо для употребления экипажем в трудных ситуациях. Может, вашим ребятам отдать?

– Нет. Отдайте мне. А то у меня заканчивается НЗ.

– Нашедшего первую фауну премировать уже нечем? – подхватил я.

– Вы знаете? – удивилась она.

– Как не знать, если столько лет геологов перевожу.

Лиля засмеялась.

– Открывайте банку.

– Ого! Лосось в собственном соку!

– Вам нравится?

– У меня с собой и хлеб есть.

– Да ну! Доставайте. А то мы все из муки ландорики печем.

– Ясное дело. Вот, принимайте.

Я извлек из сумки заветную фляжку и пару пластмассовых стаканчиков.

– За Вас, Лиля.

– И за Вас, Коля.

Мы чокнулись стаканчиками и выпили.

– Как, на ваш взгляд?

– Вкусно, – призналась она. – И вроде не слишком крепко.

– Старался, – сказал я. – Вот теперь можно выпить за встречу.

– Сначала поешьте.

– Хорошо. В других палатках, я полагаю, сейчас кипит мозговая работа насчет того, что там делают наша начальница и пилот?

Лиля подумала и спросила:

– Вам так важно? – и твердо добавила, – разумеется, нет.

Если бы я со всеми их мнениями считалась, здесь никакого дела не делалось бы.

И опять стало тихо, как тогда у костра. Стал слышнее стук дождя по крыше палатки.

– Вы серьезно? – наконец, сказала она.

– Да, серьезно. Я прошелся глазами по лицам после прилета. Вроде хамского отродья не заметил. Тут кто-то должен быть хотя бы тайно влюбленным в Вас. А отсюда и шага нет

до ревности.

Лиля снова засмеялась.

– Ну, давайте выпьем за встречу.

Мы снова чокнулись. Немного погодя я налил по новой.

– Я поняла, что после знакомства с Риточкой Фрейбергер вы с повышенным вниманием относитесь к женщинам-геологам. Кстати, не знаете, как она теперь?

– Нет, не знаю.

– Ну, все равно – выпьем за нее.

Лиля подождала, пока я выберу из банки остатки лососины, и сказала.

– Ну все, хватит пировать. Надо укладываться. Завтра дождь может кончиться, и тогда мне в маршрут, а вам в полет. Надо отдохнуть.

Она дала мне время посмотреть, куда положить одежду, напомнила, что фонарик положила на выючный ящик, и задула свечу. Стало темно. Сквозь стук дождя по крыше был слышен шорох снимаемых одежд. Потом я понял, что Лиля залезла в свой спальный мешок. В атмосфере замкнувшего нас пространства я ощутил сильнейшее напряжение своих и Лилиных ожиданий.

Она ответила на мой поцелуй, хотя и довольно слабо. Я поцеловал еще. И запустил руки внутрь не застегнутого клапана спальника. Там пальцы встретили голую грудь. Время слов кончилось, и теперь я вслушивался в ее дыхание. Почувствовав, что волна в ее груди нарастает, я правой ру-

кой скользнул и коснулся начала начал.

Лиля ладонями раздвинула клапан спальника, и я, обняв ее за плечи, помог ей выбраться. Теперь почти все ее тело стало доступным для моих рук и губ. Лиля приподнялась, освобождаясь от последних покровов. Она приняла меня безоговорочно и страстно. Теперь она то сжимала меня в объятиях, то притягивала мою голову к себе и целовала, целовала, целовала.

Перед кульминацией я шепнул, надо ли предохраняться, и в ответ она выдохнула: «Да»! И потом я еще долго ласкал ее поцелуями и руками, чувствуя, что напряжение отпустило ее, но ей все равно приятно и, стало быть, не стыдно и не жалко себя за слабость. И потом я постарался повторить и сделал это еще нежней. Незадолго до того, как я оставил ее, чтобы хоть немного поспать, я услышал очень тихо произнесенные рядом с моим ухом слова: «Коля, Коля!» – и потом тихо, – «как хорошо!..»

В конце августа ночи уже достаточно долгие, чтобы можно было успеть заснуть еще в темноте. Когда мы проснулись от шума на биваке, стало ясно, что день будет рабочий. Дождь кончился. Утро было сырое, но не очень туманное, и легкий ветерок вытягивал из широкой долины остатки облаков. Хребты были отдалены, и все-таки было видно, что их побелил свежий снег. Мой механик, едва завидев меня, пошел гонять мотор. У нас с Лилей осталось время только для завтрака. Не помню, что ел, но мы сидели за столом

друг против друга и смотрели, стараясь больше запомнить и больше передать от себя друг другу. Шансов увидеться когда-то еще было чрезвычайно мало. Судя по тому, как нас старательно не тревожили, это понимали не только мы. Лиле предстояло скитаться до снега где-то в ближних и дальних окрестностях стоянки, а мне даже неизвестно, где.

Но труба звала. Торопил и паводок, уже значительно сузивший еще вчера широкую полосу гальки, на которую я сел. Залповый сброс дождевых вод вот-вот мог докатиться сюда из верховий. Я подумал, что если бы рейс в Лилину партию выпал мне не на вчера, а на завтра, посадка стала бы уже невозможной. А если бы она когда-нибудь снова обсохла и меня послали сюда, глядишь, мог бы Лилю и не застать. Но вот застал. Провожать самолет собрались все, кто был в лагере. Мне отдали письма, и Лиля свое письмо тоже.

Когда оттягивать дальше сделалось невозможно, я, сняв фуражку, взял ее руку и поднес к губам. Что-то дрогнуло в ее лице, и Лиля порывисто обняла и поцеловала меня, а я ее. И все. Я вошел в аппарат, по наклонному полу перебрался в кабину, открыл форточку, разогнал обороты винта, отпустил тормоза и через полминуты уже набирал высоту. Потом я заложил вираж и снова пронесся над геологической стоянкой, покачав на прощание крыльями.

– Что, никак не можешь вспомнить? – услышал я рядом с собой и, взглянув в сторону, увидел Валентина.

– В том-то и дело, что вспомнил, – ответил я.

– Значит, было о чем вспоминать?

Я кивнул.

– А кто она была? Геолог?

– Да, геолог.

– А как ее звали?

– Не скажу.

Возможно, Валентин почувствовал, что мне походный палаточный интим представился иначе, чем ему. Ну что же, каждому свое. Может, он помнил коллегу, разделявшую с ним бурную страсть в течение целого сезона. Может, перед его глазами всплывал какой-то чудный пейзаж: некая волшебная страна, посередине которой стояла палатка и в ней – двое. Все у него могло быть с женщинами-геологами, только не то, что случилось у нас с Лилей. Я помнил об этом как о самых светлых часах моей жизни, когда мне открылось новое понимание любви. И помнил о Лиле, ладной женщине невысокого роста с особым светом в глазах и душе.

IX

Прежде чем разойтись по палаткам, мы обсудили планы на завтрашний день. Андрей предложил возвращаться в Вазелку, если ребята не против. Ребята заявили, что хотели бы денек побродить по тайге. Очень уж соскучились по такой жизни. Им не светило скоро попасть в поле, поскольку нынешняя их работа предполагала наезды в разные экспедиции

и партии для проверок и консультаций только во вторую половину сезона. А тут можно было пройтись с ружьями (даром, что ли, возили), посмотреть, подышать, ощутить аромат сумрачных распадков и свежесть ветра на высотах, может быть, даже что-то подстрелить на обед. Андрей признал, что выходной день мы себе заслужили, и, хотя сам он предпочел бы поскорей оказаться в Важелке и оттуда договориться с начальством из Кирова насчет вертолета, чтобы посетить плешь, которую мне показал с воздуха пилот «Ан-2», все же объявил о согласии на дневку.

В палатке мы продолжили разговор.

– Тебе не кажется, Андрей, – спросил я, – что основная экспедиция будет отличаться от этой только длительностью и трудностями полета к цели и возвращения домой?

– Кажется, – почти сердито ответил он, и я понял, что его, как и меня, тоже заранее злит, что и там мы ничего не сможем понять.

Андрей помолчал, потом добавил:

– Мы ведь уже говорили об этом. Но это не повод отказаться от обследования пятна.

– Нет, конечно, – подтвердил я. – Это повод для рассуждений совсем другого рода.

– Каких рассуждений?

– Насчет того, как трудно заниматься чем-то без энтузиазма, наперед зная, что существенных продвижений в неизвестность не будет. Я-то в этом деле новичок.

– Представь себе, я в этом деле точно такой же новичок. НЛО – это первая проблема, которой я занимаюсь столько лет без особого успеха. Чувство порой такое, словно барахтаешься у основания высоченной крепостной стены.

– Как же ты тогда держишься?

– Сам не знаю. То ли любопытство не отпускает, то ли сидит во мне неведомое существо, которое знает уже об этом больше меня и только ждет момента, чтобы передо мной что-то значительное распахнулось.

Я не удержался и хмыкнул.

– Ты что, Коля, не веришь, что на это можно надеяться?

– Нет, почему же. Надеяться можно. Рассчитывать нельзя.

– Андрей долго молчал, потом наконец произнес:

– Да, умеешь ты морально поддержать, когда в этом особенно нуждаются.

– Грешен. Да чем утешить? Могут и не дать.

– Конечно.

– А тогда что?

– А тогда останется только понять, что не заслужил.

Мы умолкли, и довольно скоро я заснул.

Завтрак прошел сосредоточенно. Мысли о том, что можно по меньшей мере полдня побродить по окрестностям бивака и поохотиться, заставляла каждого подумать, куда пойти и как не сбиться на обратной дороге. Наш бивак был ничем иным, как точкой, мимо которой можно пройти в ста метрах и не заподозрить, что она находится именно здесь.

Я раздал всем копировки с нашей единственной топографической карты и спросил, кто в какую сторону пойдет.

Но тут вмешался Андрей.

– Вы вот что. В разумных пределах идите куда хотите, но я требую, чтобы все разбились на пары. Мало ли что может случиться. Устраивать поиски пропавшего одиночки нашими силами почти нереально, а ЧП мне ни к чему. Возражений не было. Андрей же достался мне.

Мы условились, какие линейные ориентиры не будем пересекать, и обсудили, как лучше выходить в биваку с разных направлений. Андрей проверил, у каждого ли есть с собой компас, и назначил контрольный срок возвращения – семнадцать часов, по истечении которого недостающих будут искать, если они не отзовутся, выстрелом на два дуплета с места бивака. После этого все разошлись.

Мы с Андреем отправились на северо-запад. Спешить не хотелось. Мы спокойно продвигались в глубь леса. Я знал, что Андрея не тянуло охотиться, и все же он пошел со мной, чтобы не делать ни для кого исключения в им же установленном «парном» порядке. Мы соблюдали молчание, и временами я почти забывал о том, что иду не один.

Вдруг слева от себя боковым зрением я отметил какое-то движущееся пятно. Повернув голову, я увидел уже посеревшего беляка, который, сделав несколько спокойных прыжков, остановился и сел. До него было метров восемьдесят. Андрей, заметив, что я замер, тоже остановился. Я показал

рукой:

– Заяц!

Андрей углядел его не сразу, лишь когда беляк неспешно двинулся. Мы проводили его взглядом. Тогда Андрей сказал:

– Чего не стрелял?

– Далековато, да и жалко стало, – сознался я.

– Мне тоже не хотелось, чтобы ты стрелял. Всегда их жалеешь?

– Нет.

– А во мне с детства, что ли, осталось, что зайчики такие милые.

Мы двинулись дальше. Я вспомнил свою детсадовскую фотографию, сделанную на новогоднем празднике. Под елкой сидели дети, и среди них я, в шапочке с заячьими ушами.

Да-а, в таком настроении трудно было рассчитывать на удачную охоту. Жалость к жертве свойственна многим охотникам, но у тех, кто хочет добыть, она должна просыпаться позже, постфактум, так сказать.

Интересно, жалел зайцев дед Мазай? Не во время половодья, а на охоте? Вот дедушка Ленин – главный друг советских детей – тот к зайцам, загнанным водой на кочку, жалости не испытывал. Надежда Константиновна вспоминала, как в Шушенском ее супруг набил их столько, что борта лодки едва возвышались над водой. Ну, на то он и был величайший политик и вождь, что чужая жизнь значила для него даже меньше, чем ничто, или, проще говоря, отрицательную

величину.

Ничего не скажешь – миленькие мысли полезли сами собой, следом за пустяком А все проклятые контакты с чуждым миром...

Неожиданно вспомнилось то, что пришло в голову еще до этой экспедиции и, следовательно, никак не было связано с воздействием «плеши».

Собственно, ничего особенного. Просто сшиблись – или как там еще – два, вроде бы, вполне обособленных факта. Сшиблись – и выбили искру. И благодаря ей множество сведений, без всякой связи теснившихся в голове, начали выстраиваться в логические цепочки.

Начало было положено сообщением, что американский астронавт Олдрин – единственный из экипажа своего «Аполлона» – поделился с прессой или кем-то еще, что видел на Луне живых существ и технические сооружения. Непонятно было, что важнее в этом сообщении – то, что Олдрин видел инопланетян, или то, что его товарищи по полету по-малкивали, очевидно, в соответствии с полученным от командования строжайшим приказом. Вскоре в газетах появились сведения, что Олдрин на почве своих видений в какой-то степени свихнулся и начал пить. Последнее сильно смахивало на грубую попытку скомпрометировать не ставшего молчать астронавта и дезавуировать его рассказ. Среди статей, которые мне давал Абаза, я нашел одну, содержащую вполне конкретные подробности – купола над лунной

поверхностью, громадные плато высотой в полмили и размерами в плане примерно 20×20 миль, действующие горные разработки, трубопроводы. Все это было заснято на пленку.

Американцы побывали первыми на Луне, но они были все не первыми, кто подробно снимал лунную поверхность с окололунной орбиты и с луноходов-автоматов. Очень долгое время наша лунная программа воплощалась в жизнь быстрее американской – до тех пор, пока внезапно не была свернута, хотя должна была обеспечить доставку советского космонавта на Луну. Объясняли это исключительной дороговизной полетов, что, конечно, соответствовало действительности. Однако мне не верилось, что только это было причиной. И сейчас я вдруг ясно понял: объекты, увиденные Олдрином, не могли остаться не заснятыми нашими автоматическими станциями. Не могли! Значит, снимки легли на стол Политбюро и заставили его членов крепко задуматься. Решили, что по собственной инициативе советским людям лучше на Луне не появляться. И, если предположить, что хозяева лунных сооружений нанесут ответный удар по той части Земли, откуда была послана ракета с экипажем, это окажется очень даже кстати – главный противник мирового прогресса и коммунизма будет сокрушен, бери его тогда хоть голыми руками. И всего-то и нужно – свернуть программу пилотируемых лунных полетов.

Я шел по лесу, следил за азимутом и только удивлялся своим мыслям. С Андреем говорить совсем не тянуло,

но я понимал, что кое-чем из этих соображений с ним все равно придется поделиться. Я даже решил предложить ему взять с собой в экспедицию на Северо-Восток кого-нибудь еще, чтобы посмотреть, проявятся ли на тамошней плещи такие же воздействия на волю и интеллект, которые произошли здесь с нами.

X

Через пять часов мы вернулись к лагерю, так и не сделав ни единого выстрела. А обе пары геологов-геохимиков добыли по глухарю. Счастливые, они снимали друг друга с огромными птицами в руках, и мне было понятно их настроение, но немного жаль глухарей. После леса в движениях каждого сквозила усталость, подтверждая справедливость моего убеждения в том, что тайга возьмет свое с человека. И еще все знали, что единственный день отдыха подходит к концу. Что нам оставалось перед возвращением в Важелку? Только провести в палатках еще одну ночь, позавтракать и собраться.

В палатке Андрей спросил меня:

– Что это ты такой тихий и сумрачный?

– От недовольства собой.

– Какого недовольства?

Я рассказал, о чем думал во время охотничьей прогулки.

– Знаешь, – наконец высказался Андрей, – а ты, наверное,

прав. Из нас же веревки выют, соки выжимают, да притом заставляют ничего не выдумывать, ничем не интересоваться. Вот мы коснулись запретного – и поехало. На нашу мысль узду уже не наденешь. А если большинство будет вести себя так?

– Ну, большинство вести себя так никогда не будет, – возразил я. – Ситуация в этом смысле находится под неусыпным контролем ЦК КПСС и товарищей из КГБ.

– Теоретически и они не всеильны, – возразил Андрей.

– Теоретически да, – согласился я, – а вот практически лишь за редчайшими исключениями всеильны. Благодаря тому, что практикуют всеобщий опережающий террор, карая за мелочи как за серьезнейшие преступления, причем не только самих оступившихся, но и их родню. Не забывай и о такой «мелочи», что государство у нас единственный, то есть монопольный работодатель. Вышвырнуть с настоящим волчьим билетом они в любой момент могут любого. В этом смысле даже наш разговор в палатке у черта на рогах, в тайге и то не вполне безопасен, потому что мы не одни.

– Ты сомневаешься в ком-то из ребят? – вскинул глаза Андрей.

– Нет, но я их плохо знаю. Разве мало было в жизни примеров, когда одни закадычные друзья предавали других? Да если вдуматься как следует, то кто вообще может предавать, кроме друзей? С врагами особо не откровенничают, с посторонними людьми тоже.

– Да, ты прав, – сказал Андрей. – Это значит, что потенциально опасными для каждого человека являются остальные люди. А это разве не абсурд?

– Безусловно, абсурд, во-первых, потому, что каждый человек не знаком со всем остальным человечеством; и, во-вторых, потому, что кое-кто оказывается неспособен предать доверившегося, особенно того, кого любит, даже под пытками. Таких очень мало, но все же точно известно, что такие люди встречаются.

– Ну, утешил, – ответил на это Андрей. – Согласился, называется. С точностью до наоборот. Без малого.

– Вот именно – без малого. А потому для таких открытий надо выбирать другую обстановку. Беседовать, скажем, под шумовой защитой водопада или дождя или где-то на хорошо просматриваемой местности, на которой шпиикам негде спрятаться и нельзя незаметно подойти.

– Ладно, – засмеялся Андрей. – Ты лучше вот что скажи: как жить, сознавая все это?

– Ничего себе вопрос, – отозвался я. – По-моему, надо либо выбросить это из головы, либо эмигрировать, если не хочешь оказаться в застенках и лагерях.

– А ты можешь выбросить? – прямо спросил Андрей.

– Выбросить не могу. Но я тренированный. Могу приказывать себе не думать.

– А как ты смотришь на эмиграцию?

– Вообще или для себя?

– И то и другое.

– Вообще – лояльно. Если человек не может жить, дышать или творить здесь у нас – лучше пусть уезжает. Сам я эмигрировать не хочу, разве что под страхом уничтожения, физического и гражданского. А наперед знаю, что в других странах мне будет плохо. В этом смысле Родина для меня не пустой звук, тем более что я так много на нее насмотрелся. Виды родной страны притягивают меня сильнее, чем отталкивают правители. Да и кем бы я мог там начать? Языка не знаю. К летной работе доступа бы не получил. К бизнесу таланта не имею.

– Ну, ты со своим знанием французского мог бы жить во Франции.

– А кто меня там ждет? Это в Израиле и США еврейским эмигрантам хоть как-то помогают, дают возможность адаптироваться. А во Франции что? Разве только через иностранный легион. Это мало радости, и тоже поздно. Туда идут молодые, жадные да глупые.

Я вдруг спохватился:

– Да что это я тебе все объясняю? Ты-то сам ничего в уме не прикидывал насчет себя? Просто ради оценки возможностей?

– Прикидывал, конечно. Тоже ничего утешительного не нашел.

– Ну, у тебя хоть на Западе известность есть. Ты там признанный спец. Можешь на что-то рассчитывать. Английский

язык знаешь.

– Ты думаешь, Коля, им своих уфологов не хватает? Ошибаешься. Когда Абаза живет и работает в СССР, он полезен и нужен, поскольку является источником сведений об НЛО с закрытой для них территории. Тогда ему можно оказывать почет и уважение и даже в чем-то помогать. А если Абаза переедет в Америку, то окажется одним из многих. Те из них, которые занимают официальные посты и хорошо оплачиваемые рабочие места, будут совсем не в восторге от появления конкурента и, будь уверен, – постараются закрыть дорогу в свой солидарный и замкнутый круг. Я это точно знаю! – предупреждая мои возражения, добавил Андрей.

– И все же у тебя там были бы шансы, – сказал я вслух.

– Были бы, – подтвердил Андрей, – но не такие, как здесь. У нас я уфолог, так сказать, первого плана, а у них, дай бог, второго.

– Но тебе же не план важен, а возможность работать.

– Вот именно. А она-то как раз и будет у тех, кто на виду. Чего мне здесь недостает? Денег на проведение исследования и возможности свободно публиковаться. Но, будь уверен, больших денег мне и там не дадут. В чем тогда выгода, хотел бы я знать?

– В том, что там тебя за занятия уфологией не уволят и не посадят. А здесь это все-таки может быть.

– Если не лезть на рожон, то и у нас вероятность плохого

исхода невелика.

– С чем нас с тобой и поздравляю, – заключил я. – Таким образом, тему эмиграции мы исчерпали и закрыли.

– Да, но и иной приличной перспективы мы с тобой не нашли, – со вздохом сказал Андрей.

Помолчав, он вдруг добавил:

– Знаешь, если говорить о нас, так называемых гражданах СССР, то в наставлениях или советах инопланетян нуждаемся вовсе не мы. Нам достаточно было бы просто брать пример с более пристойных и благополучных государств, существующих не где-нибудь, а по соседству, на Земле. Могли бы тогда, в самом деле, осчастливить своих подданных материальным достатком, что в теории, собственно говоря, и обещали нам «классики» и все следующие за ними «научные» демагоги. Но вот как раз этого они и не в состоянии были сделать, да и не хотели. Инициативу перехватил капитализм. Его успехи теперь очевидны, хотя нас тщательно оберегают от такого рода знаний. Однако можно ли считать их образ жизни нашей целью и полноценной и достойной целью вообще? У меня лично нет сомнений – к вершинам духа и мысли этот путь не ведет. Рабами вещей, денег, своей собственной неограниченной алчности стать очень просто, двинуться же дальше и выше этот балласт не позволит. Ты согласен?

– Конечно, хотя к пользе дальнейшего духовного развития материальный достаток, на мой взгляд, мог бы хорошо нам послужить.

– Достаток – да! Но когда погоня за новыми товарами превращается в религию и психоз, общество потребления становится генератором убожеств. Оно деградирует, а не развивается.

– Ну, – сказал я, дослушав Андрея, – если ты имеешь в виду необходимость подсказки другого рода для жителей загнивающего Запада, то для этого им не требуется контактов с инопланетянами. Достаточно познакомиться с мудростью древнего Востока. Ему известны не только истинные цели развития, но и практика их достижения.

– Известны-то они известны, – подтвердил Андрей, – да разве и там много таких, кто следует этой мудрости?

– Нет, конечно!

– А почему?

– Потому что все это очень трудно. А человек западной цивилизации употребляет свои мозги прежде всего на то, чтобы жить становилось все более необременительно и легко.

– Вот! – торжествующе возгласил Андрей. – В этом-то все и дело! Сейчас человек трудится с энтузиазмом только тогда, когда знает, что в результате ему станет легче и проще жить. И за это постоянно получает по носу или по лбу. И по заслугам. Я давно понял, что чем труднее далось предшествующее дело, тем труднее окажется следующее. Это только по мелочи удается экономить время и труд. В действительности же ухитряемся экономить ради другого – решения более

сложной проблемы существования. И вся эта «экономия» пропадает без пользы для вечности. А о чем, кроме пользы для вечности, по большому счету, надо заботиться? Но надо твердо знать, что за устремлением в вечность стоят труды, труды и труды.

– А в чем они должны состоять? – спросил я, пораженный тем, как долго Андрей не раскрывался передо мной в главном. Получалось, что, высоко ценя ум Андрея, я его все-таки сильно недооценивал.

Андрей пожал плечами, потом ответил:

– Наверное, для каждого в чем-то своем, особенном. Недаром же нас создали в таком множестве. Не для того же, чтобы мы повторяли один другого. Кстати, скажу тебе, что я много размышлял о деятельности святых и чудесах, которые они творили именем Господа Бога.

– А ты веришь в это?

– Разумеется, верю. Чудеса они творили, это бесспорно. Но смотри – разве человечество задумывалось над тем, что за легкостью, с которой они совершали чудеса, на самом деле стоят неимоверно тяжкие труды? Чтобы стать небесными заступниками грешных, они не просто отказывали себе во всем, что составляет обычные человеческие удовольствия (а это, замечу, достаточно трудно, так как для большинства смысл жизни как раз и сводится к получению удовольствий), но и трудятся в молитве, в аскезе, в мыслях, а иногда в тяжелых земных делах. Кто сооружал монастыри – крепости духа,

хранилища книжной мудрости и защиту от нашествий? Кто сохранял и умножал культурные ценности в течение веков и тысячелетий? Кто заложил основы научного знания, при том попутно с верой? Кто исцелял тела и души, изгонял порчу? Они, святые. Если хочешь, святые всегда служили прямым упреком духовенству, в большинстве своем не способному трудиться до изнеможения на пути святости. Я думаю, многие из клириков ненавидели настоящих святых примерно той же глухой ненавистью, какой булгаковский пролетарский поэт Рюхин ненавидел Пушкина.

– Неплохо сказано, – усмехнулся я. – Михаил Афанасьевич был бы доволен. Мне кажется, что в мыслях он был бы рядом с тобой.

– Скорей я с ним, – возразил Андрей. – Тем более что ему веровать было легче и естественней.

– Из-за того, что вырос и получил воспитание еще до революции?

– Не только. Ведь его отец был видный богослов. Насколько же проще ему давались многие знания, нежели нам! Это же была настоящая домашняя Платоновская академия.

– Да, нам такое и не снилось, – согласился я.

– Ну, нам кое-что стоящее тоже в системе образования перепало – грех жаловаться. Но вот живой, трепетной духовной близости между учителем и учеником у нас, в отличие от антиков, конечно не было, а это важно, особенно при освоении гуманитарных наук.

– А ты жалеешь, что не учил в университете философию?

– Жалею, – серьезно ответил Андрей. – А ты разве нет?

– Как сказать? – пожал я плечами. – Жалости определенно не испытываю, но, скорей всего, от того, что философию нельзя «проходить». Однако ущербность своего незнания порой все-таки ощущаю. Тем более, что потихоньку философствую сам.

– Это как?

Я подумал, прежде чем ответить, и решил, что лучше представиться поскромнее.

– Сначала сам себе задавал вопросы, старался доискаться до ответов. И, вообрази, постепенно начал на них отвечать. В общем, очень постепенно погружался в эту сферу. От одной ошибки меня, между прочим, Энгельс уберег. В начале «Анти-Дюринга» я у него вычитал, что любой немецкий студент начинает в философии с не меньшего, чем с выдвижения собственной системосозидающей идеи. Дальше я «Анти-Дюринга» не читал, но это едкое замечание пошло впрок. Системосозидающей идеи я по первому философскому импульсу выдвигать не стал, дабы не зависнуть с ней, как корова на заборе.

– Но ты к ней все-таки пришел, к своей системосозидающей идее? – спросил Андрей. В его голосе я ощутил напряженное ожидание.

– Похоже, да.

– И в чем она?

– Позволь пока не отвечать. Это не потому, что боюсь тебе довериться. Просто у меня еще не проходит чувство, что я не со всех сторон, в меру, конечно, своих собственных знаний, обосновал ее. Не выявил достаточного числа закономерностей, чтобы они во взаимосвязи действительно выглядели системой не только для меня. Все-таки сильно боялся раньше времени впасть в преувеличенное представление о самом себе.

– А теперь оно у тебя есть – преувеличенное?

– Думаю, нет. Довольствуюсь благодарностью.

– К кому?

– К Создателю. За то, что Он дал мне кое-что познать и выйти на эту самую системосозидающую идею, которая принадлежит, разумеется, исключительно Ему и которую Он величайшей милостью дал мне осознать.

Андрей и не пытался скрыть своего удивления. Не ожидал он, значит, от воздушного извозчика с репутацией лихача философских склонностей. Да и то – как такое можно было предполагать? Впечатления завзятого мудреца я не мог производить. Теперь он, небось, начнет думать, как дальше строить отношения со мной – как прежде, то есть исходя из того, что он более развит и знающ, или по-новому? Эта мысль развеселила меня. Повернувшись к Андрею, я сказал:

– В наших представлениях, на мой взгляд, много общего, но по образованности я тебе не чета. Поэтому как был ты для меня начальником экспедиции и лидером, так и остаешься

им.

– Значит, ты готов продолжить сотрудничество и участвовать в экспедиции на дальневосточную плешь?

– Готов. Несмотря на то, что после здешней плечи уже не ожидаю узнать нечто поразительное. Больше даже потому, что не хочу отпускать тебя в те края одного. Да и пользу экспедиции – в организационном смысле – я могу принести.

– Уже видели, убедились, – улыбнулся Андрей.

Внезапно я осознал, что Андрей был бы мне очень благодарен, если бы я помог ему поближе познакомиться с Инкой, хотя сам он ни за что не попросил бы меня об этом – в самом крайнем случае лишь мечтал бы о такой услуге. Этот человек, казалось, всегда был один на один со своими проблемами, пока ему по каким-то причинам сами не начинали помогать другие люди, менее даровитые и менее увлеченные, но все-таки не находящие возможным и дальше оставлять его одного. Нет, не в то время и не в том месте, не в той среде явился на свет Андрей Владимирович Абаза. Куда бы лучше ему было родиться и жить помещиком или наследником крупного состояния, которое он обратил бы на благородные и гуманные цели и меньше всего на себя. Но где там. Небеса приготовили другое – быть испытанным непризнанием, враждебностью, непониманием и лишь чуть поддержанным доверием, солидарностью и восхищением. Казалось, сам Андрей ни о чем не жалел – просто продолжал делать свое дело, как считал нужным. А что большее может сделать смертный,

чтобы доказать свою пригодность Господу Богу?

Я подумал, до чего же мне повезло, что моим исканиям не мешало ничье недоброжелательство, недобросовестность и зависть. Андрей же вполне нахлебался всего этого – но не ожесточился, не проклял ни судьбу, ни страну, храня спокойствие, ближе всего подходящее под определение «олимпийское».

– Коль, ты бы не умалял своих достоинств, – продолжил Андрей, – а лучше подсказал, что еще можно сделать на этой плещи, прежде чем мы уйдем.

– Ты серьезно?

– Вполне.

– Ну, тогда одно могу предложить – выяснить, нет ли на ней гравитационной аномалии, – сказал я.

– Как же это без специальных приборов?

– Ну, как... Сделать два одинаковых маятника – один на плещи, другой за ее пределами, пустить их качаться и измерить число колебаний за одно и то же время. Если будут различаться, значит, притяжение Земли в этих точках различно.

– Хм, – произнес Андрей. – Не знаю, можно ли в наших реальных условиях достаточно чисто провести этот опыт, но мысль не лишена привлекательности. Во всяком случае, в экспедицию на твою плещь надо будет обязательно взять гравиметр. А здесь... – помедлил он, – можно попробовать обойтись кустарными средствами. Секундомер у нас есть,

кварцевые часы тоже. Только маятник придется использовать один и тот же, а не два похожих – одинаковыми они у нас не получатся. Измерив в одном месте, перенести в другое, по-возможности защитив от ветра и там, и там. Если, конечно, наши геофизики сочтут, что есть смысл. У них-то, небось, точные представления о требованиях к прибору. Но, как бы то ни было, за подсказку спасибо.

– Слушай, Андрей, – вернулся я к оставленной было теме, – как получается, что звездное небо даже самому неграмотному человеку внушает уверенность, что главные тайны мироздания заключены именно в нем?

– Не знаю. Возможно, бесконечность, бездонность неба, бесчетность звезд. Но скорей всего – некое волнующее изображение чувство. Оно и побудило меня выбрать профессию.

– А нудная формалистика механики и математики его не уничтожила?

– Нет. Во-первых, формулы небесной механики очень красивы. А, во-вторых, математические зависимости в приложении к небесной сфере дают возможность заглядывать гораздо глубже в бездну, чем могут позволить самые изощренные наблюдательные средства. Так что нет – влекущего к звездам чувства это не уничтожает.

– Странно. Я думал иначе.

– А ничего удивительного. Ты же не механик, не математик.

– Но ведь и их должно вдохновлять на теоретические по-

строения что-то из мира интуиции и воображений?

– Безусловно. Вот ты сам и назвал связующее звено между точными науками и звездным небом. Именно интуиция и воображение.

– Но и то и другое – суть божественные дары. Следовательно... наукой движет вовсе не что-то земное, а небесное? Я источник знания имею в виду...

Андрей задумался.

– Да, видимо, так. И даже не важно, верит ли ученый в Бога или не верит, другого источника новых знаний все равно нет. Знания существуют вне нас, то есть в чьей-то невообразимо гигантской голове, во Всемирном Разуме. Иначе мир и не был бы познаваем – просто не было бы чего познавать. А мы все-таки кое-что познаем, хотя чаще всего в микродозах. А, собственно, до чего ты доискиваешься?

– Как нам реагировать на получаемые свыше знания.

– То есть как это – как?

– А так. Как только для нас что-то проясняется, это должно, по идее, менять поведение людей, обращать их к Главной Истине или, лучше сказать, к полному Истинному Знанию. Потому что, если движение без знания истины равносильно блужданию наугад и является просто бедой, то движение со знанием истины, но не в том направлении, которое она диктует, наш творец квалифицирует уже как вызывающий, возмутительный грех, и кара за это уже совершенно иная.

– Вот оно что! – отозвался Андрей.

– Да, за неприятие познанной истины кара несравненно суровее. Однако люди до сих пор этого никак не поймут.

– Значит, доиграются. Несомненно, доиграются... И все равно кое-кому надо следовать истине. Иначе вообще нет никакой надежды и перспективы. Так что, ты прав, — и добавил, — Это не значит, что человечество не будет следовать за лжепророками, которых всегда хватает. Истина не может быть крикливой, хотя порой и вопиет о себе.

– Да, — подтвердил я и высказал одно из самых важных моих открытий:

– Чтобы люди не верили лжепророкам, нужно, чтобы каждый из них думал своей головой, сам доискивался до Истины, ставя под сомнение, казалось бы, очевидные представления, даже самые приятные и оправдательные. Без этого путь заблуждений, которые ведут прямо в ад — все до одного, — будет пройден человечеством до конца.

– Да-а, — задумчиво протянул Андрей. — Ты верно определил основной критерий, различающий пророков настоящих, слуг истины, и лжепророков — эти-то убеждают, что служат истине, но нужна им только собственная выгода. Скепсиса их хватает только на то, чтобы оплевать оппонента. А инструмент их — правдоподобная ложь.

Ты меня извини, я вдруг только сейчас понял, почему ты расстался с летной работой. Тот довод, который ты раньше мне приводил — насчет того, что списали по возрасту, а ты счел ниже своего достоинства доказывать професси-

ональную пригодность тем, кто летал хуже тебя, – как-то не вполне убеждал. Теперь-то мне ясно, что ты поступил мудро. Правда, с другой стороны, тогда не очень понятно, зачем ты обратился к уфологии и ко мне? Ты, в общем-то, постарался создать у меня впечатление, что тебе на пенсии некуда себя девать, вот ты и решил заняться интригующей экзотической проблемой. Помнится, ты даже говорил, что готов пожить в какой-нибудь таежной глуши, если там велика вероятность понаблюдать за НЛО.

– Верно, говорил. Мне уже в детстве хотелось быть охотником в тайге, ну, а потом – хотя бы просто уметь так жить. Но разве научишься, если не окунешься с головой? Кое-что я уже, конечно, и без одиночной зимовки умел, но ведь наверняка не все. А еще я думал, что одиночество, особенно длительное одиночество, даст возможность постичь что-то еще, что откроются новые грани бытия.

– Сейчас нечасто встретишь такого, который верил бы в одиночество как в стимул творческого процесса, – признался Андрей. – Это раньше были отшельники. А тут вдруг молодой, красивый, жизнелюбивый и прочее, и прочее берет и уединяется там, где анахорету и жалкого подаяния не дожидаться.

– А святостью этот анахорет отнюдь не блещет... – добавил я.

– Возможно, так. Но если даже сам анахорет не свят, все-таки миссия его освящена несомненно. Ладно, допустим,

ты прояснил еще один из своих мотивов. И все-таки на кой-тебе НЛО? Я вот чувствую – не стоит тебе глубоко въезжать в это дело. Тупик это. Не втягивайся, как я.

– Ну, это никому не известно, тупик или нет. Считай себя мореплавателем времен великих географических открытий. Увидел перед собой водную поверхность, уходящую вглубь неведомого материка, а что это залив, то есть тупик, или пролив, то есть проход, выяснится позже. Может, как Генри Хадсон, упрешься в Гудзонов залив. Может, как Магеллан, наугад пройдешь проливом, выводящим из океана в океан. Не все зависит от нас, добрый друг. Главное-то как раз не в нашей воле, хотя многое зависит от искренности стараний.

– Но тебя, похоже, ждут другие проливы.

– Похоже. Но на Северо-Восток я с тобой все равно следаю.

– Да я не об этом – я о дальнейшем.

– А-а! Но я и потом останусь твоим другом, если не возражаешь, конечно. Может, еще куда с тобой попрошусь.

– Ладно, запомню. А пока давай спать.

– Давай, – согласился я. – Спокойной ночи.

XI

На сей раз ничто не мешало мне спать. Если плешь с ее полем и действовала, то не так, как в предыдущую ночь. Мо-

жет, наблюдающих за нами устраивало, что мы решили смаковать. После завтрака геофизики начисто зарубили мое предложение с маятниками. С таким «оборудованием» получить сколько-нибудь достоверные результаты было невозможно. Еще через час мы свернули лагерь и двинулись в обратный путь, на Важелку. Переход речки по рояльной древесине прошел благополучно – все перемахнули на другой берег, не замочив ног. Груз за плечами уменьшился незначительно, однако шагать было заметно легче. Видимо, мы действительно втянулись в походную жизнь (в полевую – как сказали бы спутники-геологи). На коротком привале на берегу речки Андрей раздал всем по куску сахара, как это на пути к плешу сделал Иван.

– Хорошо, – произнес сидевший рядом со мной Андрей.

– Ты о чем? – спросил я.

– О том, что вокруг. О пейзаже.

– А-а! – отозвался я. – Да!

Знавал я, конечно, множество куда более впечатляющих видов, но и в нем что-то радовало душу. Давным-давно, еще не ведая о формуле «красота спасет мир», я очень даже ощущал, что красота причастна к судьбам мира. Кое-что Достоевский всё же не учитывал: красота сама нуждалась в спасении. А ее что могло сохранить? Только сознательная работа в соответствии с познанной истиной, иными словами, с Высшими законами бытия. Знание, превращенное в директиву людского поведения. Конечно, люди, научились подделывать

красоту. Но ведь и настоящую красоту они тоже находили и тем, конечно же, множили знания, применяя которые можно было надеяться спасти Мир. Поэтому роль красоты в мире оставалась неизменной – удостоверить Истину непосредственно, не прибегая к логическим построениям, что особенно важно тогда, когда аргументов как раз и не хватает.

Под вечер мы благополучно вернулись в Важелку. Саня Березин сразу сообщили пришел на аэродром и, предупреждая возражения, повел нас к себе – дескать, утро вечера мудренее.

– Андрей, – спросил я. – Ты мог бы пожертвовать ради меня несколькими часами завтра днем и вечером, если мы утром прилетим в Киров? Мне от приглашения Васильковых не отмотаться, и я боюсь, как бы не застрять у них. А с тобой или, тем более, со всеми ребятами, можно будет и отговориться.

– Так ни меня, ни ребят Васильковы не приглашали, – возразил Андрей.

– Ну и что? Я устрою так, чтобы приглашение было.

– А что нам тогда делать?

– Как что? Культурно посидеть за столом. Сделаем свой взнос в виде вертикальной закуски. Цветы для хозяйки за мной.

– Я бы и в цветах с удовольствием поучаствовал, – буркнул Андрей и тут же покраснел.

– Ну тогда – тем более!

До прибытия в Вятку мы этой теме больше не касались.

Как и следовало ожидать, Сашка и Инка встречали нас у трапа на летном поле. Все были охвачены радостью от новой встречи и успеха экспедиции, и мне даже не пришлось просить о приглашении всей команды. Ребята засмутились, поэтому я взял инициативу на себя и сказал, что мы безусловно благодарим и рады будем воспользоваться их гостеприимством после таежного одичания, но только ненадолго, поскольку интересы нашего общего дела требуют скорейшей обработки материалов. Геологи оказались не против. Андрею не оставалось ничего другого, как присоединиться. Возражать против подобной постановки вопроса хозяева не стали, и нас на аэродромном автобусе без лишних слов повезли к ним домой.

Дорогой я попросил остановиться у книжного магазина. Хотелось подарить что-нибудь хорошее детям Васильковых. Наша компания расплзлась вдоль полок и прилавков. Всем забрасываемым в далекие от столицы части империи, многократно доводилось убеждаться в том, что желанные книги чаще можно застать на периферии. Думая о названном в память обо мне Коле Василькове и, собственно, ничего не зная ни о нем самом, ни о его интересах, я решил, что не ошибусь, если подарю ему книгу о путешествиях или об авиации – фантастику он и сам для себя найдет. Я быстро наткнулся на двухтомник Нансена «Фрам в полярном море» и книгу Поля-Эмиля Виктора «Друзья по риску» и купил их,

и только потом задумался, что же поискать для Иры.

– Ин, скажи, чем интересуется твоя дочь? – спросил я. – Современностью? Классикой?

– Ничем, – ответила Инка.

– Может, купить ей кулинарную книгу?

– Да брось ты думать об этом!

– Ну, тогда ничего не остается, кроме набора шоколадных конфет. Кстати, неплохо бы нам со своей стороны прихватить к столу коньяку и шампанского.

– Еще чего! Все уже есть!

– Ну нет! Так не полагается!

И вот мы, наконец, оказались в доме Инки и Сашки. По всему было заметно, что хозяева старательно следят за тем, чтобы в доме имелось все, что должно быть в уважаемой, преуспевающей семье. Эта печать всегда была неотторжима от провинции, и я понимал, что похвалить обстановку и уют совершенно необходимо. Мы договорились, что побыстрому примем душ, чтобы соответствовать чистоте и атмосфере дома, а то исходивший от нас дух пребывания у таежного костра и ароматов, сопровождающих немых бродяг, мог испортить настроение не только хозяевам, но и нам самим. Нам шестерым хватило полтора часа. За это время Инка с помощью мужа и детей накрыла стол и устала его закусками. Все мы, тушуясь, перебрасывались отрывистыми вежливыми фразами, чтобы только не молчать. Но после первых тостов за экспедицию и хозяев языки развяза-

лись. В общей беседе обнаружили нити общих интересов, и в дальнейшем поддерживать разговор уже не составляло труда.

Меня как почетного гостя поместили между Сашкой и Инкой. По другую руку от Инки усадили Андрея. Сашка расчувствовался, вспоминая наши курсантские подвиги. Сейчас эти подвиги выглядели не всегда столь же веселыми, как казалось раньше. Но что было, то было. Инка вела себя предупредительно и сдержанно.

Коля Васильков оказался рослым и красивым парнем, похожим на Инку, как, впрочем, я и ожидал. Приглядываясь к нему, я думал, станет ли он продолжателем нашего летного дела и, главное, найдет ли счастье в нем. Наши с Сашкой юные благоглупости вряд ли завладели его воображением. Во всяком случае, наши глаза загорались ярче, когда мы оказывались в обществе бывалых летчиков и моряков. Впрочем, Коля оживленно беседовал с геофизиком Матвеем, сидевшим рядом и, судя по долетавшим до меня сквозь общий разговор обрывкам фраз, интересовался районами экспедиций, в которых тому доводилось бывать. Может, парень уже прикидывал, в какой район ему лучше податься после окончания училища, а в какой лучше вообще не попадать.

Впрочем, что удивляться? Современная молодежь и должна быть прагматичнее нас в силу большей привязанности к удобствам, деньгам и вещам. Наши родители в свое время были романтичнее нас, особенно когда их уговарива-

ли с энтузиазмом строить коммунизм не щадя живота своего. Мы и то уже знали, что если сам не позаботишься о своем животе, то никакая власть о нем не позаботится, – чем ты окажешься в этом смысле беспечнее, тем это будет ей выгоднее. Ирочка, сестра Коли, выглядела в свои тринадцать лет уже скорее девушкой, чем девочкой, видимо, унаследовав от матери живой темперамент. В остальном она не походила на Инну – тут уж явно просматривалось и влияние генов Сашки. Она односложно отвечала на вопросы Владимира Петровича и Игоря, между которыми сидела, немного стесняясь их предупредительности и заботы о ней. Я взглянул на ее мать, все еще сравнивая их. Инка вопросительно подняла бровь.

– Смотрю, насколько дочь похожа на тебя, – объяснил я.

– На меня не очень.

– Но и на Сашку тоже, – возразил я.

– Да, что-то среднее, – согласилась она. – Нравится?

– Да, очень! Думаю, будет покорять мужские сердца!

Инка улыбнулась.

– Ну, давай выпьем за это, – сразу предложила Инка и чокнулась со мной.

– Вы за что пьете? – поинтересовался Сашка.

– За то, чтобы и у меня, наконец, появилась нормальная семья, – сказал я.

– Ну, такое дело обязательно надо поддержать!

Я чокнулся и с ним.

– Не забудь на свадьбу позвать, – сказал Сашка.

В моей памяти всплыли сразу две вещи из русской живописной классики. «Неравный брак» кисти Пукирева и «Свадьба майора» (она же: «Поправка обстоятельств») Федотова. Почему, я сначала не мог понять. На майора я не тянул. На старца, имевшего на груди две звезды, тем более. И девами очень юного возраста – как из бедных дворянок, так и из богатых купчих – я как будто никогда особенно не интересовался. И вдруг в мозгах прояснилось: это они – и Сашка, и Инка – представляли, на ком мне надо жениться!

– Ты, наверно, уже забыл, что женить человека против его воли почти невозможно, даже если он всего лишь курсант, – напомнил я Сашке. – Или тебе по долгу службы, как лицу, ответственному за морально-политический уровень подчиненных в отряде, теперь почти каждодневно не приходится воспитывать персонал?

– Ну что ты, что ты?! – примирительно завозражал Сашка. – Чудак ты, ей богу! Время-то идет! Я об этом только. Больше ни о чем!

Я вдруг прислушался к тому, о чем говорили Инка с Андреем. Мой высокоученый друг говорил, что экспедиция, возможно, еще раз вернется в эти края. – «А от чего это зависит?» – «От того, найдутся ли средства для продолжения и расширения исследований. Тем более, что к двум вызывающим интерес точкам можно добраться только на вертолете» – «Ну, я думаю, вам здесь всегда обеспечат возможность

добраться куда надо, без больших затрат». – «Приятно слышать, но трудно на это рассчитывать». – «Почему?» – «Одно дело подбросить старого приятеля на малом вертолете, другое – завозить и вывозить целую экспедицию, даже небольшую. Тут уж на благотворительности операцию не построишь».

Мне оставалось только потихоньку хмыкнуть. Ловко Андрей указал Инке на разницу между благотворительностью и той «экспедицией», которая могла сюда явиться в будущем. Как бы то ни было, настала очередь Инки сделать свой дипломатический ход. И она сделала:

– Вы в любом случае можете рассчитывать на помощь с нашей стороны.

Я мог видеть только малую часть ее лица, особенно губ, потому что она повернулась в сторону Андрея, но и этого хватило, чтобы оценить, столь коварной улыбкой она его при этом одарила. «Все, спекся», – подумал я.

Я не чувствовал ревности. Скорее это была легкая досада. Впрочем, если паче чаяния новая экспедиция исследователей НЛО явится сюда под руководством другого энтузиаста, а не Андрея Абазы, то Инка и его может встретить с живым интересом. Это я не в укор ни Инке, ни другим женщинам, которые хотят счастья и видят его под вполне определенным углом зрения. Каждому свое в мыслях и мечтах. Только не всегда в реальности. Жаль, что я не смел мечтать ни о Нине, надежду которой на брак когда-то не оправдал,

ни о Риточке Фрейберг, которую достаточно скоро забыл.

Нину, конечно, я помнил гораздо лучше, но смел ли теперь сделать к ней шаг? Вот если бы она... Только с какой стати? Она человек с достоинством, гордый. Как ей начинать? Раньше я хотела – ты не мог, а теперь ты можешь – я не хочу. Мда-а. И все равно стоило бы ее повидать. Вдруг она до сих пор хочет, чтобы все вернулось – и упоительное счастье и шанс создать семью по взаимной любви? Да! Вдруг! Если Богу будет угодно. Если Он не взыщет с меня ее отказом за мой прошлый отказ. И все равно, несмотря на риск опозорится в собственных, не только Нининых глазах, мне надо попробовать.

Как ни странно, Инка и Сашка подталкивали в правильном направлении еще до того, как я сам сумел нащупать его. Ну что ж, спасибо. Будем считать, что я им обязан. С Ниной или, если мое покаяние окажется запоздалым, с кем-то еще, но я обязан сначала заняться своей судьбой, а уж потом решать, заниматься ли мне дальше неопознанными объектами. Или чем там еще? Может статься – философией... Или философией с литературой. Полетам над Землей пришел конец. Теперь я мог их продолжать разве что в качестве пассажира. Значит, полет мысли был тем более необходим, потому что вообще без полета мне вряд ли стоило жить. А где – в глухом углу или на виду, – не столь существенно. Главное, рядом с любимым человеком успеть совершить то дело, ради которого, как я теперь только начал понимать, я и оставался

до сих пор жив, несмотря на искушения судьбы, которыми изобиловала моя летняя работа. Безбрежного океана времени впереди себя я уже не ощущал. А это что-нибудь да значило.

Эпилог. Михаил

Перечитав написанное, Михаил Горский не почувствовал никакой радости. В душе противно ныло. То и дело накатывало чувство, что он сделал что-то не то. Взятся за неразрешимую задачу. Именно за неразрешимую, а не просто непосильную для него, Михаила. Никакое сходство взглядов, вкусов и глубинных устремлений не могло быть достаточным для получения результата, сколько-нибудь сходного с кураевским. Неповторимая индивидуальность творца лежала много глубже их общего духовного слоя. Он не мог воспроизвести ни уникальную ментальность, ни уникальный жизненный опыт, ни интуицию другого человека, поскольку сам, как и любой другой, тоже являлся уникалом. Всевышний создал всех различающимися, несмотря на немалое сходство. Каждому отводится свое. И если кто-то не успевает сделать предназначенное ему в этой жизни, за него и так же, как он, не может уже сделать никто.

Предчувствия Михаила оправдались, пускай и не так скоро.

Черновой вариант «Тактики исчезновения» сестра покойного писателя Ольга Александровна на правах его единственной законной наследницы разрешила опубликовать

в Северо-Восточном издательстве. Оставалось только ждать сообщения о выходе романа. Однако время шло, а никаких новостей Михаил не получал. Однажды, спустя почти год, поднимаясь, но эскалатору, Михаил увидел в руках человека, спускавшегося навстречу, книгу с оттиском автографа Глеба Кураева на обложке. Книга была определенно такого формата, какого Михаил никогда не видел. Значит, где-то Глеба печатали, а он об этом не знал. На следующий же день Горский позвонил Вике.

– Да, – подтвердила она, – это издал Мухитдинов. Я давно уже знаю.

– Там только «Полигоны»? – спросил Михаил, с тоской чувствуя, что вот-вот узнает нечто крайне для себя неприятное.

– Нет, там и «Тактика исчезновения».

– И вы мне не сказали! – не скрывая досады, упрекнул ее Михаил. А в ответ услышал:

– Я забыла. Альфред привез мне несколько экземпляров, но я уже все раздала.

Что-то похожее на стыд, только не за себя, захлестнуло душу Михаила. Истолковав затянувшуюся паузу как свидетельство обиды, Вика напомнила:

– Да не переживайте так! Это же самый первый черновой вариант...

– Но я-то и такого не знаю! – вырвалось у Михаила. – Послушайте, а тот вариант, который только у Вас, Вы дадите

мне его прочесть – хотя бы в Вашем присутствии?

– Нет, – определенно и резко ответила Вика.

Горский едва не задохнулся от гнева. Какого черта она искала в нем слушателя для своих откровений!

Книгу, изданную Мухитдиновым, он все же достал и прочел. «Полигоны» были идентичны тексту, опубликованному в Москве еще при жизни Глеба. Что касается «Тактики исчезновения», то это действительно был достаточно сырой текст, над которым автор, будь он жив, еще работал бы и работал... Таким было первое открытие.

Второе, и главное, касалось лично Михаила: предчувствие провала всей его затеи оправдалось. Для начала – он пошел совсем не тем сюжетным путем, которой выбрал Глеб. Да и вообще кураевского у него не получилось ничего. Попытка последовать благородному примеру Римского-Корсакова и его коллег по «могучей кучке», дописавших незаконченную Бородиным «Богатырскую симфонию», оказалась бесплодной. Из-под пера Горского не вышло ничего похожего на работу человека, которому он хотел помочь, но который, рассуждая здраво, в этом уже не нуждался.

Оставалось смириться с поражением и отправить собственные «Стратегии» и «Тактики» в нижний ящик стола. Одно дело чувствовать и понимать в унисон с Глебом, совсем другое – творить. В этом вся разница. Тревожить тень любимого писателя, прежде казавшегося таким близким, таким понятным, Михаил больше не собирался. Пора было

прощаться.